ISSN 2782-6201 (Print)
E-ISSN 2782-6198
Издается с 2004 года

AlterEconomics

22(1), 2025

Тематический выпуск
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

22(1)
2025

AlterEconomics

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Уральского отделения
Российской академии наук

Founder:
Institute of Economics of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Российская академия наук
Уральское отделение
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

AlterEconomics

22(1)
2025

Тематический выпуск
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА
Приглашенный редактор — д. э. н., профессор Е. В. Балацкий

Special Issue
Economic Theory, Economic Education and Digital Economy
Evgeny Balatsky, Guest Editor, Dr. Sci. (Econ.), Professor

AlterEconomics.
T. 22, № 1, 2025

Сайт: https://jet-russia.com
ISSN 2782-6201 (Print)
E-ISSN 2782-6198
Издается с 2004 г., выходит ежеквартально
(до 2022 года «Журнал экономической теории»)

Индекс 41033 (Пресса России)
Запись о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-82147 от 18 октября 2021 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям:
5.2.1. Экономическая теория (экономические науки) с 01.02.2022
5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки) с 25.04.2023
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки) с 25.04.2023
5.2.4. Финансы (экономические науки) с 01.02.2022

Главный редактор:
Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна, д. с. н., к. э. н., Институт экономики РАН, Москва, Россия

Заместитель главного редактора:
Лаврикова Юлия Георгиевна, д. э. н., Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Редакционная коллегия:
Вольчик Вячеслав Витальевич, д. э. н., Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
Клейнер Георгий Борисович, член-корр. РАН, д. э. н., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия
Козлова Ольга Анатольевна, д. э. н., Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия (научный редактор)
Курц Хайнц Дитер, профессор экономики, Университет Грац, Австрия
Лаженцев Виталий Николаевич, член-корр. РАН, д. геогр. н., советник РАН, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия
Латов Юрий Валерьевич, д. с. н., Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия (научный редактор)
Литвинцева Галина Павловна, д. э. н., Новосибирский государственный технический университет НЭТИ, Новосибирск, Россия (научный редактор)
Маевский Владимир Иванович, академик РАН, д. э. н., Институт экономики РАН, Москва, Россия
Мартыненко Александр Валериевич, канд. физ.-мат. наук, Уральский государственный университет путей сообщения Екатеринбург, Россия (научный редактор)
Мыслякова Юлия Геннадьевна, к. э. н., Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия (научный редактор, выпускающий редактор)
Некипелов Александр Дмитриевич, академик РАН, д. э. н., МГУ, Москва, Россия
Полтерович Виктор Меерович, академик РАН, д. э. н., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия
Розмаинский Иван Вадимович, к. э. н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия (научный редактор)
Фримен Алан, профессор, директор, Институт по изучению геополитической экономии, Канада
Хануш Хорст, доктор естественных наук, вице-президент, Аугсбургский университет, Германия
Ходжсон Джеффри Мартин, профессор, Университет Лафборо, Великобритания

Учредитель и издатель: ФГБУН «Институт экономики УрО РАН».
Адрес издателя: 620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29. Тел.: (343) 371-45-36. Сайт: www.uiec.ru
Адрес редакции: 620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29.
Тел.: (343) 371-38-15. E-mail: jet@uiec.ru.
Технический редактор Ю. Ю. Мухамедьянова. Редактор А. А. Кононенко. Компьютерная верстка Е. В. Леготиной
Отпечатано с оригинал-макета ООО «Издательский дом «Ажур»
620049, г. Екатеринбург, ул. Восточная, д. 54
Тел. (343) 350-78-28, +7 (343) 350-78-49. E-mail: azhur.ek@mail.ru.
Подписано в печать 17.03.2025. Дата выхода в свет 25.03.2025.
Формат 70×100 1/16. Бумага ВХИ. Печать цифровая. Уч.-изд. л. 13. Тираж 500 экз. Заказ № 18/03-1

Свободная цена

«AlterEconomics» индексирован в: БД РИНЦ, НЭБ «КиберЛенинка», EBSCO Publishing.
Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0.

© Институт экономики УрО РАН, 2025.

AlterEconomics
Vol. 22 (No. 1) 2025

Website: https://jet-russia.com
ISSN 2782-6201 (Print)
E-ISSN 2782-6198
Published since 2004, issued quarterly
Former "Russian Journal of Economic Theory" (until 2022)
AlterEconomics is indexed in the databases: Russian Science Citation Index, CyberLeninka, EBSCO Publishing.

Editor-in-Chief:
Svetlana G. Kirdina-Chandler, Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics of RAS, Moscow, Russian Federation

Deputy Editor-in-Chief:
Yulia G. Lavrikova, Dr. Sci. (Econ.), Institute of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

Editorial Board:
Alan Freeman, Professor, Director of the Geopolitical Economy Research and Education Trust, Canada
Horst Hanusch, Doctor, Vice-President of University of Augsburg, Germany
Geoffrey M. Hodgson, Professor, Loughborough University London, Great Britain
George B. Kleiner, Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Central Economics and Mathematics Institute of the RAS, Moscow, Russian Federation
Olga A. Kozlova, Dr. Sci. (Econ.), Institute of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation (Associate Editor)
Heinz D. Kurz, Professor of Department of Economics of University of Gras, Austria
Yuriy V. Latov, Dr. Sci. (Soc.), Federal Center of the Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russian Federation (Associate Editor)
Vitaliy N. Lazhentsev, Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Geogr.), Advisor of RAS, Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russian Federation
Galina P. Litvintseva, Dr. Sci. (Econ.), Novosibirsk State Technical University NETI, Novosibirsk, Russian Federation (Associate Editor)
Vladimir I. Maevsky, Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Economics of RAS, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Martynenko, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russian Federation (Associate Editor)
Yuliya G. Myslyakova, Cand. Sci. (Econ.), Institute of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation (Associate Editor, Publishing Editor)
Aleksandr D. Nekipelov, Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), MSU, Moscow, Russian Federation
Viktor M. Polterovich, Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Central Economics and Mathematics Institute of the RAS, Moscow, Russian Federation
Ivan V. Rozmainsky, Cand. Sci. (Econ.), Higher School of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation (Associate Editor)
Vyacheslav V. Volchik, Dr. Sci. (Econ.), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Founder and Publisher:
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation. Tel.: 8 (343) 371-45-36, website: www.uiec.ru.
The address of the Editorial Office: 29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation.
Tel.: 8 (343) 371-38-15, e-mail: jet@uiec.ru
Technical Editor Yu. Yu. Mukhamedyanova
Proof-Reading A. A. Kononenko
Dekstop Publishing E. V. Legotina

Printed by "Azhur Ltd."
54, Vostochnaya St., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation. 500 copies.

The authors and the Editor retain copyright, the articles are published under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0). In case of reprinting, a pass-through copyright of "AlterEconomics" is required.

Copyright (c) Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2025.

Содержание

Предисловие приглашенного редактора

Балацкий Е. В. Экономическое знание: в поисках выхода из методологического тупика 1

Методологические вопросы экономической теории: признаки парадигмального тупика в экономической теории

Балацкий Е. В. В преддверии новой парадигмы экономической науки 6
Толкачев С. А. Судьба экономической теории на этапе глобального мирохозяйственного кризиса.....22
Ореховский П. А., **Разумов В. И.** Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром.....40
Сухих В. В. Цифровая революция, кризис экономической теории и возвращение утопий 54
Вольчик В. В. Идеология, цифровая экономика и промпт-знание 66

Методологические вопросы экономической теории: направления переформатирования экономической теории

Веселов Д. А. От теории роста к теории развития: за пределами стационарных траекторий 83
Криничанский К. В. Политическая экономия финансового развития 103
Бучинская О. Н. Экономическая теория: новые пути развития экономического образования в эпоху цифровой экономики 121
Кирдина-Чэндлер С. Г. Экономисты русского авангарда 141

Contents

Guest Editorial

Balatsky E. V. Economic Knowledge: Overcoming the Methodological Impasse 1

Methodological Issues in Economic Theory: Signs of a Paradigmatic Impasse

Balatsky E. V. On the Verge of a New Economic Science Paradigm 6
Tolkachev S. A. Economics' Hard Fate in the Global Economic Crisis 22
Orekhovsky P. A., **Razumov V. I.** Economic Theory of the "Classboard": Between Reality and Simulacrum 40
Sukhikh V. V. The Digital Revolution, the Crisis of Economic Theory, and the Return of Utopias 54
Volchik V. V. Ideology, Digital Economy and Prompt-Knowledge 66

Methodological Issues in Economic Theory: Paths for Reshaping the Discipline

Veselov D. A. From Growth Theory to Development Theory: Beyond Stationary Trajectories.....83
Krinichansky K. V. Political Economy of Financial Development.....103
Buchinskaia O. N. Economic Theory: New Paths for the Development of Economic Education in the Digital Economy Era 121
Kirdina-Chandler S. G. Economists of the Russian Avant-Garde 141

ПРЕДИСЛОВИЕ ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.1

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Экономическое знание: в поисках выхода из методологического тупика[1]

Евгений В. БАЛАЦКИЙ ✉
Центральный экономико-математический институт РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Балацкий, Е. В. (2025). Экономическое знание: в поисках выхода из методологического тупика. *AlterEconomics, 22*(1), 1–5. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.1

Economic Knowledge: Overcoming the Methodological Impasse

Evgeny V. BALATSKY ✉
Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Balatsky, E. V. (2025). Economic Knowledge: Overcoming the Methodological Impasse. *AlterEconomics, 22*(1), 1–5. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.1

Современное экономическое знание переживает крайне непростое время. С одной стороны, уже многое открыто, понято и осмыслено, с другой — на самые животрепещущие вопросы не удается дать адекватные ответы. Одновременно с этим технологическая парадигма XXI в. требует, чтобы и экономическая наука из абстрактного знания превращалась в социальную технологию преобразования мира. Подобные новые вызовы и требования естественным образом запускают шумпетеровский механизм «созидательного разрушения», когда старое знание отрицается, а новое пока не обрело зрелые формы. Этот процесс является чрезвычайно болезненным, но и весьма интригующим. Именно в этой точке мы и находимся в настоящий момент времени.

Осмыслению специфики нынешнего методологического тупика экономической науки и поиску путей выхода из него посвящен нынешний тематический номер журнала. Эти две линии проходят по всем представленным статьям, раскрывая и углубляя сущность происходящих процессов. Сопряжение указанных двух вопросов представляется не просто методологически плодотворным, но и безальтернативным подходом — чтобы понять, куда идти, нужно максимально хорошо разобраться, где мы находимся. Чтобы создать что-то новое, нужно отказаться от чего-то старого. В этом и состоит научное творчество и поисковая деятельность. Как в свое время справедливо подметил Р. Тагор: «Знание есть ничто иное, как постоянное сожжение заблуждения с целью освободить свет истины»[2]. С этой точки зрения статьи номера образуют два взаимосвязанных блока. Первый блок состоит из статей, в которых «сжигается» старая парадигма экономической науки и намечаются альтернативные пути; второй блок включает статьи с более предметным обсуждением новых направлений исследований для «освобождения света истины».

[1] © Балацкий Е. В. Текст. 2025.

[2] Тагор, Р. (2011). *Садхана. Творчество жизни*. Москва: Амрита, 176.

В открывающей номер статье Е.В. Балацкого фиксируется «точка отсчета» нынешнего состояния экономического знания, которая, по мнению автора, состоит в его масштабном самоотрицании. Свойственное более ранним экономическим исследованиям почтение к классикам прошлого и экономистам-предшественникам сменилось их умолчанием или даже излишне жесткой критикой. Было бы крайне наивно полагать, что подобная утрата почтения у современников является выражением их примитивного бескультурья или немотивированной озлобленности. Это, скорее, признак эмоционального раздражения и интеллектуальной неудовлетворенности исследователей тем фактом, что у «гигантов прошлого» они не только не могут найти готовых ответов на злободневные вопросы, но и даже намеков на возможные ответы. Такой методологический тупик требует радикального пересмотра парадигмы экономического знания в сторону отказа от излишнего теоретизирования и формализма с разворотом к более конструктивным постановкам задач по проектированию, организации и конструированию новых социальных систем и их подсистем.

Следующая статья С.А. Толкачева углубляет наше понимание бесперспективности прежней методологической парадигмы мейнстрима. В центре внимания автора оказывается когнитивный догматизм представителей неоклассической экономической теории, проявляющийся в откровенном игнорировании логических противоречий при объяснении современных явлений. Типичным примером когнитивного догматизма, по мнению автора, является парадокс инноваций, согласно которому замедление роста производительности идет на фоне массированных вложений в инновации, что противоречит основным положениям мейнстрима. В основе такой невосприимчивости известных экономистов к контраргументам их оппонентов лежит принцип «рыночного супрематизма», когда исследователи априори отказываются соотносить теорию с действительностью. В связи с этим новая парадигма экономического знания предполагает категорический отказ от принципа «рыночного супрематизма».

В статье П.А. Ореховского и В.И. Разумова обсуждение проблемы бесперспективности современной экономической теории получает дальнейшее развитие и наполнение. Авторы исходят из того, что научная теория воспроизводит (копирует) работу сил природы в форме специальных терминов и категорий, а создание технологий воспроизводит (копирует) этот процесс в форме конкретных устройств и механизмов. Однако современная экономическая теория, по мнению авторов, превратилась в симулякр Ж. Бодрийара, когда происходит создание копий того, чего в реальности не существует. Примером такого научного симулякра в СССР служит политическая экономия социализма, описывающая социализм, который, строго говоря, в стране так и не был построен. Современная экономическая теория повторяет судьбу политической экономии: ее объекты существуют только на классной доске, на которой записываются соответствующие абстрактные формулы. В связи с этим в университетских курсах экономической теории можно преподавать буквально все что угодно. Выходом из создавшегося положения авторы видят в трансформации данной дисциплины в форму истории экономической мысли, что позволит избежать идеологического прессинга со стороны профессоров за счет расширения идейной палитры и придания «научного равноправия» всем теоретическим концепциям.

Статья В.В. Сухих развивает идею парадигмального тупика экономического знания. Автор справедливо отмечает, что колоссальная сложность и изощренность современных теоретических конструкций стали итогом процесса, в соответствии с которым вместо замены старой парадигмы на новую ее непрерывно дополняли и усложняли с целью привести устоявшиеся взгляды в соответствие с наблюдаемыми новыми явлениями. Несмотря на подобное усложнение, всё больше явлений оказываются аномальными для традиционной теории. Однако в последнее время процесс «косметического ремонта» мейнстрима дополнительно осложняется необходимостью включения в рассмотрение новых феноменов цифровой революции. Подобная имплантация новых идей на старой теоретической базе таит в себе опасность возникновения новых научных утопий. Это связано с тем обстоятельством, что отцы-основатели цифровой экономики были пропитаны противоречивыми идеями утопического социализма, анархизма и коллективизма. Эти идеалистические установки, переплетаясь с современным мейнстримом, уже сегодня генерируют ложные надежды на сетевое сотрудничество людей, свободу слова, отрицание права собственности, ликвидацию капиталистического отчуждения труда от человека. Автор справедливо напоминает нам об аналогичных исторических прецедентах: политическая экономия А. Смита изначально была частью во многом утопического проекта построения нового общества; К. Маркс и Ф. Энгельс создали свое учение под влиянием утопического социализма, а их собственное учение не раз становилось утопической идеологией. В разряд экономических классиков на наших глазах входит П. Кропоткин. Однако все эти наложения разнородных теоретических концепций ведут к очередной путанице даже на уровне терминологии без особых надежд на получение качественно новых результатов в экономическом знании.

Завершает первый блок статей работа В.В. Вольчика, в которой автор поднимает проблему зависимости экономического знания от идеологических установок исследователей. Такая зависимость неустранима, но драматизм ее проявления в цифровую эпоху многократно усиливается. В условиях информационной перегруженности исследователи вынуждены более активно пользоваться идеологическими матрицами смыслов, которые в ряде случаев специально конструируются и навязываются в современном научном поле. Развитие таких процессов привело к возникновению так называемых идеолоноид (*ideolonoids*), которые представляют собой быстро сконструированные «поддельные» идеологии (квазиидеологии), служащие для контроля над политическим языком и продвижения определенных ценностей. В свою очередь если у исследователей существуют сильные идеологические предубеждения, то поступающие новые факты, противоречащие этим априорным установкам, только усиливают их, приводя к эффекту обратного действия и еще большему искажению реальной картины мира. Многочисленные идеолоноиды в условиях примата скорости обработки информации над ее качеством ведут к их дальнейшему выхолащиванию, вплоть до формирования упрошенных лозунгов, которые и продвигаются в «научные массы». Происходящая на наших глазах замена Человека Экономического (*Homo Economicus*) Человеком Машинным, или Машиной Экономической (*Machina Economicus*) генерирует промпт-знание, которое представляет собой новый вид знания по взаимодействию человека и искусственного интеллекта с утратой важности содержания получаемых ответов на поставленные вопросы. Неудивительно, что в такой среде со-

временная экономическая наука утрачивает свою плодотворность и содержательность, генерируя ничего не значащие «научные кванты» в виде россыпи бессмысленных статей и книг, моделей и теорий, кейсов и цифр.

Статья Д.А. Веселова открывает второй блок статей и посвящена реализующемуся в настоящее время переходу от теорий экономического роста, которые раскрывают детерминанты относительно равномерных траекторий экономического роста, к теориям развития, объясняющим периодически возникающие исторические развилки в динамике разных стран и регионов мира. Обозначенный переход уже сам по себе означает если и не кардинальный, то, по крайней мере, частичный пересмотр научной парадигмы мейнстрима. Это связано с двумя обстоятельствами: во-первых, с отказом от рассмотрения интенсивности стационарного экономического роста в пользу определения направления (вектора) эволюции социальных систем; во-вторых, с активным привлечением междисциплинарного инструментария со статистическими данными разной природы — археологическими, антропологическими, историческими, биогеографическими и т. п. Хотя теории роста и развития напрямую не противоречат друг другу, их сосуществование провоцирует латентный конфликт внутри экономического знания с возможным и не слишком отдаленным «вымиранием» традиционных моделей роста.

Статья К.В. Криничанского раскрывает еще одну интересную попытку выхода современной экономической теории из методологического тупика — интеграцию теорий развития финансового сектора в расширенный политэкономический контекст. Такой подход позволяет понять обусловленность влияния развития финансовых рынков на экономический рост массой дополнительных институциональных показателей. В свою очередь это приводит к нелинейности зависимости «финансы — рост» с учетом страновых различий в развитии финансового сектора и политической системы. Разумеется, обозначенный подход относится к классу методов «косметического ремонта» современной экономической теории и не может претендовать на роль генерального методологического тренда, однако он дает прекрасный пример того, как один тип исследований «обертывается» в другой с получением более богатого набора выводов практической направленности.

В статье О.Н. Бучинской развивается тема трансформирующего влияния цифровой экономики на основополагающие принципы мейнстрима. Например, уже сегодня наблюдается своеобразный переход от Человека Разумного (*Homo Sapiens*) к Человеку Цифровому (*Homo Digitalis*), который существует в параллельных мирах с биологическими, социальными и виртуальными идентичностями. Удовлетворение его потребностей — в сфере образования, здравоохранения и развлечений — основано на капитализме платформенных приложений (*appitalism*). В такой реальности возникают удивительные поведенческие инновации. Например, совершенная конкуренция прекращает свое существование за счет того, что современные компании перестают снижать цену на свои товары, как это должно происходить в рамках конкурентной борьбы, а вместо этого осуществляют их индивидуализацию и монополизацию соответствующих рыночных ниш. Аналогичным образом происходит сервитизация товаров, предполагающая постепенное исчезновение частной собственности потребителей на продукты по мере их освоения. Все эти явления должны найти отражение в современной теории и ее преподавании; в противном случае само экономическое образование начинает восприниматься как неадекватное и неценное.

Завершает статьи данного блока и всего тематического номера работа С.Г. Кирдиной-Чэндлер, посвященная новаторским идеям выдающихся русских экономистов (П. Кропоткина, А. Богданова, Н. Кондратьева и др.), которые могут быть отнесены к научному авангарду. Последний предполагает выход за пределы известного знания за счет того, что представители авангарда, с одной стороны, заходят «слишком далеко» на пути разрушения принятых норм и устоявшейся парадигмы, а с другой стороны, делают «шаг назад» к более традиционным для российской культуры представлениям и структурно более ясным формам и инструментам. Похоже, что такой подход является универсальным для переломных эпох. Данное обстоятельство, по мнению автора, является основанием для того, чтобы «поучиться» у представителей русского экономического авангарда в целях преодоления методологического тупика современного экономического знания.

Разумеется, представленные статьи не исчерпывают всего разнообразия накопленных проблем в недрах экономического знания и путей их преодоления, однако они дают достаточно богатую палитру идей для понимания специфики современного этапа и возможностей движения вперед. Однако если быть до конца честным, то следует признать, что рассмотренных в этих статьях аномалий, не вписывающихся в развитие науки в «нормальное время», более чем достаточно для понимания того беспрецедентного масштаба реформ, которые предстоят экономистам будущих десятилетий. И это таит в себе серьезную опасность, присущую периодам «созидательного разрушения», когда стремление к разрушению может превзойти возможности созидания. Здесь важно не обнулить великие достижения прошлого и, прежде всего, зашедшего в тупик пресловутого мейнстрима. Необходимо переформатировать нынешнюю научную парадигму экономической науки, сохранить «драгоценности» традиционного знания и наметить перспективные направления будущих исследований. Это весьма амбициозная программа реформирования нынешней науки, осталось дело за малым — реализовать ее.

С наилучшими пожеланиями,
доктор экономических наук
Е.В. Балацкий

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ПРИЗНАКИ ПАРАДИГМАЛЬНОГО ТУПИКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2
УДК 330.1, 330.8
JEL A10, A11

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

В преддверии новой парадигмы экономической науки[1]

Евгений В. БАЛАЦКИЙ ✉
Центральный экономико-математический институт РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Балацкий, Е. В. (2025). В преддверии новой парадигмы экономической науки. *AlterEconomics, 22*(1), 6–21. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2

Аннотация. В статье рассмотрен нынешний методологический тупик экономической науки, который проявляется в феномене ее масштабного самоотрицания, принимающего формы двух взаимосвязанных эффектов. Первый — эффект самоотрицания первого рода — является очень глубоким и связан с молчаливым отрицанием научной общественностью вклада крупнейших экономистов прошлого и невостребованностью их идей и разработок. Второй — эффект второго рода — сопряжен с утратой интереса экономистов к математическому инструментарию исследования операций и с его крайне низкой практической востребованностью. Показано, что потребность в перестройке современного *economics* усиливается тремя обстоятельствами. Первое состоит в происходящей на наших глазах методологической инверсии знания, состоящей в переходе от аддитивного принципа к субстрактивному, второе проявляется в широком распространении в *economics* парадокса Баумана, а третье связано с невозможностью *economics* ответить на самые насущные новые вопросы современности. Всё это позволяет констатировать, что *economics* находится в преддверии новой научной парадигмы. Обосновывается, что в ее основе будут лежать следующие установки: принцип конструирования, согласно которому экономисты будущего будут организовывать новые производственные и социальные системы с заранее заданными свойствами для получения желаемого результата; ликвидация парадокса Баумана, чтобы конкретная задача предшествовала построению моделей и их решений; принцип поликаузальности и включение в теорию идеологии, институтов и географии; принцип формальной мягкости новой науки, когда математическая строгость перестает оказывать самодовлеющее воздействие.

Ключевые слова: экономическая теория, экономический рост, развитие экономического знания, отрицание, методология, парадигма

[1] © Балацкий Е. В. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

On the Verge of a New Economic Science Paradigm

Evgeny V. BALATSKY ✉
Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Balatsky, E. V. (2025). On the Verge of a New Economic Science Paradigm. *AlterEconomics, 22*(1), 6–21. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2

Abstract. This article examines the current methodological deadlock in economic science, manifested in a phenomenon of large-scale self-negation, which takes two interrelated forms. The first type of self-negation is deep and involves the academic community quietly dismissing the contributions of major economists from the past, making their ideas and developments seem outdated. The second type of self-negation is linked to economists losing interest in the mathematical tools used for operational research, resulting in their limited practical application. It is argued that the need to restructure modern economics is driven by three key factors. The first is the methodological inversion of knowledge occurring before our eyes, shifting from an additive to a subtractive principle. The second is the widespread presence of Bauman's paradox in economics. The third is the inability of economics to address the most pressing contemporary issues. All of the above suggests that economics stands on the verge of a new scientific paradigm. The article shows that this paradigm will be built on the following principles: a constructivist approach, in which economists will design new production and social systems with predefined properties to achieve desired outcomes; the elimination of Bauman's paradox, ensuring that specific problems precede the development of models and their solutions; the principle of multi-causality, integrating ideology, institutions, and geography into economic theory; and the principle of formal flexibility, where mathematical rigor no longer exerts a self-sufficient influence.

Keywords: economic theory, economic growth, development of knowledge economy, negation, methodology, paradigm

1. Введение

Вряд ли будет ошибкой утверждение, что первый серьезный удар по состоятельности экономической науки был ей нанесен крушением Советского Союза в 1991 г. и последующим развитием событий, ставших откровением для мейнстрима. После этого *economics* некоторое время паразитировал на постсоветских странах, рассматривая переходные процессы в экономике и тем самым углубляя традиционное экономическое знание. Однако научного прорыва не произошло. Это дало основание В.М. Полтеровичу для написания его программной статьи о кризисе экономической теории (Полтерович, 1998). В это же самое время вышла статья Я. Корнаи, в которой он провозгласил необходимость перестройки economics на позициях системного подхода (Kornai, 1998). Дж. Хикс считал, что любой экономический бум, равно как и кризис, рано или поздно должен иссякнуть сам по себе (Хикс, 1993). Наверное, и кризис в науке тоже должен был бы со временем иссякнуть. Вопреки ожиданиям, этого не произошло. Наоборот, в 2007–2008 гг. грянул ипотечный кризис, который окончательно продемонстрировал, что в economics не все благополучно. Это дало основание для новой программной статьи В.М. Полтеровича относительно возможной конфигурации будущего экономического знания (Полтерович, 2011).

Сообщество экономистов консервативно, а потому призывы Я. Корнаи и В.М. Полтеровича остались без внимания, а ситуация и дальше развивалась по уже наметившемуся тренду. Более того, в 2022 г. стартовало масштабное противостояние Запад / Не-Запад, принявшее форму политического столкновения США

и России, которое в свою очередь сгенерировало волну прогнозов ведущих экономистов мира относительно прочности российской экономики, которые потерпели поразительное фиаско. Это позволило констатировать в 2022 г., что в *economics* уже имеет место не просто кризис, а глобальный методологический тупик, т. к. кризис, обозначенный еще в 1998 г., сам по себе за четверть века так ничем и не разрешился (Балацкий, 2022). В связи с этим в 2022 г. был выдвинут тезис о необходимости радикальной перестройки социального знания и создания, по сути, новой науки — социономики (Балацкий, 2022). В 2023 г. это положение было смягчено С.Г. Кирдиной-Чэндлер указанием на тот факт, что в мире развиваются более щадящие тренды по перестройке экономического знания: создание «стыковых» с экономикой наук (нейроэкономика, эконофизика, экономика сложности и т. п.); «мягкая» междисциплинарная конвергенция (обмен моделями и методами анализа); развитие междисциплинарного плюрализма и синтеза (Кирдина-Чэндлер, 2023). С этим тезисом можно согласиться лишь частично.

Дело в том, что такие дисциплины, как нейроэкономика и эконофизика, пока так и не дали долгожданных положительных результатов; фактически они по-прежнему остаются некими аналитическими упражнениями, не более. Междисциплинарная конвергенция привела к масштабному обмену инструментальным багажом между социальными науками (например, между экономикой и политологией, экономикой и социологией), но это так же не привело к зримому прорыву. Что же касается плюрализма и синтеза, то здесь ситуация видится следующим образом. Во-первых, на практике плюрализм и синтез плохо различимы: удачный плюрализм превращается в синтез, а неудачный синтез — в плюрализм; фактически это движение с разных сторон к одной цели, но на одной методологической основе. Во-вторых, даже удачный синтез не решает главных проблем экономического знания — его значительной оторванности от реальности и неспособности давать конструктивные практические рекомендации.

Разумеется, независимо ни от чего, методологическая мысль развивалась. Например, были вскрыты мировоззренческие и методологические барьеры развития системной парадигмы в экономике (Кирдина-Чэндлер, 2021), противоречия между формальной строгостью и этической нейтральностью economics и его низкой точностью и объективностью (Нифаева, 2022). Было раскрыто влияние идеологии на характер экономического знания (Полтерович, 2017b), а также зависимость идеологической ортодоксии экономической теории от фаз технологических и регуляторных циклов (Толкачев, 2024). Одновременно с этим развивалась системная парадигма экономических исследований (Клейнер, 2023), предполагавшая увязку *economics* с системой управления и теорией организации. Предлагалось перестроить экономическое знание путем системного сочетания экономической теории, политики, управления экономикой и хозяйственной практики (Клейнер, 2024). Были рассмотрены и перспективы институционального синтеза (Кирдина-Чэндлер, 2021). Иногда даже высказывались весьма оптимистические суждения по поводу наметившихся успехов в обновлении *economics*. Так, констатировался прорыв в 20-е гг. XXI столетия в области использования методов и моделей эконофизики в экономике и состоявшийся союз экономической теории и математической физики (Полтерович, 2017a). Высказывалась и надежда, что впереди нас ожидает великий синтез на базе двух методологических канонов — равновесной и институционально-исторической школ (Полтерович, 2022). Однако все эти подходы

и надежды пока не приняли конкретной формы и не дали примеров по-настоящему удачного воплощения.

Всё сказанное и обусловило возврат к старой проблеме: как преодолеть тот методологический тупик, в котором оказалась экономическая наука? В связи с этим цель статьи состоит в раскрытии двух взаимосвязанных вопросов: в демонстрации того факта, что экономическое знание вступило в фазу активного самоотрицания, что само по себе является убедительным подтверждением наличия методологического тупика; а также в описании основных контуров той новой научной парадигмы, которая способна вытащить economics из нынешнего тупика.

2. Самоотрицание в сфере математического сегмента экономики

В литературе уже отмечался тот факт, что в XXI в. западное сообщество вступило в фазу глобального самоотрицания, включая отрицание религии, истории, морали, права и науки (Balatsky, 2022). Этот тренд довольно уверенно проецируется и на экономическое знание.

Здесь хотелось бы отметить довольно странную и во многом парадоксальную ситуацию, сложившуюся в математическом сегменте *economics*. Для этого следует вспомнить, что существуют разделы математики, которые своим появлением обязаны экономическому знанию и его задачам: линейное, нелинейное и динамическое программирование, теория игр, эконометрика и теория массового обслуживания. Этот комплекс дисциплин образует платформу исследования операций. Сюда следовало бы добавить такое своеобразное направление, как магистральная теория, которая, не будучи самостоятельным разделом математики, всё же породила массу интересных математических результатов в виде так называемых теорем о магистрали — в слабой, сильной, полуслабой и полусильной формах. Еще в 1980-х гг. эти направления бурно развивались, и на них возлагались большие надежды.

Как же обстоит дело сейчас? Если теория двойственности в линейном программировании была чуть ли не альфой и омегой *economics* 1980-х гг., симплекс-метод стал стандартом математической грамотности экономистов, а профессиональные математики разрабатывали все более совершенные методы численного решения соответствующих задач и их упаковывания в пакеты прикладных программ, то сегодня этот инструментарий вообще не используется. Причем степень забвения этого аппарата впечатляет — многие студенты уже не знакомятся с этим направлением. Похоже, что оно себя не просто исчерпало, но и полностью дискредитировало. По крайней мере, востребованность теории двойственности сегодня нулевая.

Еще хуже ситуация наблюдается в нелинейном программировании. В 1980-е гг. стандартом экономической состоятельности экономиста выступало знание условий Куна–Таккера, а математики изощрялись в разработке градиентных методов численного решения нелинейных задач оптимизации. Сегодня это направление постигло полное забвение. Никому даже в голову не приходит тратить усилия на дальнейшее развитие математической теории этого раздела.

В динамическом программировании уравнение Беллмана приобрело почти метафорическое значение. Более того, с ним была связана новая экономическая и математическая философия — многошаговая оптимизация. Шел активный поиск зон практического применения многошаговой оптимизации, что даже привело к созданию теории управления запасами. Однако сегодня эти задачи остались в прошлом, и возродить интерес к ним представляется нереалистичным.

Теория массового обслуживания породила свои метафорические образы — просеянный поток Эрланга и многоканальные системы так же стали нормой научной культуры экономистов. Возможно, из-за того, что теория массового обслуживания стояла особняком для нужд экономической теории, то и интерес к ней упал стремительнее, чем к остальным разделам математической теории оптимизации.

Магистральная теория дала не только знаменитый луч фон Неймана (магистраль) и многочисленные теоремы, но и использовалась для синтеза разных задач. Например, в качестве «тела» магистральных задач использовались межотраслевые модели, что позволяло превращать абстрактную математику в более содержательные экономические задачи, что в свою очередь подпитывало ожидания в отношении возможностей этого направления. Однако сегодня магистральная теория подверглась, пожалуй, самому серьезному забвению, когда складывается впечатление, что ее никогда и не было.

Из всего арсенала математической теории оптимизации «выжила» только теория игр, за которую до сих пор присуждают Нобелевские премии и которая стала нормой для теоретических исследований в области экономики. Осуществляются и даже публично объявляются попытки практического использования результатов теории игр, однако на поверку это оказывается мифом — речь идет о сугубо теоретических экспериментах. Примером «впечатляющих» практических результатов теории игр может служит тезис, строго доказанный Нобелевским лауреатом по экономике Р. Ауманом, что наивное миротворчество может привести к войне, а гонка вооружений и достоверная угроза войны с взаимным гарантированным уничтожением могут надежно предотвратить войну. Только вопрос состоит в том, нужно ли математически доказывать этот тезис и, что самое главное, как теперь, когда мир стоит на грани ядерной катастрофы, его применить в реальной политике. Такой «стрельбы по воробьям» в теории игр много, а удачные практические внедрения надо искать — и не факт, что найдешь.

Еще одно направление математики, которое сохраняется, — эконометрика. Альтернативы этому направлению нет, а потому оно сохраняет свои позиции. Однако уже сейчас эконометрика превратилась в инструмент анализа, а не прогноза или принятия решений. Примерно та же судьба постигла общую теорию равновесия, которая сегодня гораздо лучше используется экономическими историками для анализа процессов многовековой давности, нежели для современных среднесрочных прогнозов.

Здесь не место рассуждать о причинах постепенного забвения математических достижений экономики, тем более что таковых много. Гораздо важнее обозначить сам факт того, что мы находимся в исторической точке, в которой востребованность «новых» разделов математики катастрофически снизилась. Похоже, что знаменитые задачи о коммивояжере, о раскрое материалов, транспортные и другие задачи постепенно утратили свое значение[1]. Разумеется, кое-кто и кое-где продолжает использовать аппарат исследования операций, но, во-первых, это делается, как правило, для сугубо теоретических исследований, никак не проецирующихся в реальную жизнь, а во-вторых, это удел одиночек-маргиналов, интерес к работам которых могут проявить только такие же одиночки-маргиналы. Значимого влияния на формирование новых концептов эти работы уже не оказывают.

[1] Алексеева, Е. В. (2012). *Построение математических моделей целочисленного линейного программирования*. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 131.

Напрашивающийся вывод из сказанного прост: математические разделы исследования операций уже не стимулируют научной мысли экономистов. И что не менее важно — они так и не получили широкого практического использования, что предполагалось в момент формирования новых разделов математики. Данное явление здесь и далее будем называть эффектом самоотрицания второго рода и понимать под ним утрату интереса экономистов к математическому инструментарию исследования операций и его крайне низкую практическую востребованность.

3. Самоотрицание в сфере содержательных идей и имен

Помимо инструментальных нюансов, в *economics* всегда было множество содержательных идей с их авторами, что и позволило построить «именную» экономическую науку. В связи с этим правомерно задаться вопросом по поводу таких идей и имен: как с ними обстоит дело?

Ответ на поставленный риторический вопрос очевиден: ключевые экономические идеи и имена их родоначальников также постепенно подвергаются забвению. Для иллюстрации этого тезиса рассмотрим несколько показательных примеров.

Одной из самых ярких фигур *economics* XX в., несомненно, является личность П. Самуэльсона, который стал пионером в огромном числе научных направлений — теории циклов, моделей перекрывающихся поколений, проблем внешней торговли и т. п. Авторитет и цитируемость этого экономиста были феноменальными. Достаточно напомнить, что в день смерти экономиста в статье-некрологе о нем «The New York Times» назвала П. Самуэльсона «самым выдающимся академическим экономистом XX века»[1]. Казалось, что этому столпу экономической науки не страшно время и его вклад всегда будет самоочевидным. Однако сегодня имя П. Самуэльсона медленно, но верно забывается. Все его работы устарели, ссылки на них уже не уместны, все идеи отработаны, а многие из них оказались тупиковыми. Ссылки на статьи Самуэльсона сегодня являются музейной редкостью.

Другим гигантом современного *economics* считался В. Леонтьев, чье имя также фигурировало почти повсеместно: в теории внешней торговли, статистического агрегирования, в макроэкономике и, прежде всего, в методологии межотраслевых моделей всех видов (статических, динамических, с экологическим ущербом и т. п.). За свои модели он получил прозвище «апостола планирования», а отечественный экономист А. Аникин еще в 1999 г. отмечал, что авторитетная международная Энциклопедия общественных наук считает вклад Леонтьева в экономическую науку сравнимым с тем, какой внесли в нее А. Смит и Дж. М. Кейнс, тогда как последних можно уподобить Ньютону и Эйнштейну экономической науки[2]. Всё это позволяло надеяться, что наследие В. Леонтьева будет вечным, а его идеи не умрут. Однако, как сегодня можно видеть, и эта надежда оказалась тщетной — несмотря на приведенные эпитеты, ссылок на работы Леонтьева в современных статьях уже просто невозможно встретить.

Еще одним патриархом современного economics по праву считается Г. Беккер, который стоит у истоков множества новых разделов экономической теории —

[1] См.: Weinstein, M. M. (2009, December 13). Paul A. Samuelson, Economist, Dies at 94. *The New York Times*. https://www.nytimes.com/2009/12/14/business/economy/14samuelson.html (дата обращения: 11.11.2024).

[2] См.: Аникин, А. (1999, 17 февраля). Патриарх тотального планирования. *Журнал «Коммерсантъ Деньги»*. https://www.kommersant.ru/doc/22491 (дата обращения: 11.11.2024).

экономики дискриминации, теории человеческого капитала, экономики преступности, новой теории потребления, экономики семьи и т. п. Помимо этого, он в 1985–2004 гг. был колумнистом американского делового издания «Business Week», а с 2004 г. вел вместе с судьей Р. Познером блог, являвшийся самым цитируемым в среде профессиональных экономистов[1]. И, как справедливо отмечал Р.И. Капелюшников, Беккер был чуть ли не самым цитируемым экономистом на Земле и одним из самых виртуозных, ибо почти все его модели неизменно завоевывали репутацию классических и становились базовыми для дальнейших разработок (Капелюшников, 1993). Казалось, такому титану ничто не угрожает, однако сегодня мы видим все ту же картину — и его наследие подверглось забвению. Хотя ныне на Г. Беккера еще можно встретить редкие ссылки, это связано не с особой ценностью его работ, а с тем, что его творческая деятельность закончилась позже, чем у Самуэльсона и Леонтьева.

Таким образом, мы видим некое системное отрицание современной наукой даже тех идей и результатов, которые считались классическими. Разумеется, список классиков, которых постигла участь несправедливого забвения, может быть продолжен, что говорит о системности рассматриваемого явления.

Но это не всё! Сегодня формируется тенденция к откровенному дезавуированию классиков, если не сказать к их очернению. Наиболее «свежим» и ярким примером тому может служить научный бестселлер Д. Аджемоглу и С. Джонсона (2024), в котором они на протяжении всей книги многократно и в уничижительных тонах упоминают Мальтуса. И, надо сказать, делается это непрофессионально. Например, на с. 146 они утверждают, что «свидетельства средневековой Европы решительно опровергают идею „мальтузианской ловушки”», а на с. 181 они заявляют, что «средний рост выработки на душу населения в течение долгих периодов времени почти не отличался от нуля» (Аджемоглу, Джонсон, 2024). Тем самым, дойдя до отрицания самого факта мальтузианской ловушки, существование которой считается общепризнанным, авторы дошли до противоречия самим себе. Так воспринимают наследие Мальтуса последние Нобелевские лауреаты по экономике! Это становится особенно странным и поразительным, если вспомнить, что упоминавшийся выше П. Самуэльсон на всю жизнь запомнил день, когда он родился как экономист — это был день, когда он услышал свою первую лекцию в колледже о Т. Мальтусе, изучавшем взаимосвязь между бедностью и ростом населения[2]. И упоминавшийся выше Г. Беккер в своей нобелевской лекции отдал дать уважения Мальтусу, подчеркивая тот факт, что необходимость преодоления ограничений его теории явилась исходным пунктом для создания теории человеческого капитала и новой экономики семьи (Беккер, 2003).

Данный пример говорит о том, что даже среди Нобелевских лауреатов по экономике сформировалось, по крайней мере, два поколения: старое, которое подпитывалось идеями классиков прошлого, и новое, которое отрицает или не ценит усилий своих предшественников. Вряд ли здесь следует искать какие-то осо-

[1] См.: Крылов, Д., Логинов, Г. (2010). Интервью с Гэри Беккером: «Считаю, хорошая идея — заниматься экономической социологией». *Экономическая социология, 11*(3), 8–12. https://www.hse.ru/data/2011/02/27/1211505522/Becker--RUS--EcSoc.pdf (дата обращения: 11.11.2024).

[2] См.: Weinstein, M. M. (2009, December 13). Paul A. Samuelson, Economist, Dies at 94. *The New York Times*. https://www.nytimes.com/2009/12/14/business/economy/14samuelson.html (дата обращения: 11.11.2024).

бые причины подобной позиции. Скорее всего, новое поколение переосмысливает действительность, которая сильно изменилась со времени не только классиков, но и первых Нобелевских лауреатов по экономике. Сегодня другой мир, и знания прошлого для него устаревают, ставятся нерелевантными.

Эту позицию можно принять в качестве рабочей гипотезы, но это не снимает глубоких проблем в современном *economics*. Например, можно смело утверждать, что ни один Нобелевский лауреат нового поколения, условно датируемого с начала XXI в., не сопоставим с тем влиянием на научную жизнь, которую оказывали экономисты старого поколения. Имена и научные результаты новых лауреатов забываются почти сразу после присуждения им премии.

Здесь и далее рассмотренный феномен будем называть эффектом самоотрицания первого рода и понимать под ним молчаливое отрицание научной общественностью вклада крупнейших экономистов прошлого и невостребованность их идей и разработок.

Подобный эффект забвения по отношению к фундаментальным научным идеям и разработкам в области экономики, именам их создателей и целым разделам математики свидетельствует о том, что economics не просто переживает кризис, а находится в методологическом тупике. Подобные масштабные методологические тупики связаны с исчерпанием возможностей старой парадигмы и необходимостью перехода к новой. Именно в этой развилке и находится современная экономическая наука.

4. Причины эффекта самоотрицания в economics

Если попытаться раскрыть причины возникшего глобального эффекта самоотрицания, то их можно назвать множество, но вполне достаточно указать только на некоторые из них.

Первая состоит в том, что на наших глазах поменялась субпарадигма экономического знания в части сохранения своего багажа. Так, если еще до XXI в. *economics* развивался по схеме аддитивного знания, то после — по схеме субстрактивного. Согласно Н. Талебу, аддитивное знание формируется по принципу добавления нового к уже имеющемуся старому, а субстрактивное (разностное) знание создается путем вычитания из имеющегося багажа того, что уже нерелевантно, с сохранением главного (Талеб, 2012, с. 207). Здесь и далее указанное явление будем называть инверсией познавательной парадигмы, когда происходит переход от аддитивного принципа к субстрактивному.

Указанная инверсия познавательной парадигмы является вполне естественным процессом, когда накапливается не просто слишком много информации и специальных знаний, но они еще имеют и большой процент брака, когда в арсенале науки оказывается множество теорий, моделей, концепций и исследований, не имеющих никакого шанса быть использованным ни на практике, ни в дальнейших теоретических изысканиях. Со временем процент брака растет, ибо наука замыкается сама на себя, не предполагая широкого применения в иных сферах. Судя по всему, этот процесс в той или иной степени характерен для всех наук без исключения, однако в *economics* сегодня эта тенденция обозначилась особенно ярко.

В основе инверсии познавательной парадигмы лежит три взаимосвязанных процесса: во-первых, предлагаемые теории и модели становятся все более сложными и головоломными, во-вторых, их становится неимоверно много, в-тре-

тьих, они имеют все меньше связей с реальностью, будучи чрезмерно абстрактными и искусственными. Пользуясь метафорой З. Баумана, можно утверждать, что в *economics* постепенно возобладал абсурдистский принцип: «Мы нашли решение. Давайте теперь найдем проблему» (Бауман, 2008, с. 69). В связи с этим ситуацию, когда описания и решения моделей начинают опережать процесс постановки задач, здесь и далее будем называть парадоксом Баумана. Однако большинство исследователей и членов общества двигаться в направлении широкого распространения парадокса Баумана не желают, в связи с чем актуализируется масштабная инвентаризация накопленного арсенала *economics* с вымыванием из него всего неконструктивного. Но и инвентаризация уже сама по себе является слишком затратной процедурой, что выводит на повестку дня формирование новой научной парадигмы и переписывания всего наследия экономики с иных методологических позиций. В этой исторической точке и находится сегодня пресловутый *economics*.

5. *Economics* перед вызовами современности

Любая новая научная парадигма формируется под давлением новых вызовов и обстоятельств, на которые она призвана дать ответ. На какие же вопросы должен ответить обновленный *economics*?

Не претендуя на полноту, постараемся самыми общими мазками нарисовать картину запросов к экономическому знанию. Для этого вспомним чрезвычайно интересную инициативу И. Паласиоса-Уэрты, который опросил самых знаменитых именитых экономистов мира, что ждет человечество через 100 лет (Паласиос-Уэрта, 2016). Результат оказался весьма странным — практически все экономисты не увидели принципиальных экономических проблем в обозримом будущем, но сошлись во мнении, что главные угрозы человечеству исходят от безответственности политиков, морального разложения населения и изменяющегося климата. Всё это происходит на фоне исчерпания естественных возможностей планеты из-за перенакопления человеческой биомассы и варварского отношения к природе. В этой связи достаточно указать, что в течение всей человеческой истории на сжигание добытой нефти, каменного угля, газа и т. п. было израсходовано $224 \cdot 10^{12}$ кг кислорода, а за последние 50 лет — примерно $226 \cdot 10^{12}$ кг, т. е. за последний короткий интервал времени кислорода израсходовано больше, чем за весь антропогенный период до этого (Ковальчук, 2021).

Такая обстановка порождает новые социальные императивы. В частности, уже в 2011 г. Р. Хейнберг утверждал, что экономический рост достиг физического предела и на его пути стоят три непреодолимых препятствия: истощение важных природных ресурсов (нефть, металлы, тяжелые элементы и пр.); ухудшение экологической обстановки (загрязнение мирового океана, ухудшение воздуха в городах, изменение климата и т. п.); перенакопление государственной и негосударственной задолженности (невозможность возврата кредитов на образование, гигантские внешние долги США, Китая, Японии, которые уже нельзя погасить без экономической катастрофы для всего мира, и т. п.) (Heinberg, 2011). Как оказалось, наш мир конечен, и вопрос остановки экономического роста — это лишь вопрос времени. Следовательно, человечество находится перед необходимостью формулировки новой парадигмы развития. Например, М. Вейцман видит выход из создавшегося экологического тупика в переходе к доктрине совместной эволюции людей и природы (Паласиос-Уэрта, 2016). Однако такая доктрина основана на тех мо-

ральных принципах, которые пока не разделяются большинством людей и, прежде всего, лицами, принимающими стратегические решения. Например, сегодня мир снова оказался очень близко к ядерной катастрофе: критерий выгоды толкает национальные правительства на опасные действия, в ответ на которые предлагается доктрина ядерного устрашения со всеми вытекающими отсюда следствиями (Тренин и др., 2024).

Описанную ситуацию можно назвать эффектом глухоты экономического знания, когда традиционные разделы *economics* категорически не могут ответить на вставшие перед человечеством совершенно новые вопросы. Складывается впечатление, что экономисты просто не хотят обращать внимание на глобальные запросы цивилизации, оставаясь в кругу своих мелких и «удобных» научных проблем.

Из сказанного ясно, что если само человечество оказалось перед лицом новой парадигмы своего дальнейшего существования, то и современный *economics* так же нуждается в принципиально иной научной парадигме. При этом уже есть понимание того, от чего следует отталкиваться при формировании новой парадигмы.

Во-первых, всем ясно, что мир крайне сложен и его уже нельзя адекватно описать простыми моделями, а сложные модели не имеют смысла, поскольку с ними нельзя эффективно работать. Следовательно, проблема состоит не в совершенствовании описания, а в углублении понимания происходящих процессов, причем не столько на количественном, сколько на качественном уровне. Конкретизируя данный тезис, можно утверждать, что нам надо устанавливать не поверхностные, а глубинные связи, под которым в свою очередь лежат определенные механизмы, расшифровка и понимание которых и является конечной целью.

Во-вторых, призыв В.М. Полтеровича о необходимости снятия претензий экономической теории на открытие универсальных законов, с одной стороны, не подвергается сомнению, а с другой — просто игнорируется (Полтерович, 1998). В целом же уже вполне понятно, что погоня *economics* за универсальностью превратилась в бессмысленное занятие, от которого следует отказываться в пользу текущих задач и нужд. Для этого необходимо переосмыслить понятие универсальности научного результата в экономике, под которой подразумевается воспроизводимость неких моделей поведения социальных систем и ее участников в пространстве и времени. В связи с этим должен идти поиск подобных универсалий, которых не может быть много. В остальном же нужно соотносить эти редкие универсалии с конкретными условиями и обстоятельствами для понимания возможного хода событий.

В-третьих, сегодня уже ясно и то, что мир экономики — это мир рукотворный. Каким мы его спроектируем и построим, таким он и будет. Поэтому сегодня задача смещается от исследования некоего объективного экономического мира в пользу субъективных проектов по созданию экономики с заданными свойствами, а эта установка выводит на первое место вопросы управления экономической реальностью, а не его описания. Следовательно, сам *economics* в перспективе должен превращаться в науку об управлении, а задача науки все больше смещаться в сторону конструирования новых и работоспособных социальных систем и подсистем. В этом смысле *economics* в перспективе будет больше похож на проектный анализ и разновидность бизнеса, нежели на теоретические упражнения аналитиков. При этом сами знания будут более динамичными, т. е. они будут подтверждаться и уточняться в процессе реализации социального проекта, а не выводиться изначально из абстрактных постулатов и умозрительных построений.

В-четвертых, сегодня *economics* должен отвечать уже на совсем другие вопросы, нежели 100 или 50 лет назад. Например, сегодня надо понять, как человечество может жить и развиваться в условиях демографической и экономической депрессии. Как обеспечить рост качества жизни огромного числа людей без риска окончательно погубить природу и планетарную экологию? Какая политика должна проводиться странами — обладательницами ядерного оружия, чтобы предотвратить развязывание планетарной катастрофы и вместе с тем не ущемлять интересы участников ядерного клуба? Какими должны быть города и сёла, чтобы они сохраняли экономическую состоятельность и пригодность для нормальной жизни? И т. д. и т. п. Однако все эти вопросы крайне далеки от простых и во многом технических вопросов современной макроэкономики о том, какими должны быть учетная ставка, налоговое бремя или валютный курс. Фактически сегодняшние вопросы уже не вписываются в традиционные задачи макро- и микроэкономики, которые в будущем будут крайне слабо востребованы обществом.

Всё это и говорит, что мы стоим на пороге новой научной парадигмы, которая будет качественно отличаться от прежней.

6. Контуры новой парадигмы

Выше мы отметили параллель между необходимостью изменения парадигмы развития человеческой цивилизации и научной парадигмы *economics*. Аналогичным образом можно опереться на параллель в том, как могут развиваться мир и экономическая наука. И здесь надо признать важный факт: XXI в. является веком конструирования новой искусственной реальности. Высшим технологическим воплощением этой идеи выступают нанотехнологии, которые предполагают сборку макрообъектов с заранее заданными свойствами из элементарных материалов — атомов и молекул. Такое конструирование продуктов является весьма экономичным и щадящим по отношению к природе (Ковальчук, 2021). Тогда мы вправе задаться вопросом: не является ли этот культурно-технологический тренд универсальным и вполне пригодным для *economics*?

Ответ напрашивается сам: да. Для пояснения этого ответа рассмотрим несколько положений, которые должны лечь в основу новой научной парадигмы экономического знания.

Первое положение — принцип конструирования, согласно которому экономисты будущего будут организовывать производственные и социальные системы с заранее заданными свойствами для получения желаемого результата. Действительно, новая реинкарнация *economics*, как бы она ни называлась, будет наукой о конструировании социальных систем и управлении ими. Отныне экономисты (или социономы?) не будут пассивно наблюдать экономику наподобие астрономов, а будут сами ее «лепить» и контролировать ее последующее функционирование. В этом смысле *economics* в буквальном смысле превратится в социальную алхимию, о которой много лет назад говорил Дж. Сорос (1996). Разумеется, это не прямой эквивалент нанотехнологий, ибо исходные элементы в виде отдельных людей и социальных коллективов не так просты, как молекулы и атомы, однако явная аналогия все-таки имеет место. Такая алхимия всегда существовала, но в XXI в. она становится тотальной. Первым шагом в этом направлении стало создание теории реформ в качестве нового направления *economics* (Полтерович, 2007). По-видимому, в дальнейшем это направление способно превратиться в общую теорию экономического проектирования.

Второе положение — примат конкретной задачи над абстрактной теорией и ликвидация парадокса Баумана. Надо сказать, что нового в таком развороте науки не так много, ибо подобная деятельность велась всегда. Однако важным отличием от нынешнего *economics* будет абсолютный приоритет реальной задачи. В свое время математик В.Г. Евстигнеев говорил, что в математике есть такие задачи, ради которых придумывается вся теория. Именно этот принцип был нарушен *economics* в предыдущие десятилетия за счет массового распространения парадокса Баумана. Эта порочная практика должна быть прекращена. Сначала ставится конкретная, пусть и очень масштабная, задача, а потом под нее строятся модели и схемы ее решения. Иными словами, в будущем произойдет возврат к классической науке, когда теории будут разрабатываться под реальные задачи, а нынешний отрыв одного от другого будет преодолен. Это автоматически решит проблему практической невостребованности современных экономических исследований. Критерием же правильности научных идей и теорий станет получение запланированного результата на основе спроектированной на их основе социальной системы.

Третье положение — принцип поликаузальности, который должен стать следующим новым элементом обновленного *economics* с сопутствующим ему более высоким уровнем общности. Новая наука будет аккумулировать не только чисто экономические свойства проектируемой системы, но и такие элементы, как институты, идеология и география, не стремясь их свести друг к другу или соподчинить их. Тем самым все факторы развития социальной системы будут увязаны в единый узел и сопрягаться с конкретными условиями их реализации. В этом смысле перспективы институционального синтеза, намеченные в работе (Кирдина-Чэндлер, 2021), кажутся беспочвенными, ибо институты будут всего лишь одним из тех строительных блоков, которые сами складываются из других элементов, а потом служат укреплению общей конструкции. Станут бессмысленными и обвинения в адрес идеологий (Полтерович, 2017b), ибо сами идеологии будут разрабатываться под поставленные задачи и станут также элементом конструирования новой реальности. В качестве базы, цементирующей все научные построения, снова будут выступать природные ресурсы. Общность ресурсов и станет залогом общности любых теорий.

И, наконец, четвертое положение — принцип формальной мягкости новой науки, когда формальная строгость перестает оказывать самодовлеющее воздействие. Будущие теории уже не будут претендовать на формальную непротиворечивость и полноту. Главной доминантой теории станут исторические обстоятельства, генерирующие задачи, которые в свою очередь предопределяют характер теоретических построений. Новый *economics* будет больше похож на философию, нуждающуюся в приложении к конкретной ситуации, а не на набор моделей, из которых, по мнению Д. Родрика, в нужный момент следует выбрать наиболее подходящую (Родрик, 2017). Будут отброшены примитивные тезисы и «теоремы» современной теории. Например, демократические институты перестанут быть нетленной ценностью, а станут лишь одним из социальных кирпичей по конструированию реальности. Например, Дэн Сяопин провел закон, разрешающий занимать высшие посты в партии и государстве не более двух 5-летних сроков подряд, а Си Цзиньпин добился отмены этого закона. Традиционная постановка вопроса, направленная на обвинение Си Цзиньпина в отступлении от демократических традиций, в таком контексте теряет смысл. Указанные действия связаны с внешними условиями: если в условиях мирного экономического развития и стратегического партнерства

Китая и США Дэн Сяопин заранее наметил себе преемника (Цзян Цзэминя) и приемника своего приемника (Ху Цзиньтао) и обеспечил преемственность выбранного стратегического курса, то в условиях обострения отношений Китая и США и повышенного риска возникновения «цветных революций» Си Цзиньпин вынужден был отменить политическую демократию (Овчинников, 2021, с. 55). При такой постановке задачи демократия становится разменной монетой в деле поддержания стабильности и эффективности политической системы, а следовательно, и экономического курса.

7. Заключение

Выше была сделана попытка бросить взгляд на ситуацию, сложившуюся в настоящее время в области экономического знания, синонимом которого выступает *economics*. В этих целях было показано, что нынешний методологический тупик экономической науки проявляется в ее самоотрицании, которое принимает формы двух взаимосвязанных эффектов. Первый — эффект первого рода — является очень глубоким и связан с молчаливым отрицанием вклада крупнейших экономистов прошлого и невостребованностью их идей и разработок. Второй — эффект второго рода — сопряжен с утратой интереса экономистов к математическому инструментарию исследования операций и с его крайне низкой практической востребованностью. Подобные проявления недвусмысленно говорят, что *economics* находится в глобальном тупике, выход из которого возможен только путем кардинальной смены научной парадигмы и принципиальной перестройки экономического знания.

Потребность в указанной перестройке *economics* дополнительно усиливается тремя обстоятельствами. Первое состоит в происходящей на наших глазах методологической инверсии знания, состоящей в переходе от аддитивного принципа, когда знание формируется по принципу добавления нового к уже имеющемуся старому, к субстрактивному, когда знание создается путем вычитания из имеющегося багажа того, что уже нерелевантно. Второе обстоятельство состоит в широком распространении в *economics* парадокса Баумана, согласно которому описания и решения моделей начинают опережать процесс постановки задач. Третье обстоятельство связано с тем, что перед человечеством встали совершенно новые вопросы, на которые традиционные разделы economics ответить категорически не могут. Преодолеть эти обстоятельства без кардинальной перестройки *economics* не представляется возможным.

В связи с этим можно предположить, что в основе новой парадигмы *economics* будут лежать следующие установки: принцип конструирования, согласно которому экономисты будущего будут проектировать и организовывать производственные и социальные системы с заранее заданными свойствами для получения желаемого результата; ликвидация парадокса Баумана, чтобы конкретная задача предшествовала построению моделей и их решений; принцип поликаузальности и включение в теорию даже таких групп факторов, как идеология, институты и география; принцип формальной мягкости новой науки, когда формальная строгость перестает оказывать самодовлеющее воздействие. Эти положения не исчерпывают своеобразия будущего *economics*, но без них построение нового конструктивного знания вряд ли состоится.

Список источников

Аджемоглу, Д., Джонсон, С. (2024). *Власть и прогресс*. Москва: АСТ, 544.

Балацкий, Е. В. (2022). Новые императивы экономического знания: на пути к социономике. *Социальное пространство, 8* (4), 1–19. https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.2

Бауман, З. (2008). *Текучая современность*. Санкт-Петербург: Питер, 240.

Беккер, Г. С. (2003). *Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории*. Москва: ГУ ВШЭ, 672.

Капелюшников, Р. И. (1993). Вклад Гэри Беккера в экономическую теорию. *США: экономика, политика, идеология,* (11), 17–23.

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2021). Системная парадигма и перспективы «институционального синтеза» в экономике. *Экономическая наука современной России, 94* (3), 17–32. https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3(94)-17-32

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2023). О синтезе и междисциплинарности в экономической теории: сравнение русскоязычного и англоязычного дискурсов. *AlterEconomics, 20* (1), 59–78. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4

Клейнер, Г. Б. (2023). Системная парадигма как теоретическая основа стратегического управления экономикой в современных условиях. *Управленческие науки, 13* (1), 6–19. https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-1-6-19

Клейнер, Г. Б. (2024). Системная экономика, справедливое общество, эффективная конкуренция: императивы завтрашнего дня. *Современная конкуренция, 18* (4), 6–20. https://doi.org/10.37791/2687-0657-2024-18-4-6-20

Ковальчук, М. В. (2021). *Идеология природоподобных технологий*. Москва: Физматлит, 336.

Нифаева, О. В. (2022). Противоречивые последствия этической нейтральности и формализации экономической теории. *AlterEconomics, 19* (4), 563–583. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.1

Овчинников, В. В. (2021). *Два лица Востока: впечатления и размышления от одиннадцати лет работы в Китае и семи лет в Японии*. Москва: АСТ, 384.

Паласиос-Уэрта, И. (ред.) (2016). *Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее*. Москва: Издательство Института Гайдара, 304.

Полтерович, В. М. (1998). Кризис экономической теории. *Экономическая наука современной России,* (1), 46–66.

Полтерович, В. М. (2007). *Элементы теории реформ*. Москва: Экономика, 447.

Полтерович, В. М. (2011). Становление общего социального анализа. *Общественные науки и современность,* (2), 101–111.

Полтерович, В. М. (2017a). Теория эндогенного экономического роста и уравнения математической физики. *Журнал Новой экономической ассоциации, 35* (2),193–201.

Полтерович, В. М. (2017b). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs. идеология. *Журнал Новой экономической ассоциации, 35* (3), 198–206.

Полтерович, В. М. (2022). На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов. *Вопросы теоретической экономики,* (1), 48–57. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57

Родрик, Д. (2017). *Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки»*. Москва: Издательство Института Гайдара, 256.

Сорос, Дж. (1996). *Алхимия финансов*. Москва: Инфра-М, 416.

Талеб, Н. Н. (2012). *О секретах устойчивости: Эссе; Прокрустово ложе: Философские и житейские афоризмы*. Москва: КоЛибри, Азбука-Атгикус, 240.

Толкачев, С. А. (2024). Циклические закономерности трансформации экономической ортодоксии. *Terra Economicus, 22* (3), 6–20. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20

Тренин, Д., Авакянц, С., Караганов, С. (2024). *От сдерживания к устрашению*. Москва: Молодая гвардия, 152.

Хикс, Дж. Р. (1993). *Стоимость и капитал*. Москва: Прогресс, 488.

Balatsky, E. V. (2022). Russia in the Epicenter of Geopolitical Turbulence: The Hybrid War of Civilizations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 15*(6), 52–78. https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.3

Heinberg, R. (2011). *The End of Growth: Adapting to Our New Economic Reality.* New Society Publishers.

Kornai, J. (1998). The System Paradigm. *Working Papers Series,* (278).

References

Acemoglu, D., & Johnson, S. (2024). *Vlast' i progress [Power and progress: Our thousand-year struggle over technology and prosperity]*. Moscow: AST Publishers. (In Russ.)

Balatsky, E. V. (2022). Russia in the Epicenter of Geopolitical Turbulence: The Hybrid War of Civilizations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 15*(6), 52–78. https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.3

Balatsky, E. V. (2022). The New Imperatives of Economic Knowledge: On the Way to Socionomics. *Sotsial'noe prostranstvo [Social area], 8*(4), 1–19. https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.2 (In Russ.)

Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost' [Liquid modernity]*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)

Becker, G. S. (2003). *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskiy podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii [Human behavior. Economical approach. Selected works on Economic Theory]*. Moscow: HSE Publ. (In Russ.)

Heinberg, R. (2011). *The End of Growth: Adapting to Our New Economic Reality.* New Society Publishers.

Hicks, J. R. (1993). *Stoimost' i kapital [Value and Capital]*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)

Kapelyushnikov, R. I. (1993). Gary Becker's contribution to Economic Theory. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya [USA — Economics, Politics, Ideology],* (11), 17–23. (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G. (2021). The System Paradigm and the Prospects for "Institutional Synthesis" in Economic Theory. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia], 94*(3), 17–32. https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3(94)-17-32 (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G. (2023). On Synthesis and Interdisciplinarity in Economics: Comparison of Russian and English Discourses. *AlterEconomics, 20*(1), 59–78. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4 (In Russ.)

Kleiner, G. B. (2023). System paradigm as a theoretical basis for strategic economic management in modern conditions. *Upravlencheskie nauki [Management Sciences], 13*(1), 6–19. https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-1-6-19 (In Russ.)

Kleiner, G. B. (2024). Systems Economy, Justice Society, Effective Competition: The Imperatives of the Next Day. *Sovremennaya konkurentsiya [Journal of Modern Competition], 18*(4), 6–20. https://doi.org/10.37791/2687-0657-2024-18-4-6-20 (In Russ.)

Kornai, J. (1998). The System Paradigm. *Working Papers Series,* (278).

Kovalchuk, M. V. (2021). *Ideologiya prirodopodobnykh tekhnologiy [The ideology of nature-like technologies]*. Moscow: Fizmatlit Publ. (In Russ.)

Nifaeva, O. V. (2022). Contradictory Effects of Ethical Neutrality and Formalization of Economics. *AlterEconomics, 19*(4), 563–583. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.1 (In Russ.)

Ovchinnikov, V. V. (2021). *Dva litsa Vostoka: vpechatleniya i razmyshleniya ot odinnadtsati let raboty v Kitae i semi let v Yaponii [Two Faces of the East: Impressions and reflections from eleven years of work in China and seven years in Japan]*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)

Palacios-Huerta, I. (2016). *Cherez 100 let: vedushchie ekonomisty predskazyvayut budushchee [In 100 Years: Leading Economists Predict the Future]*. Moscow: Gaydar Inst. Publ. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (1998). The Crisis of Economic Theory. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia],* (1), 46–66. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2007). *Elementy teorii reform [Elements of the Theory of Reform]*. Moscow: Ekonomika Publ. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2011). Formation of the general social analysis. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World],* (2), 101–111. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2017a). The Theory of Endogenous Economic Growth and Equations of Mathematical Physics. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association], 35* (2),193–201. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2017b). Designing the Strategies for Socio-Economic Development: Science vs. Ideology. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association], 35* (3), 198–206. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2022). On the way to a general theory of socio-economic development: Towards the synthesis of two canons. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory],* (1), 48–57. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57 (In Russ.)

Rodrik, D. (2017). *Ekonomika reshaet: sila i slabost' "mrachnoy nauki" [Economics Rules. The Right and Wrongs of the Dismal Science]*. Moscow: Gaydar Inst. Publ. (In Russ.)

Soros, G. (1996). *Alkhimiya finansov [The Alchemy of Finance: Reading the Mind of the Market]*. Moscow: Infra-M Publ. (In Russ.)

Taleb, N. N. (2012). *O sekretakh ustoychivosti: Esse; Prokrustovo lozhe: Filosofskie i zhiteyskie aforizmy [The Bed of Procrustes: Philosophical and Practical Aphorisms]*. Moscow: KoLibri Publ., Azbuka-Atgikus Publ. (In Russ.)

Tolkachev, S. A. (2024). The cyclical nature of transformations in economic orthodoxy. *Terra Economicus, 22* (3), 6–20. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20 (In Russ.)

Trenin, D., Avakyants, S., & Karaganov, S. (2024). *Ot sderzhivaniya k ustrasheniyu [From deterrence to intimidation]*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russ.)

Информация об авторе

Балацкий Евгений Всеволодович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт; https://orcid.org/0000-0002-3371-2229 (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр., 47; e-mail: evbalatsky@inbox.ru).

About the author

Evgeny V. Balatsky — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Research Associate, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-3371-2229 (47, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: evbalatsky@inbox.ru).

Дата поступления рукописи: 10.12.2024.
Прошла рецензирование: 16.12.2024.
Принято решение о публикации: 28.01.2025.
Received: 10 Dec 2024.
Reviewed: 16 Dec 2024.
Accepted: 28 Jan 2025.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3
УДК 338.24
JEL B10, B13, B59

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Судьба экономической теории на этапе глобального мирохозяйственного кризиса[1]

Сергей А. ТОЛКАЧЕВ ✉
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Толкачев, С. А. (2025). Судьба экономической теории на этапе глобального мирохозяйственного кризиса. *AlterEconomics, 22*(1), 22–39.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3

Аннотация. Кризис существующей экономической теории мэйнстрима длится уже более 50 лет, но самые последние мирохозяйственные сдвиги добавляют ему дополнительные качественные черты, характеризующие не только полное отсутствие практико-прогностической функции, но и неадекватность его когнитивного арсенала новым реалиям. Нарастающий набор рисков и трудностей глобального экономического развития, являющийся следствием перехода к новому мирохозяйственному укладу, не находит ни малейшего отклика ни в понятийном аппарате, ни в концептуальном потенциале мэйнстрима. Догматизм сложившегося теоретического каркаса базовых положений неоклассической экономической теории принял самодовлеющий характер, отвергающий попытки модернизации даже в рамках существующей парадигмы. Один из наиболее критических примеров несоответствия неоклассических представлений и реальной экономики — парадокс инноваций или провал теорий роста производительности за счет вложений в инновации. Представители мэйнстрима не в состоянии дать ему объяснение, не выходящее за пределы ограниченного неоклассического мировоззрения, игнорируя главные мирохозяйственные причины. Обобщены основные онтологические расхождения неоклассической догматики и реальных экономических процессов. К ним относятся: 1) внеисторический универсализм, игнорирующий закономерности стадиального мирохозяйственного развития; 2) неспособность выработать новый онтологический подход к фундаментальной проблеме власти в экономике; 3) отсутствие потенциала качественных обобщений процессов, порождаемых новой промышленной революцией. Попытки модернизации мэйнстрима, предпринимаемые в рамках проекта CoreEcon, построены на привлечении некоторых дополнительных теоретических конструкций, придающих новому курсу «Экономика» видимость динамизма и актуальности, но при сохранении в целом прежнего догматического каркаса. Предложены онтологические и методологические траектории поиска нового ценностного ядра экономической теории: 1) отказ от неадекватного новым реалиям принципа методологического индивидуализма; 2) отказ от принципа «рыночного супрематизма» в обоих его содержательных смыслах; 3) переосмысление основополагающего принципа экономической эффективности.

Ключевые слова: ортодоксия, экономический мейнстрим, неолиберализм, политическая экономия, мирохозяйственный уклад, технологический уклад, инновации, производительность

Благодарность: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

[1] © Толкачев С. А. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Economics' Hard Fate in the Global Economic Crisis

Sergei A. TOLKACHEV ✉
Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russian Federation

For citation: Tolkachev, S. A. (2025). Economics' Hard Fate in the Global Economic Crisis. *AlterEconomics, 22*(1), 22–39. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3

Abstract. The crisis of mainstream economic theory has persisted for over 50 years, but recent global economic shifts have added new qualitative features, highlighting not only the theory's lack of practical and predictive value but also the inadequacy of its cognitive tools in addressing new realities. The growing risks and challenges of global economic development, driven by the transition to a new world economic structure, are not reflected in the mainstream's conceptual framework and potential. The dogmatism inherent in neoclassical economic theory has become self-perpetuating, rejecting even attempts at modernization within the existing paradigm. A prime example of the disconnect between neoclassical theory and real-world economics is the innovation paradox, or the failure of productivity growth theories based on innovation investments. Mainstream economists are unable to explain this phenomenon without resorting to the narrow confines of neoclassical thinking, overlooking key global economic factors. This paper summarizes the ontological discrepancies between neoclassical dogma and real economic processes, including: 1) extra-historical universalism, which disregards the stages of world economic development; 2) the inability to develop a new ontological approach to the issue of power in the economy; and 3) the lack of potential for meaningful generalizations about processes driven by the new industrial revolution. Attempts to modernize the mainstream, such as those made within the CoreEcon project, introduce additional theoretical constructs, giving the new course "Economics" the appearance of dynamism and relevance. However, these efforts largely retain the same dogmatic framework. The paper proposes ontological and methodological paths for identifying a new value core for economic theory, including: 1) rejecting the principle of methodological individualism, which is inadequate for contemporary realities; 2) abandoning the principle of 'market supremacy' in its various forms; and 3) rethinking the fundamental principle of economic efficiency.

Keywords: orthodoxy, economic mainstream, neoliberalism, political economy, world economic mode, technological mode, innovation, productivity

Acknowledgments: The article presents findings from research supported by the state assignment of the Financial University.

Экономика всё больше превращается в заумную отрасль математики, а не занимается реальными экономическими проблемами
Милтон Фридман

Экономика в том виде, в каком ее преподают в американских высших школах… свидетельствует о триумфе идеологии над наукой
Джозеф Стиглиц

1. Введение

Эпиграфы к статье, принадлежащие именитым представителям двух ведущих, но противоположных школ американской экономической мысли — основоположнику монетаризма М. Фридмену и кейнсианцу Дж. Стиглицу — с разных сторон отмечают два хорошо известных недостатка неоклассической экономикс как господствующей уже в течение 75 лет ортодоксальной школы экономической тео-

рии. Об этих недостатках стали активно говорить еще с начала 1970-х гг. на фоне развернувшейся в США стагфляции, и, таким образом, мы уже миновали полувековой юбилей кризиса экономикс. Однако с каждым следующим знаковым событием мирохозяйственного развития, включая финансовый кризис, Великую рецессию 2008–2009 гг. и последующий длящийся по сегодняшний день период деглобализации, турбулентности и «новой нормальности», кризис неоклассической экономикс, не дающий адекватные ответы на радикальные изменения окружающего мира, приобретает все новые характеристики.

В самые последние годы, когда развернувшийся кризис американо-центричного мирового устройства (мирохозяйственный кризис) стал очевиден для подавляющего большинства ученых-обществоведов, включая тех, кто не признает методологию мирохозяйственного развития или концепцию мировых циклов накопления капитала Дж. Арриги (2006), концептуальная неадекватность и бесплодность неоклассического мейнстрима приобретают настолько выпуклые и гротескные формы, что, пожалуй, уже угрожают месту и положению самой экономической теории в системе общественных наук. Необходимость радикального изменения и онтологического базиса, и методологической надстройки теоретической экономической науки становится настоятельной и безотлагательной для сохранения как самой науки, так и огромного академического слоя ученых и профессоров-преподавателей, идентифицирующих себя в данной отрасли знаний. В связи с этим в данной статье мы постараемся обобщить и выделить основные онтологические проблемы кризиса экономической теории мейнстрима и наметить пути их разрешения. Однако вначале дополнительно проблематизируем вопрос об онтологическом расхождении экономической теории и практики.

2. Экономическая теория и практика: обрушение моста

Как остроумно выразился известный гарвардский профессор Н.Г. Мэнкью в своей нашумевшей статье почти 20-летней давности: «Экономисты любят изображать из себя ученых» (Mankiw, 2006, p. 29), подразумевая под тенденцией «онаучивания» десятилетиями накапливающиеся пласты неоклассической теории, состоящие из бесконечных эконометрических упражнений, возводящих бескрайний «защитный пояс» моделей, обосновывающих лаконичный набор базисных положений «жесткого ядра» либеральной и неолиберальной направленности. Выделяя в экономикс как позитивную, так и нормативную (инженерную) части экономической профессии, Н. Мэнкью показал, что все последующие «наслоения» на базовые положения неоклассической парадигмы, введенные патриархом неоклассики П. Самуэльсоном в первом издании учебника 1948 г., не имели успеха ни в теории, ни в практическом «инженерном» применении. Н. Мэнкью с удивлением и сожалением констатирует, что содержание современных учебников «Экономикс» мало чем отличается от легендарного учебника Самуэльсона, несмотря на целый вал новых теоретических конструкций, разработанных за несколько десятков лет.

Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, поскольку оно означает признание самодовлеющего характера сложившегося теоретического каркаса базовых положений экономической науки, отвергающих попытки модернизации даже в рамках существующей парадигмы.

Набор этих базовых положений хорошо известен — эффективность частной собственности и конкурентных рынков, ограничение роли государства, глобаль-

ное разделение труда и международная специализация, ведущая к росту внешней торговли, положительная связь между инвестициями и экономическим ростом, между инновациями и инвестициями.

Сложившиеся стандарты «научности» экономических исследований, продлевающих и углубляющих отрыв теории от практики, строго поддерживаются в самых престижных теоретических журналах по экономике. Несмотря на старательное желание «деканской команды» экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова показать в обстоятельной статье (Аузан и др., 2023) отсутствие доминирования неоклассики в экономическом образовании и экономических журналах Запада, сами американские профессора не поддерживают это мнение. «Тирания» ведущих западных научных журналов, самих задающих стандарты научности, сводится по меткому выражению профессора Массачуссетского университета Дж. Гхош к «тривиальным занятиям», когда «слишком много ведущих научных журналов публикуют запутанные статьи, добавленная стоимость которых заключается в ослаблении одного небольшого допущения в модели или использовании немного другого эконометрического теста. Элементы, которые труднее смоделировать или которые порождают неудобную правду, просто исключаются, даже если они способствовали бы более эффективному пониманию экономической реальности» (Ghosh, 2024, p. 23).

Два основных направления неоклассического мейнстрима — либеральное и неолиберальное — несколько расходятся в отдельных ценностных компонентах методологического «ядра», умещаясь в его основных границах. Например, классические либералы кейнсианско-рузвельтианского разлива, сформировавшиеся в 1930–1940-х гг. на волне успеха политики государственного активизма, направленной на спасение рыночно-капиталистической системы, благосклонно относятся и к повышению доли госсектора в экономике, и к росту государственного регулирования, и к строительству социального государства, оставаясь при этом безусловными сторонниками рыночной экономики как безальтернативной модели общественного устройства. Просто они верят в прогрессивность и успешность политики «тонкой» настройки рынков со стороны государства.

Неолиберальное крыло мейнстрима, доминировавшее с начала 1980-х гг. до самых последних лет, гордилось своим истовым рыночным пуризмом как знаком некоего интеллектуального превосходства над либералами-вероотступниками, подобно тому, как первые лютеране и кальвинисты чувствовали свое моральное превосходство над скомпрометированными поклонниками традиционной римско-католической церкви. Неолибералы достраивали в мейнстриме этажи всемерных рыночных свобод в виде сокращения роли государства во всех сферах, особенно в социальной сфере, обосновали либерализацию финансовых рынков и глобализацию, которая, по их мнению, привела к росту благосостояния всех стран мира, пусть и в неравной мере.

Однако затянувшийся глобальный кризис после событий Великой рецессии 2008–2009 гг., в очередной раз высветивший неадекватность как экономической картины мира, описываемой в мейнстриме, так и регулятивных инструментов воздействия на экономику, подвигает к фундаментальному переосмыслению места и роли теоретической экономической науки. Профессор Гарварда Д. Родрик четко подмечает принципиальную ограниченность конкретных рекомендательных возможностей экономической теории: «… экономическая дисциплина — это, скорее, способ мышления, а не набор стратегических рекомендаций. Инструменты

современной экономической науки позволяют сделать крайне мало обобщений, на основе которых можно предложить неотложные рекомендации в области экономической политики. … мышление категориями будущего, увязывание стимулов для частного сектора с социальными издержками и выгодами, устойчивость бюджета и стабильность денег, по сути являются абстрактными идеями, на основе которых трудно предложить уникальные рецепты» (Rodrik, 2024, p.10).

Новая промышленная революция и слом модели политического мироустройства, обсуждаемые ныне повсеместно, еще более усиливают необходимость пересмотра положения экономической теории в системе общественных наук. Ведь именно разваливающийся политический и экономический миропорядок, сформировавшийся в эпоху Бреттон-Вудса и, казалось бы, достигший расцвета в эпоху глобализации 1990–2000-х гг., лишает экономическую теорию того статуса самой «научной» общественной науки, который был достигнут во времена расцвета этих эпох, когда бесчисленные эконометрические модели как бы «научно обосновывали» экспансию рыночных свобод на все большее количество социальных взаимоотношений. При этом так и не отвеченным остается фундаментальный вопрос сродни тому, который Королева Великобритании Елизавета Вторая задала академикам Лондонской школы экономики в ноябре 2008 г. — почему вы все не предвидели финансовый кризис? Этот вопрос можно трансформировать в более общий — почему экономические модели смешанной экономики наиболее развитых стран Запада, якобы сочетающие в себе, как любил говорить Дж. К. Гэлбрэйт, паруса рыночной инициативы и штурвал государственного управления, оказались бессильны перед лицом новых вызовов, возникших перед человечеством в XXI в. — глобальное потепление и «зеленый переход», цифровое неравенство и дезинформация, технологические разрывы в развитии разных стран и сопутствующие миграционные процессы, наконец, геостратегическая разбалансированность на фоне опережающего развития Китая и других азиатских стран.

Для наглядного очерчивания расхождений между экономической теорией и практикой обратимся к последнему докладу Всемирного экономического форума 2024 г. (World Economic Forum, 2024), где проанализированы возможные глобальные риски во взаимосвязи между четырьмя системными элементами глобального ландшафта:

— изменение климата: траектории глобального потепления и связанных с ним последствий для систем Земли;

— демографическая бифуркация: изменение численности, роста и структуры населения во всем мире;

— технологическое ускорение: пути развития передовых технологий;

— геостратегические сдвиги: материальная эволюция в концентрации и источниках геополитической власти.

Социальная поляризация и экономический спад рассматриваются как наиболее взаимосвязанные и влиятельные риски в глобальной сети рисков, о чем свидетельствуют размеры соответствующих кругов (рис.1).

К системному риску экономического спада тесно привязаны риски инфляции, нарастания задолженности, нелегальной экономической активности, разрывов цепочек поставок и даже ограничений трудовых ресурсов. А риск социальной поляризации переплетается с экономическим спадом, помимо вышеперечисленных

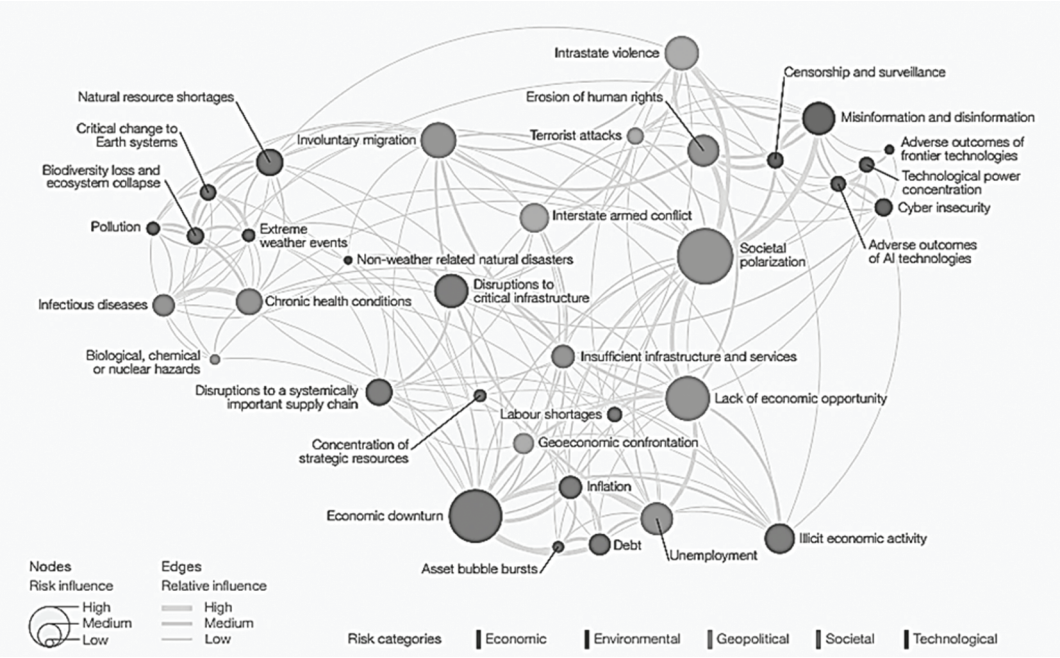

Рис. 1. *Глобальная сетевая система рисков мирового развития на ближайшие годы (источник: World Economic Forum. The Global Risks Report 2024. https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/ (дата обращения: 10.12.2024))*

Fig. 1. *Global Network Risk System for World Development in the Nearest Future*

рисков, еще и через безработицу, нехватку экономических возможностей населения, недостаточный уровень развития инфраструктур и услуг.

Тем самым экономические практики выделяют экономический спад или, даже точнее, долговременную тенденцию спада как главную проблему, несмотря на фундаментальную направленность неоклассической теории именно на решение проблем экономического спада и цикла. Данный нюанс лишний раз подтверждает, что множество устоявшихся и десятилетиями отшлифованных причинно-следственных связей в экономической теории мейнстрима не подтверждаются в последние годы и подлежат радикальному переосмыслению. Отметим одно весьма популярное в прошедшие десятилетия, но также скомпрометированное научное направление мейнстрима.

3. Кейс: Провал теорий инноваций и производительности

Одно из любимых выпестованных детищ неоклассической теории в эпоху глобализации — это теория инновационного развития, сводящаяся к положительной связи между инновациями и производительностью и темпами экономического роста. Долгое время существовало и подтверждалось бесчисленными эконометрическими исследования вполне логичное предположение, что увеличение инвестирования в исследования и разработки — это верный способ стимулировать инновации, повышать производительность, создавать новые рабочие места и обеспечивать экономический рост. Инновации как источник экономического роста рассматривались как непреложная экономическая истина абсолютного свойства, проникшая в азбуку экономической грамотности, в любые учебники по эко-

номике для начальных курсов. При этом длительное время игнорировались неприятные факты, не подтверждавшие эту «надежную» экономическую мудрость. Рассмотрим их далее.

США за последние четыре десятилетия резко увеличили расходы на НИОКР. В 1980-х гг. общие инвестиции США в НИОКР составляли 2,2 % от ВВП, а к 2022 г., согласно Национальному научному фонду, — 3,4 %. При этом частные расходы предприятий на НИОКР выросли более чем вдвое, с 1,1 % до 2,5 % ВВП (рис. 2). Именно частные корпоративные расходы являются надежным ориентиром инновационности и производительности, ибо, в отличие от государственных расходов, направляемых в основном в фундаментальную науку, корпорации, как научили всех нас лидеры неоклассической экономикс, тратят свои кровные деньги осознанно и целенаправленно на прикладные исследования, ведущие к росту конкурентоспособности.

Согласно традиционным экономических моделям, такой прирост расходов на НИОКР должен был привести как к ускорению экономического роста, так и к увеличению любых показателей производительности, однако факты говорят об обратном. «В период с 1960 по 1985 год производительность росла в среднем на 1,3 процента. В течение последующих трех с половиной десятилетий темпы роста производительности упали ниже этого среднего показателя, за исключением кратковременного всплеска в начале 2000-х годов, и ежегодный рост в целом замедляется» (Akcigit, 2024, p. 33).

Наглядное представление замедления роста как производительности труда, так и совокупной факторной производительности дано на рисунке 3.

В подтверждение приведем другой источник. Согласно статистике ФРС США, ежегодные темпы роста производительности труда в обрабатывающей промышленности с 1987 г. демонстрируют явно затухающую тенденцию, если мы исполь-

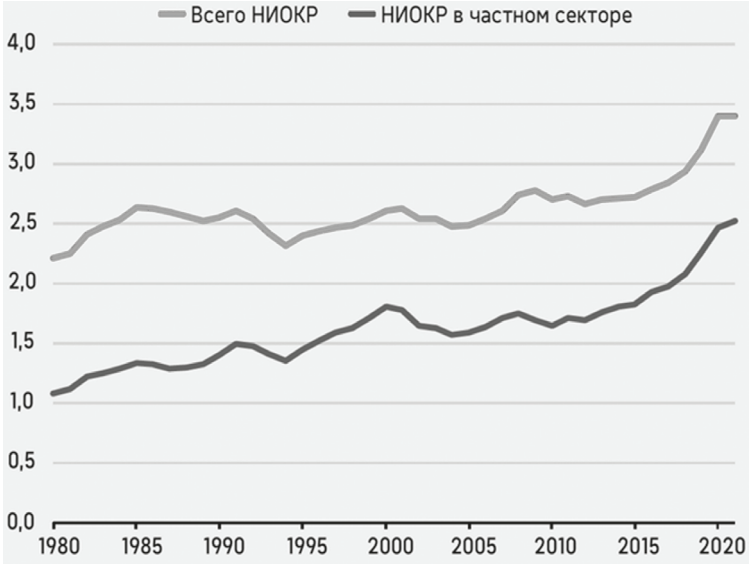

Рис. 2. *Общие (светло-серая линия) и частные (темно-серая линия) расходы на НИОКР в экономике США, в % от ВВП (источник: (Akcigit, 2024))*

Fig. 2. *Total (Light Grey Line) and Private (Dark Grey Line) R&D Expenditures in the U.S. Economy as a Percentage of GDP*

Рис. 3. *Ежегодные темпы роста производительности труда и совокупной факторной производительности в экономике США, 1950–2023, % (источник: (Peters, 2024))*
Fig. 3. *Annual Labor Productivity and Total Factor Productivity Growth Rates in the U.S. Economy, 1950–2023 (%)*

зуем показатель «совокупный годовой темп изменения производительности» (Compounded Annual Rate of Change) (рис. 4). Показатели данного рода сглаживают эффект волатильности отдельных годовых значений и особенно полезны для сравнения темпов роста в течение продолжительных периодов времени.

Околонулевые темпы прироста производительности с 1991 по 2007 гг. переходят в стабильно отрицательную зону начиная с кризиса 2008 г.

Поскольку американская экономика давно гордится своей «постиндустриальностью», где промышленность рассматривается как отживающий и уходящий сектор, рассмотрим более широкий показатель совокупной факторной производительности всей экономики США.

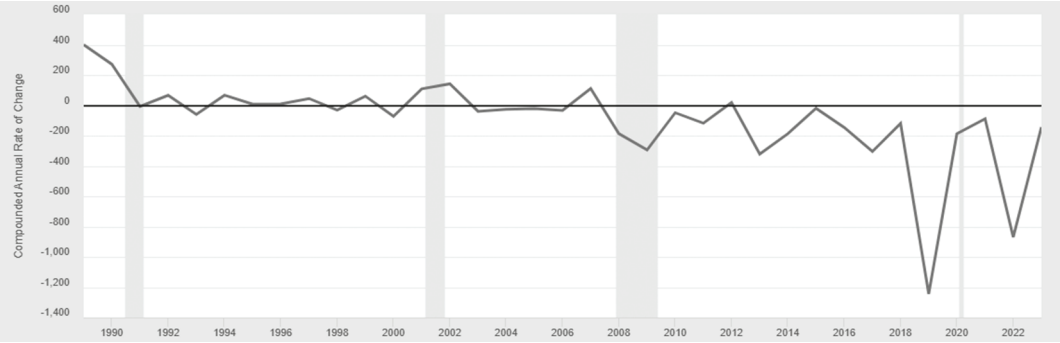

Рис. 4. *Совокупный годовой темп изменения производительности труда в обрабатывающей промышленности США, 1989–2023 гг. (источник: Manufacturing Sector: Labor Productivity (Output per Hour) for All Workers. https://fred.stlouisfed.org/series/PRS30006092# (дата обращения: 10.12.2024))*
Fig. 4. *Aggregate Annual Labor Productivity Growth Rate in U.S. Manufacturing, 1989–2023*

Данные на рисунке 5 четко показывают, насколько слабы в целом ежегодные положительные импульсы роста производительности в период, начавшийся после 2005 г. (за исключением 2010-го как года послекризисного роста после завершения Великой рецессии 2008–2009 гг.) по сравнению с предшествующим 20-летним периодом 1985–2005 гг., не говоря уже о бурных темпах роста производительности в 1950–1960-е гг.

Но нам еще более интересны объяснения замедления роста производительности со стороны представителей мейнстрима. Тот же М. Петерс вполне в русле стандартов экономического мышления неоклассики пишет: «Интуиция подсказывает, что совокупная производительность может быть низкой либо потому, что используемые предприятиями технологии неэффективны, либо потому, что из-за несовершенства рынка компании, обладающие высокопроизводительными технологиями, не могут вытеснить менее эффективных конкурентов» (Peters, 2024, p. 21). И далее автор находит подтверждения этим процессам в американской практике в виде замедления динамичности американского бизнеса (снижения доли новых компаний на рынке) и повышения среднего размера компаний, что говорит о росте концентрации. И то, и другое, по мнению автора, замедляет производительность, т. к. свидетельствует о снижении инновационной активности и росте монополистических проявлений.

М. Петерс ссылается на знаменитую концепцию созидательного разрушения Й. Шумпетера, согласно которой именно новые предприятия разрабатывают инновационные технологии с намерением вытеснить существующих производителей и забрать их долю рынка.

Однако далее автор входит в логическое противоречие с самим собой. Он утверждает, что одной из причин общего характера замедления производительности является «изменения в процессе распространения знаний» (наряду с информационной революцией, демографическими факторами, ростом государ-

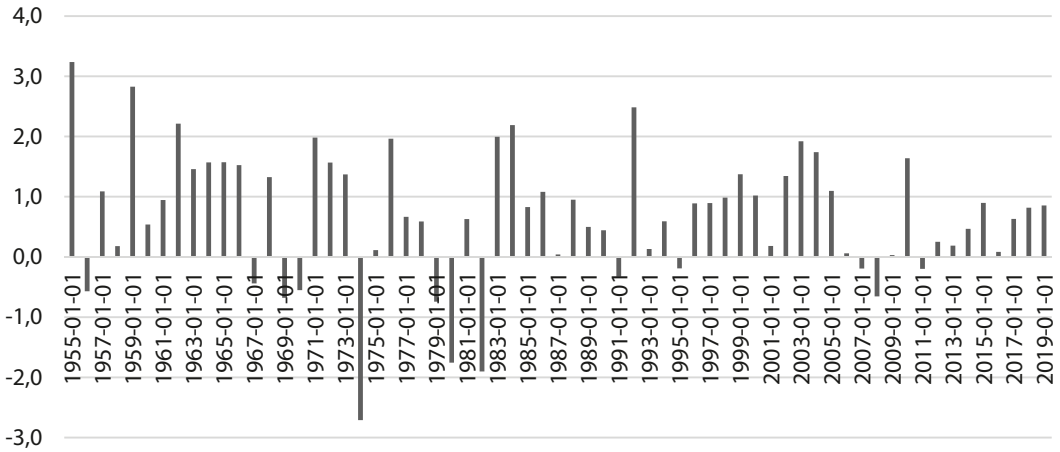

Рис. 5. *Гистограмма значений совокупной факторной производительности экономики США как совокупный годовой темп изменений в постоянных ценах, 1955–2019 гг., % (источник: построено автором на основе: Total Factor Productivity at Constant National Prices for United State. https://fred.stlouisfed.org/series/RTFPNAUSA632NRUG#0 (дата обращения: 10.12.2024))*

Fig. 5. *Histogram of Total Factor Productivity in the U.S. Economy as an Aggregate Annual Rate of Change at Constant Prices, 1955–2019 (%)*

ственного регулирования бизнеса). Эти изменения сводятся к тому, что лидеры технологий, такие как Google или Apple, «ушли настолько далеко вперед, что их конкуренты меньшего масштаба просто не в состоянии взять на вооружение их технологии» (Peters, 2024, p. 23). Тем самым технологическая конкуренция со стороны новых компаний невозможна.

Здесь возникают следующие вопросы. Если М. Петерс (а вместе с ним и вся неоклассическая экономическая наука) исходят из конкуренции со стороны новых и обязательно малых инновационных фирм как двигателе производительности, в противоположность большим компаниям, злоупотребляющим своим монопольным положением, и в то же время признают невозможность этой конкуренции из-за технологической несостоятельности «новых и малых» фирм, то он явно впадает в «онтологическую биполярность», т. к. второе положение исключает первое. Тогда нужно определиться, на каком онтологическим базисе зиждется ваше экономическое мировоззрение: либо абстрактная конкуренция «хорошего нового и малого» против «большого и плохого», либо признание крупных корпораций в качестве естественного элемента экономической азбуки той системы, в которой вы живете.

Во-вторых, развивая привычную неоклассическую линию абстрактной конкуренции как локомотива прогресса, инноваций и производительности, М. Петерс почему-то не обращается к вышеотмеченному парадоксу расходов на инновации, когда рост последних не привел к росту производительности. Очевидно, что львиную долю затрат на НИОКР несут именно крупнейшие американские технологические компании, те самые сверхкрупные сверхконцентрированные «монстры», которые на порядки опережают ближайших конкурентов по своему потенциалу. «Новые и малые» фирмы не способны осуществлять такие массовые инновационные расходы, если только они не встроены в сетевую кооперацию с теми же самыми крупнейшими компаниями.

Наконец, рассуждая о конкуренции «новых» и «старых» американских технологических компаний, М. Петерс почему-то не прибегает к реалиям глобальной конкуренции, где его абстрактные представления о «инновационных новичках» получат более адекватное воплощение. Разве, например, феномен Huavei не соответствует образу такой шумпетеровской новой инновационной компании, вступившей в конкуренцию со старыми лидерами и отобравшей у них значительную долю рынка? Данное обстоятельство объясняет, пожалуй, главную причину снижения производительности американской экономики — снижение объемов глобальных рынков сбыта и соответствующее уменьшение производительного потенциала эффекта масштаба, являющегося главным условием «превращения инноваций в производительность».

Так, в работе Е.В. Балацкого и М.А. Юревича (2020) показано, что если рост капиталовооруженности приводит к ускоренному росту производительности труда, то только в этом случае технический прогресс ускоряет сам экономический рост. Введенное им понятие «технологический эффект масштаба» редуцируется к переменной θ, означающей связь между капиталовооруженностью и производительностью труда. При $\theta > 1$ рост расходов на инновации, так или иначе воплощающийся в росте капиталовооруженности, приводит к опережающему росту производительности.

Схожие М. Петерсу причины замедления производительности находят экономисты департамента исследований МВФ, выделяя в качестве таковых т. н. проблемы нерационального распределения ресурсов между компаниями, а точнее, «экономические трения, препятствующие эффективному перераспределению ресурсов. Структурные трения, такие как нормативные барьеры, жесткие рынки труда, финансовые ограничения и отсутствие открытости торговли…» (Nan & Diaa, 2024, p. 29). Соответственно, они предлагают уже известный набор «государственных политик» для решения данных структурных проблем — дерегулирование и усиление конкуренции, либерализация финансовых рынков для облегчения доступа компаний к финансовым ресурсам, снижение жесткости рынков труда для свободы перемещения рабочей силы.

Таким образом, представители мейнстрима экономической теории продолжают трактовать фундаментальные проблемы современного мира с позиций догматических схем, выработанных неоклассическим направлением и отшлифованных неолиберальной доктриной «Вашингтонского консенсуса». Хотя авторитетный и популярный либеральный экономист Дж. Стиглиц уже похоронил неолиберализм: «Неолиберальный эксперимент — более низкие налоги для богатых, дерегулирование рынков труда и продукции, финансиализация и глобализация — оказался впечатляющим провалом»[1]. И к его мнению присоединяются все больше западных экономистов, включая в недавнем прошлом таких неолибералов, как, например, нобелевские лауреаты П. Ромер[2] и А. Дитон, причем последний выступил с красноречивым признанием «Переосмысливая мою экономическую теорию» (Deaton, 2024).

Вместе с тем нельзя утверждать, что «расширенный мейнстрим» экономической теории наглухо закрылся от комплекса насущных проблем современности. Некоторые направления, школы и авторы, группирующиеся вокруг глобального проекта CORE Econ, готовы выходить далеко за рамки стандартных догм экономикс: «Более широкий взгляд на экономику делает ее актуальной для решения важных реальных проблем, которые предполагают нерыночное взаимодействие и выходят далеко за рамки традиционно волнующих экономистов вопросов эффективности» (Carlin, 2024, p. 63). Однако, как показывает знакомство с новым учебником «Экономика» (именно Economy вместо Economics), изданным в рамках этого проекта[3], в нем сохранилось базовое неоклассическое миропонимание через парадигму рынков при некотором реструктурировании материала и отказе от деления на два классических раздела — микро- и макроэкономика.

4. «Онтологические ножницы» мейнстрима

Каковы же основные фундаментальные онтологические расхождения («ножницы») между развивающимся реальным миром и его отображением в догматических установках неоклассической теории, которые наиболее выпукло проявля-

[1] Stiglitz, J. (2019, May 30). Neoliberalism must be pronounced dead and buried. Where next? *The Guardian*. https://www.theguardian.com/business/2019/may/30/neoliberalism-must-be-pronouced-dead-and-buried-where-next (дата обращения: 07.01.2025).

[2] Curran, E. (2024, February 22). Nobel Laureate Paul Romer Says Free Trade Hurts the Vulnerable. *Bloomberg News*. https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-02-22/nobel-laureate-paul-romer-says-free-trade-hurts-the-vulnerable (дата обращения: 07.01.2025).

[3] CoreEcon. The Economy 1.0. Contents. https://www.core-econ.org/the-economy/v1/book/text/0-3-contents.html (дата обращения: 07.01.2025).

ются сегодня в условиях завершения мирохозяйственной эпохи доминирования США? Этот вопрос неизбежно подталкивает к формулировке следующего: почему именно в последние годы в связи с завершением глобализации эти расхождения стали настолько нетерпимы, что породили серьезный раскол в самом неоклассическом направлении?

Отвечая на первый вопрос, постараемся обобщить и систематизировать многочисленные проблемные положения современного глобального экономического развития, отчасти представленные на рисунке 1.

Пожалуй, первое фундаментальное расхождение экономической теории и практики — это упорное нежелание самого ортодоксального крыла неоклассики признать невозможность создания универсального набора теоретических положений, сохраняющих свою адекватность и равноприменимость для любого этапа долгосрочного технологического и мирохозяйственного развития. Отчасти это было продемонстрировано выше на примере объяснения экономистами МВФ причин снижения производительности при росте затрат на инновации. Даже несмотря на общее признание если не кризиса, то, по крайней мере, замедления глобализации (*slowbalization*) — термин, получивший концептуальный статус «новой эры» мирового экономического развития в работе 2023 г. (Aiyar & Ilyina, 2023), когда спустя 15 лет (!!!) после финансового кризиса экономисты МВФ признали все-таки серьезную тенденцию стагнации / сокращения доли мирового товарооборота в мировом ВВП, — предложения по повышению роста производительности формулируются в рамках того же неолиберального «проглобалистического» мировоззрения, которое и привело к снижению производительности.

При этом более глубокие причины «парадокса инноваций» мирохозяйственного характера в виде сокращения рынков сбыта и утери эффекта масштаба для американских компаний из-за перераспределения в пользу китайских и иных компаний просто не рассматриваются. Подобный выход за пределы «прокрустова ложа» догматических схем экономической теории неоклассики не предусматривается, ибо тогда придется признать, что воспеваемые в течении десятилетий глобализации рецепты неолиберальных свобод привели к опережающему росту Китая, превратившегося в глобального конкурента Америки, а это не предусмотрено в системе ценностей неоклассики.

Кроме того, методологический догматизм мейнстрима не позволяет признать ценность и альтернативность китайских рецептов экономического регулирования, построенных на гибком восприятии принципов рыночной экономики. «… государственные органы Китая воспользовались рынками, стимулами для частного сектора и глобализацией в своих интересах. Однако они сделали это с помощью нетрадиционных инноваций — системы ответственности домохозяйств, двойного ценообразования, предприятий на уровне поселений и деревень, особых экономических зон, которые трудно было бы найти в стандартных западных стратегических рекомендациях» (Rodrik, 2024, p. 10).

Более того, конкретная экономическая реальность конкуренции Китая и США на некоторых высокотехнологичных рынках уже настолько противоречит догматам экономикс, прославляющих свободную конкуренцию, что американские компании оказываются в роли отстающих и дискриминируемых передовыми китайскими глобальными корпорациями даже на внутреннем рынке США, как это произошло на перспективном рынке производства солнечной энергии, где глобаль-

ное господство Китая превратилось в серьезную проблему для всех стран Запада (Толкачев, 2024a). В связи с этим, стандартный набор неолиберальных рецептов регулирования, отшлифованный в «Вашингтонском консенсусе», и предназначенный для развивающихся стран, коей недавно считался и Китай, сегодня выглядит запредельно абсурдно. Именно упорный многолетний отказ Китая буквально следовать этим рекомендациям превратил его в промышленного гиганта, захватившего подавляющие позиции даже на домашних рынках стран Запада, из-за чего сменяющиеся лидеры США независимо от партийной принадлежности и при всей политической неприязни друг к другу последние 8 лет проводят отчетливую протекционистскую и промышленную политику с антикитайским акцентом (Толкачев, 2024b).

Второе фундаментальное расхождение догматов неоклассики и экономических реалий, непосредственно вытекающее из первого, — это отсутствие адекватной концепции власти или властных отношений в экономике. Здесь речь не идет о давно разработанных теориях и моделях монополистической власти крупных корпораций на рынках товаров и некогда мощных, но стремительно теряющих свою значимость профсоюзов на рынках труда. И то, и другое продолжает рассматриваться неоклассической ортодоксией как досадное отступление от «просвещенного пуризма» свободных конкурентных рынков как идеального мироустройства. Проблема регулирования данных властных злоупотреблений давно и по-своему плодотворно обсуждается в расширенном мейнстриме, включающем и новую институциональную, и поведенческую экономику. При этом сторонники двух последних течений сетуют на устойчивость т. н. фундаменталистских принципов (либерально-рыночного и регуляторного (пигувианского)) в экономической политике вообще и антимонопольной политике в частности, по сравнению с коузианским функционализмом, оцениваемым ими как более перспективный путь противостояния монопольной власти (Павлова, Шаститко, 2024).

Мейнстрим продолжает игнорировать политико-экономическую природу власти в классическом понимании этого феномена, а не в ракурсе новой политической экономии и теории общественного выбора. Уже более 50 лет назад К. Ротшильд точно подметил, что «power-minded economists and schools» включают только представителей гетеродоксальных школ — марксизма, традиционного институционализма, теории хозяйственного порядка, французской социально-институциональной теории (Rothschild, 1971). В ортодоксальной же неоклассике власть как системная и неотъемлемая характеристика отсутствует или рассматривается как внешний фактор, искажающий естественное равновесное состояние экономической системы.

Даже в претендующем на концептуальную новизну выше упоминавшемся курсе «Экономика», где, казалось бы, проблеме власти уделена целая глава 5 «Собственность и власть: взаимные выгоды и конфликт», последняя рассматривается только как «переговорная сила» в некоей абстрактной игровой модели экономике, определяемой институтами, задающими «правила игры». Пугая читателя значимостью проблемы власти в авторитарных режимах, наподобие Северной Кореи или в преступных организациях, занимающихся торговлей наркотиками и людьми, авторы тут же спешат успокоить его: «В капиталистической экономике демократического общества институты существуют для защиты людей от насилия и принуждения, а также для обеспечения того, чтобы большинство экономических

взаимодействий осуществлялось добровольно»[1]. Тем самым и авторы модернизированного курса «Экономика» не хотят признавать системную роль власти и включать ее в базовые онтологические схемы, предпочитая оставаться в иллюзорном сне «свободных рыночных трансакций».

Нет необходимости перечислять и классифицировать все имманентные проявления власти в капиталистической экономике. Применительно к сфере современных международных экономических отношений на фоне кризиса всей системы Бреттон-Вудских институтов власть как политико-силовой ресурс является главным средством осуществления «свободных экономических взаимодействий». Разгорающиеся торговые, ресурсные и технологические войны между главными центрами современной мировой экономики становятся настолько привычными и неотъемлемыми характеристиками экономической жизни, что упорный отказ затрагивать эту тематику в экономической теории будет лишь все глубже задвигать ее в область отчужденной от реальности абстрактной псевдонауки.

Наконец, третье фундаментальное расхождение, связанное с предыдущими, состоит в отсутствии даже минимального стремления воспринять и концептуализировать качественные сдвиги в экономической жизни под влиянием разворачивающейся новой промышленной революции. И снова речь идет не о многочисленных эмпирических исследованиях функционального и отраслевого характера роли новых технологий в экономике, коими переполнены экономические журналы мейнстрима, а об онтологической систематизации новых технологических и сопутствующих институциональных инноваций и создании более адекватной новым реалиям экономической концепции бытия.

Еще раз подчеркнем, что частным функциональным последствиям и вызовам новой промышленной революции посвящено бесчисленное множество публикаций, однако попытки вписать новые хозяйственные явления в догматический каркас сохраняющихся неоклассических установок выглядят порой даже нелепо и абсурдно. Возьмем для примера статью директора-распорядителя МВФ К. Георгиевой, посвященную последствиям распространения искусственного интеллекта (ИИ). Пусть по жанру и по форме это не классическая академическая статья, но она характеризует и даже устанавливает рамки мышления неоклассической теории применительно к новым реалиям. Уже в самом начале статьи формулируется противоречивое утверждение: «Мы стоим на пороге технологической революции, которая может дать толчок производительности, стимулировать глобальный рост и повысить доходы во всем мире. Тем не менее она также может устранить рабочие места и углубить неравенство» (Georgieva, 2024). Дальнейшее повествование посвящено влиянию внедрения ИИ на занятость в разрезе категорий работников и стран. Ссылаясь на исследование МВФ, автор отмечает, что внедрение ИИ несет развитым странам больше рисков, но и больше возможностей, чем двум другим группам стран с развивающимися рынками и низкими доходами. ИИ усилит поляризацию доходов наемных работников, причем как низко, так и высококвалифицированных. В целом это неизбежно приведет к усилению дифференциации доходов. В конце статьи К. Георгиева демонстрирует разброс значений по странам Индекса готовности к ИИ, разработанного в МВФ, и выражает надежду, что в «наступившей эре искусственного интеллекта в наших силах обеспечить всеобщее процветание».

[1] CoreEcon. The Economy 1.0. Unit 5. Property and Power. Mutual Gains and Conflict. https://www.core-econ.org/the-economy/v1/book/text/05.html#51-institutions-and-power (дата обращения: 07.01.2025).

Конечно, нельзя отрицать наличие попыток концептуального переосмысления экономического мировоззрения со стороны отдельных представителей расширенного мейнстрима. Например, существующая с мая 2011 г. Всемирная ассоциация экономической теории (World Economics Association — WEA) и объединяющая 14500 экономистов-теоретиков, стремится повысить актуальность, широту и глубину экономической мысли. WEA выступает за плюрализм и свободное изучение экономической реальности, признает снижение уровня компетентности экономистов-теоретиков, делает упор на взаимодействие теории с реальным миром и для этого уделяет особое внимание методологии, философии и этике экономической теории[1].

WEA издает три журнала, основной из которых носит характерное название «Экономическая теория реального мира» (Real-World Economics Review). Каждый выпуск этого журнала, коих насчитывается уже 109, поскольку начат гораздо раньше учреждения самой ассоциации, еще в 2000 г., содержит несколько критических и концептуальных статей, посвященных переосмыслению фундаментальных положений неоклассики. Например, один из активных деятелей ассоциации, австралийский профессор С. Кин, в статье с хлестким публицистическим названием «Мертвый попугай экономической теории мейнстрима» остро полемизирует со всемирно известным профессором Н.Г. Мэнкью по, казалось бы, давно общепринятому теоретическому вопросу о банковском мультипликаторе, доказывая иллюзорность тех азбучных положений о деньгах, которыми насыщены любые начальные учебники экономикс (Keen, 2023).

Выборочный взгляд на публикуемые в Real-World Economics Review статьи показывает сколь угодно неограниченный уровень радикальности обсуждаемых проблем и предложений. Например, на фоне критики суперпопулярных сейчас теорий циркулярной экономики с нулевыми отходами провозглашается идея экономики отрицательного роста с отменой капитализма как системы, поскольку он эскалирует энтропию (Rammelt, 2024). Специальный выпуск журнала, затем трансформировавшийся в монографию, посвящен обсуждению экономической теории, учитывающей биофизические преграды для экономического роста (Fullbrook & Morgan, 2024).

Таким образом, в среде университетской профессуры всего мира, группирующейся в WEA и озабоченной падающим авторитетом и адекватностью мейнстримной экономикс, нарастают радикальные альтернативные концепции экономической действительности. Со временем накопленный набор концептуальных предложений должен трансформироваться в консенсусный набор аксиоматики, дающий адекватное описание сложившихся реалий.

5. Выводы

Происходящий в настоящее время переход к новой модели мирохозяйственного устройства сделал предельно очевидной онтологическую несостоятельность не только «защитного пояса» неоклассической экономической теории, но и ее «жесткого ядра». Экономическая практика накапливает массовые явления и закономерности, которые противоречат ограниченному догматическому базису экономикс, даже несмотря на попытки его реструктуризации и дополнения теоретическими концептами иных направлений, составляющих вместе «расширенный мейнстрим» современной экономической науки.

[1] World economics association. Manifesto. https://www.worldeconomicsassociation.org/wea/manifesto/ (дата обращения: 07.01.2025).

Неизбежность радикальной трансформации существующей ортодоксии была обоснована нами в рамках концепции цикличности долгосрочного технологического и мирохозяйственного развития (Толкачев, 2024с). Новый мирохозяйственный порядок, даже если он сформируется не по лекалам теории смены мировых центров накопления капитала Дж. Арриги, потребует от экономистов-теоретиков новую «картину мира» с иными базовыми онтологическими и гносеологическими принципами.

Происходящие фундаментальные трансформации технологического базиса (Четвертая промышленная революция), основополагающих институтов и архитектуры будущего мироустройства еще далеки от завершения, поэтому пока не ясны парадигмальные основы новой экономической теории. Однако, обобщая сложившиеся «болевые точки» неоклассики, можно предположить, что новая парадигма будет формироваться в русле следующих трендов.

Во-первых, безусловный отказ от принципа методологического индивидуализма как основы экономического поведения основных агентов. Комплекс экологических, ресурсных и биофизических императивов экономического развития, представляющий важнейшую часть онтологических расхождений теории и практики, заставит принять и отработать ту или иную версию методологического холизма как основополагающего принципа новой экономической теории.

Во-вторых, вытекающие из предыдущего отказ или значительная корректировка принципа «рыночного супрематизма», являющегося, пожалуй, главной содержательной характеристикой неоклассики уже более 100 лет. «Супрематизм» рынка мы воспринимаем не только как начальную и господствующую над всеми другими базовыми формами восприятия и мышления (как товар в качестве элементарной «клеточки» у К. Маркса), но и как абсолютизацию универсальности формы над конкретными содержательными характеристиками явлений. Понятно, что отказ от универсализации мышления в рамках «рыночного супрематизма» приведет к радикальному пересмотру всей аксиоматики мейнстрима, включая место и роль институтов частной собственности и государства.

В-третьих, существенная корректировка основополагающего принципа эффективности экономической деятельности на всех хозяйственных уровнях путем интеграции его в более широкий холистический принцип устойчивости или стабильности экономических систем.

Происходящие на наших глазах глобальные технологические и мирохозяйственные сдвиги создают новую модель мироустройства, которая неизбежно потребует создания новой адекватной себе экономической картины мира. Впереди настолько радикальные изменения в концептуальном образе экономической теории, что сегодня они пока еще не могут полноценно восприниматься господствующим сообществом как в силу огромного инерционного потенциала существующей ортодоксии, так и по причине длительности переходного периода с неизбежными реверсными тенденциями.

Список источников

Арриги, Дж. (2006). *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени.* Москва: Издательский дом «Территория будущего», 472.

Аузан, А. А., Мальцев, А. А., Курдин, А. А. (2023). Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего. *Вопросы экономики,* (10), 5–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-5-26

Балацкий, Е. В., Юревич, М. А. (2020). Технологический эффект масштаба и экономический рост. *Terra Economicus, 18* (1), 43–57. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-1-43-57

Павлова, Н. С., Шаститко, А. Е. (2024). Микрооснования доминирования фундаментализма в экономической политике: есть ли антидот? *Вопросы экономики,* (1), 94–114. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-1-94-114

Толкачев, С. А. (2024a). Американо-китайское соперничество на рынке солнечной энергии США. *Мировая экономика и мировые финансы, 3* (4), 5–13.

Толкачев, С. А. (2024b). Американский промышленный консенсус и его враги. *США & Канада: экономика, политика, культура, 54* (12), 45–59. https://doi.org/10.31857/S2686673024120047

Толкачев, С. А. (2024c). Циклические закономерности трансформации экономической ортодоксии. *Terra Economicus, 22* (3), 6–20. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20

Aiyar, S., & Ilyina, A. (2023, February 8). Charting Globalization's Turn to Slowbalization After Global Financial Crisis. *IMF Blog*. https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/02/08/charting-globalizations-turn-to-slowbalization-after-global-financial-crisis (дата обращения: 07.01.2025).

Akcigit, U. (2024). The Innovation Paradox. *Finance & Development, 61* (3), 32–35.

Carlin, W. (2024). Transforming Economics Teaching. *Finance & Development, 61* (1), 62–63.

Deaton, A. (2024). Rethinking My Economics. *Finance & Development, 61* (1), 18–19.

Fullbrook, E., & Morgan, J. (Eds.) (2024). *Economics and the Biophysical Limits to Economic Growth*. World Economics Association Books.

Georgieva, K. (2024, January 14). AI Will Transform the Global Economy. Let's Make Sure It Benefits Humanity. *IMF Blog*. https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2024/01/14/ai-will-transform-the-global-economy-lets-make-sure-it-benefits-humanity (дата обращения: 07.01.2025).

Ghosh, J. (2024). Why and How Economics Must Change. *Finance & Development, 61* (1), 22–23.

Keen, S. (2023). The Dead Parrot of Mainstream Economics. *Real-World Economics Review,* (104(3)), 2–16.

Li, N., & Noureldin, D. (2024). Eliminating the Productivity Drug. *Finance & Development, 61* (3), 22–23.

Mankiw, N. G. (2006). The Macroeconomist as Scientist and Engineer. *Journal of Economic Perspectives, 20* (4), 29–46.

Peters, M. (2024). America must rediscover its dynamism. *Finance & Development, 61* (3), 21–23.

Rammelt, C. (2024). How entropy drives us towards degrowth. *Real-World Economics Review,* (107), 2–7.

Rodrik, D. (2024). Addressing Challenges of a New Era. *Finance & Development, 61* (1), 10–11.

Rothschild, K. W. (1971). Introduction. In K. W. Rothschild (Ed.), *Power in Economics* (pp. 7–17). Penguin.

World Economic Forum. (2024). *The Global Risks Report 2024*. (19th ed.). https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/ (дата обращения: 07.01.2025).

References

Aiyar, S., & Ilyina, A. (2023, February 8). Charting Globalization's Turn to Slowbalization After Global Financial Crisis. *IMF Blog*. https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/02/08/charting-globalizations-turn-to-slowbalization-after-global-financial-crisis (Date of access: 07.01.2025).

Akcigit, U. (2024). The Innovation Paradox. *Finance & Development, 61* (3), 32–35.

Arrighi, G. (2006). *Dolgiy dvadtsatyy vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni [The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times]*. Moscow: "Territoriya budushchego" Publishing House. (In Russ.)

Auzan, A. A., Maltsev, A. A., & Kurdin, A. A. (2023). Russian economic education: Image of the near future. *Voprosy Ekonomiki,* (10), 5–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-5-26 (In Russ.)

Balatsky, E. V., & Yurevich, M. A. (2020). Technological economies of scale and economic growth. *Terra Economicus, 18* (1), 43–57. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-1-43-57 (In Russ.)

Carlin, W. (2024). Transforming Economics Teaching. *Finance & Development, 61* (1), 62–63.

Deaton, A. (2024). Rethinking My Economics. *Finance & Development, 61* (1), 18–19.

Fullbrook, E., & Morgan, J. (Eds.) (2024). *Economics and the Biophysical Limits to Economic Growth*. World Economics Association Books.

Georgieva, K. (2024, January 14). AI Will Transform the Global Economy. Let's Make Sure It Benefits Humanity. *IMF Blog*. https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2024/01/14/ai-will-transform-the-global-economy-lets-make-sure-it-benefits-humanity (Date of access: 07.01.2025).

Ghosh, J. (2024). Why and How Economics Must Change. *Finance & Development, 61* (1), 22–23.

Keen, S. (2023). The Dead Parrot of Mainstream Economics. *Real-World Economics Review,* (104(3)), 2–16.

Li, N., & Noureldin, D. (2024). Eliminating the Productivity Drug. *Finance & Development, 61* (3), 22–23.

Mankiw, N. G. (2006). The Macroeconomist as Scientist and Engineer. *Journal of Economic Perspectives, 20* (4), 29–46.

Pavlova, N. S., & Shastitko, A. E. (2024). Microfoundations of dominance of fundamentalism in economic policy: Is there an antidote? *Voprosy Ekonomiki,* (1), 94–114. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-1-94-114 (In Russ.)

Peters, M. (2024). America must rediscover its dynamism. *Finance & Development, 61* (3), 21–23.

Rammelt, C. (2024). How entropy drives us towards degrowth. *Real-World Economics Review,* (107), 2–7.

Rodrik, D. (2024). Addressing Challenges of a New Era. *Finance & Development, 61* (1), 10–11.

Rothschild, K. W. (1971). Introduction. In K. W. Rothschild (Ed.), *Power in Economics* (pp. 7–17). Penguin.

Tolkachev, S. A. (2024a). U.S.-China Rivalry in the U.S. Solar Market. *Mirovaya ekonomika i mirovye finansy [World Economy and World Finance], 3* (4), 5–13. (In Russ.)

Tolkachev, S. A. (2024b). The American Industrial Consensus and its Enemies. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 54* (12), 45–59. https://doi.org/10.31857/S2686673024120047 (In Russ.)

Tolkachev, S. A. (2024c). The Cyclical Nature of Transformations in Economic Orthodoxy. *Terra Economicus, 22* (3), 6–20. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20 (In Russ.)

World Economic Forum. (2024). *The Global Risks Report 2024*. (19th ed.). https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/ (Date of access: 07.01.2025).

Информация об авторе

Толкачев Сергей Александрович — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, главный научный сотрудник Института глобальных исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; https://orcid.org/0000-0003-3766-2246 (Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский пр., 49/2; e-mail: tsa2000@mail.ru).

About the author

Sergei A. Tolkachev — Dr. Sci. (Econ.), Professor of Department of Economic Theory, Leading Research Associate of the Institute of Global Studies, Financial University under the Government of Russian Federation; https://orcid.org/0000-0003-3766-2246 (49/2, Leningradsky prospect, Moscow, 125167, Russian Federation; e-mail: tsa2000@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 12.12.2024.
Прошла рецензирование: 19.12.2024.
Принято решение о публикации: 28.01.2025.
Received: 12 Dec 2024.
Reviewed: 19 Dec 2024.
Accepted: 28 Jan 2025.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4
УДК 330.88, 304.9, 101.8
JEL B24, B29, B49

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром[1]

Петр А. ОРЕХОВСКИЙ [1)] ✉ iD, **Владимир И. РАЗУМОВ** [2)] iD
[1)] *Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация*
[2)] *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация*

Для цитирования: Ореховский, П. А., Разумов, В. И. (2025). Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром. *AlterEconomics, 22*(1), 40–53.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4

Аннотация. В 2023–2024 гг. в журнале «Вопросы экономики» развернулось обсуждение содержания экономического образования в России. Были опубликованы статьи известных российских экономистов А. А. Аузана вместе с соавторами А. А. Мальцевым и А. А. Курдиным, А. В. Бузгалина и А. И. Колганова, А. Е. Шаститко, Л. М. Григорьева, В. Л. Тамбовцева, Л. С. Гребнева. Несмотря на широту рассматриваемых вопросов, в центре дискуссии оказалась экономическая теория в самых разных ее версиях. При этом участники обсуждения игнорируют факт того, что в учебных курсах для экономистов практически исчезли история мысли, политическая и экономическая истории, до минимума сокращено преподавание философии. Цель статьи — решение вопроса, является ли современная экономическая теория симулякром, подобным политической экономии социализма, или адекватно отражает реальность? Разразившийся в последнее время политико-экономический кризис, который привел к концу глобализации и резкой фрагментации современного мира, авторы рассматривают как опровержение долгое время доминировавшей версии прогресса — теории модернизации. Делается вывод, что, в отличие от конкретных дисциплин, таких как финансы, статистика, менеджмент, экономической теории как актуальной реальности сегодня не существует. В связи с этим нет предмета для дискуссии: преподавать в курсе экономической теории можно что угодно. Выходом из состояния симулякра будет перевод основной части экономической теории в статус истории мысли. По мнению авторов, это позволит избежать идеологической ангажированности профессоров. Вместе с тем будет полезен курс философии и методологии экономической науки, изучение которого позволит слушателям разбираться в современных идеологических концептах и при случае самим конструировать востребованные рынком симулякры.

Ключевые слова: реальность, социализм, политэкономические дискурсы, симулякр, прогресс, теория модернизации, марксизм, неоклассический мейнстрим

[1] © Ореховский П. А., Разумов В. И. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Economic Theory of the "Classboard": Between Reality and Simulacrum

Petr A. OREKHOVSKY [1)] ✉ iD, **Vladimir I. RAZUMOV** [2)] iD

[1)] *Institute of Economics of RAS, Moscow, Russian Federation*

[2)] *Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation*

For citation: Orekhovsky, P. A., & Razumov, V. I. (2025). Economic Theory of the "Classboard": Between Reality and Simulacrum. *AlterEconomics, 22*(1), 40–53. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4

Abstract. In 2023–2024, the journal Problems of Economics initiated a discussion on the content of economic education in Russia. Articles by prominent Russian economists — including A.A. Auzan (with co-authors A.A. Maltsev and A.A. Kurdin), A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov, A.E. Shastitko, L.M. Grigorieva, V.L. Tambovtsev, and L.S. Grebnev — were published as part of this discourse. While the discussion covered a broad range of issues, it primarily centered on economic theory in its various forms. However, participants overlooked a key issue: subjects like the history of economic thought, political and economic history, and philosophy have largely disappeared from economists' training. This article seeks to address a fundamental question: Is modern economic theory a simulacrum — akin to the political economy of socialism — or does it still provide an adequate reflection of reality? The authors argue that the recent political and economic crises, which have marked the end of globalization and led to increasing fragmentation, serve as a direct refutation of the long-dominant modernization theory. They conclude that, unlike applied disciplines such as finance, statistics, and management, economic theory as an independent field has ceased to exist in any meaningful way. As a result, discussions about what should be taught in economic theory courses become largely irrelevant — since, in practice, nearly anything can be taught under that label. To move beyond this simulacrum, it is proposed to reframe much of economic theory as part of the history of economic thought, which would help reduce ideological bias among instructors. Additionally, incorporating a course on the philosophy and methodology of economics would equip students with the tools to analyze contemporary ideological frameworks and, if necessary, create their own market-driven simulacra.

Keywords: reality, socialism, political economic discourses, simulacrum, progress, modernization theory, marxism, neoclassical mainstream

1. Введение

В престижном столичном журнале «Вопросы экономики» уже год как ведется оживленная дискуссия о содержании экономического образования в России (Аузан и др., 2023; Бузгалин, Колганов, 2023; Шаститко, 2024; Григорьев, 2024; Тамбовцев, 2024; Гребнев, 2024). В ней принимают участие известные ученые из МГУ им. М.В. Ломоносова и НИУ Высшей школы экономики. Обсуждается широкий круг вопросов, связанный с кризисом мейнстрима экономической науки (с 2008 г.), возрождением обновленного марксизма (с 1989 г.), необходимостью учета негативных установок, сложившихся в «народной экономической теории» (пока всерьез вообще не обсуждалось)… Маститые авторы демонстрируют широкую эрудицию, тонкость и глубину в интерпретации заявленных теоретических проблем. Однако всё это богатство экономической мысли предъявляется широкой общественности отнюдь не в качестве результатов исследований, которые теперь должны будут использовать коллеги в дальнейшей работе. Спор ведется о символической власти, как ее понимал П. Бурдьё (2017), а попросту — о количестве академических часов, выделяемых для изучения теоретических дисциплин. Ну и заодно, конечно же, о том, кому потом писать основные учебники по экономической теории.

За границами обсуждения осталось то, что во многих университетах у студентов экономических специальностей исчезли курсы экономической истории (да

и истории вообще), до минимума сокращен курс истории мысли (где, казалось бы, самое место и марксизму, и неоклассике), и философии. Идет сокращение общей численности и научных работников, и профессоров. Если принять эти обстоятельства во внимание, становится ясно, что за академическим ученым дискурсом стоят серьезные материальные интересы.

На этом фоне стоит вспомнить о судьбе одной забытой теории — политической экономии социализма. Похоже, что отмена преподавания этого курса не повлияла на качество экономического образования в России. Соответственно, очень может статься, что и исчезновение курсов микро- и макроэкономики вместе с мейнстримом и гетеродоксией тоже не скажется на компетентности будущих финансистов и менеджеров. Или скажется? Помогает ли экономическое знание эффективно включиться в хозяйственную деятельность? Как относиться к преподаванию теоретических курсов по экономике, если на практике применение экономических теорий (социализма, капитализма) проявило низкий прогностический потенциал?

2. О сущностном и существующем

Остановимся на феномене политической экономии социализма. Когда произошли известные события октября 1917 г., их интерпретировали как социалистическую революцию. Тем не менее социализм в тот момент не существовал. Его начали строить. Одновременно с этим впервые в мировой истории начинает конструироваться сущность социализма, т. е. оригинал создается с запаздыванием относительно уже реализуемой на практике копии.

Впоследствии то, что получилось, называли «азиатским способом производства» (Виттфогель, 1957), «номенклатурой» и «административной системой» (Восленский, 1991; Джилас, 1958), «соцолигархией» (Кронрод, 1992), нефтегосударством (*petrostate*) (Гайдар, 2006) и т. д. Тем не менее уже в 1920-х гг. появились ученые, которые занимались исследованиями советского социализма, а в 1954 г. появился первый учебник, который сделал преподавание новой дисциплины легитимным и респектабельным занятием.

Известное выражение Гегеля «что разумно, то действительно, что действительно, то разумно» часто воспринимали как апологетику монархии. Однако речь шла о старой (восходящей еще к Платону) линии аргументации: существовать может только то, что обладает сущностью, истиной. То, что фальшиво — не существует.

Здесь мы сталкиваемся с амбивалентностью обычной и философской речи. Онтология — учение о Бытии — предполагает однозначное функциональное соответствие между именами феноменов и их сущностью. Ошибка в определении может означать, что феномен существует, однако мы неверно его понимаем. Такая ошибка впоследствии может дорого обойтись — как полагали античные философы, использование ложных сущностей приводит к ложному существованию познающего субъекта; попросту к самоотрицанию.

В свою очередь понимание сущностей ведет к процессу создания новых форм. Люди занимаются копированием работы сил природы, создавая разную технику. Возвращенное Ж. Бодрийаром понятие «симулякр» изначально не несло в себе отрицательной коннотации, но указывало на определенный дефицит оригиналов при переходе к массовому промышленному производству.

Проблемы начинаются тогда, когда люди создают копии того, чего не существует. Этот специфический симулякр, собственно, и был открыт Ж. Бодрийяром (2007).

И это может быть вполне безобидным, хотя и приносящим большие дивиденды, продуктом разума в жанре фэнтези, а может быть и весьма опасной социальной квази-реальностью. Политическая экономия социализма была симулякром именно в последнем смысле. Социализма в СССР не было, а вот наука, которая его изучала, появилась, существовала, кормила большое количество своих адептов и убеждала начальство в том, что оно следует правильным ленинским курсом.

В случае с бодрийяровскими симулякрами философский реализм, будь то в своем материалистическом, будь то в идеалистическом изводе, сталкивается с дилеммами. Профессора — экономические теоретики в МГУ и в Высшей школе экономики существуют, но решают ли они сущностные вопросы? Какой процент их предсказаний оказался истинным? Или речь идет о том, что они хорошо транслируют студентам западное экономическое знание? А насколько последнее является истинным, особенно в приложении этого знания к российской экономике?

Кроме того, в античной культуре есть еще и старый миф о Галатее — сущности, которой не было, однако копия которой была создана скульптором. Впоследствии Галатея ожила и стала частью реальности благодаря любви Пигмалиона. Но ведь и социализм как идея, которой увлечены люди, присутствует в философских дискуссиях очень давно, К. Поппер находит своеобразный вариант «социализма» даже у Платона (Поппер, 1992). Человечество вообще мечтает о справедливом обществе, но мечту нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, она не может быть истинной или ложной до тех пор, пока не установлено ее соответствие с реальностью. Тем не менее именно в рамках такой мечты А. Богданов создал свою «Тектологию» — науку об общих принципах организации (Богданов, 1989), ставшей своего рода предтечей кибернетики. Дальнейшая судьба тектологии, как и отношение советских теоретиков марксизма к взглядам и личности Богданова, весьма показательны. Сущностной дискуссии не получилось: советский симулякр социализма уничтожил тектологию вместе с возможностью создания новой реальности по Богданову. Опираясь на этот опыт, можно сформулировать новый, антиконвенциональный критерий истинности научной концепции в условиях торжества бодрийяровских симулякров, в полной мере развернувшихся уже в 1970-е гг. вместе с началом постмодерна — истина должна быть опасной для тех, кто предъявляет ее коллегам и обществу.

Социальные практики подтверждают этот критерий. Всё, что представляет интерес в точных и естественных науках, как только хотя бы часть научного сообщества признает выводы работ истинными, получает гриф «секретно». В широких масштабах это начинается примерно в 1980-х гг., но кое-какие научные результаты «секретятся» намного раньше. То же самое происходит и с частью открытий в социальных дисциплинах — напомним, например, о запрете на исследования социальной психологии в стиле Стэнфордского эксперимента (Зимбардо, 2014)[1]. А в XXI в.

[1] Следует отметить, что коллеги — психологи и социологи — начали опровергать корректность проведения эксперимента и его выводов еще при жизни автора. См., например, обзор такой критики: Ивтушок, Е. «Это все ложь»: о реальной подоплеке Стэнфордского эксперимента. https://nplus1.ru/blog/2018/06/18/stanford-uncovered (дата обращения: 27.12.2024). Учитывая то, что повтор эксперимента быстро стал невозможен по соображениям гуманности, это вело к дискредитации результатов. На обвинения в фальсификации пытался ответить сам Зимбардо в своей книге, но это убедило далеко не всех (хотя, надо отметить, об эксперименте в США снят достаточно комплиментарный фильм). Характерно, что критики избегают обсуждать реальные тюремные практики свободолюбивой демократической американской тюремной администрации в иракской тюрьме Абу Грейб в 2004–2006 гг., где «натурный эксперимент» полностью подтвердил теоретические измышления Ф. Зимбардо.

научная деятельность в основной массе представляет собой уже не поиск истины, а производство публикаций и «терапию занятостью» для части интеллектуалов.

Поэтому утверждение, что экономическое образование существует и нужно дискутировать о его содержании, представляется нам как минимум двусмысленным. Очевидно, что существуют определенные социальные практики, которые, с одной стороны, изучаются, с другой — конструируются определенными научными дисциплинами. К последним относится бухгалтерский учет, финансы, статистика, менеджмент, организация и экономика отдельных сфер народного хозяйства. В их рамках используются некоторые отдельные теоретические предпосылки, как правило, довольно простые. Однако существует ли такая отдельная дисциплина, как экономическая теория, на которую в университетском образовательном процессе приходится основное количество учебных часов? И существуют ли где-то, кроме классной доски, феномены, которые она рассматривает? Наконец, соответствует ли «экономическая теория» представлениям о научной теории, развитым в фундаментальных науках, общенаучном знании (Степин, 2000) и распространяющимся на междисциплинарные исследования? Следует отметить, что этот вопрос не нов. Е.В. Балацкий полагает, что экономическая наука находится в методологическом тупике и видит выход в создании новой науки — социономике (Балацкий, 2022). Такого же мнения в целом придерживается и С.Г. Кирдина-Чэндлер, оптимистически оценивающая возможности междисциплинарного синтеза (Кирдина-Чэндлер, 2023). Напротив, А.М. Либман, рассматривая ряд попыток междисциплинарного взаимодействия экономистов с представителями других наук, приходит к выводу, что истории успеха здесь случаются достаточно редко (Либман, 2023).

3. Философия истории и экономическая теория

Экономическую теорию принято относить к дисциплинам, которые формируют мировоззрение, позволяющее образованной личности отвечать на вопрос «что делать», в то время как прикладные дисциплины позволяют приобрести знание «как делать». Но если теория — часть идеологии будущего начальства, то ее нужно обсуждать в другом дискурсе: это — важнейший элемент технологии воспроизводства власти[1]. А начальство — истина-в-себе и истина-для-себя одновременно, т. е. в продолжение гегелевской стилистики: истина-для-себя-в-себе. И тогда, как выразился бы правоверный гегельянец, вопрос об онтологическом статусе экономической теории снимается. Попросту здесь уже не остается места для поиска «хорошего» содержания образования — истинным будет все то, что подтверждает легитимность существующего политического устройства. Тогда из-за чего весь переполох?

Повод — это неожиданно изменившееся после речи президента В.В. Путина в 2007 г. поведение части российского начальства. В реальность этого изменения многие не верили вплоть до 2022 г. Причина — в кризисе доминирующей версии философии истории, которая в общем виде известна как проблема прогресса

[1] Власть понимается здесь, в частности, как отношения господства — подчинения по М. Веберу. Возможны и другие интерпретации, но этого определения, как нам представляется, достаточно. Во избежание недоразумений следует оговориться, что для легитимации власти в демократическом обществе необходима и соответствующая оппозиция, придерживающаяся определенных правил. В отношении символической власти, которой обладают ученые, действуют ограничения. Так, например, Н. Хомски — выдающийся лингвист и в качестве такового он может ругать других лингвистов и преподавать в университете. Но свои политические взгляды он может высказывать только за стенами университета.

(Нисбет, 2013), а в последние несколько десятков лет — как теория модернизации. В самом простом (вульгарном, если угодно) изложении теория модернизации делит страны на «передовые» и «отсталые»[1]. Отсталые заимствуют опыт управления, образцы техники и различные «лучшие практики» у передовых и тем самым «развиваются», модернизируются. Критерием же уровня развития и, соответственно, модернизированности является уровень дохода граждан и богатства страны в целом. Вопрос, являются ли элементом богатства бумажки, представляющие собой долговые расписки и титулы собственности, остается дискутируемым, но большинство экономистов убеждают друг друга и остальную публику, что являются.

Передовые страны не только самые богатые, они еще и самые сильные в военно-политическом отношении. Там живут самые умные люди, поскольку богатыми эти страны стали благодаря развитию в них наук и образования. И граждане из стран победнее должны туда ездить жить и учиться, чтобы перенять чужой опыт и помочь изменить жизнь своим темным глупым соотечественникам, а если последние их не оценят, то устроиться самим на богатой чужбине, дабы реализовать заложенные в них недюжинные способности.

Другими словами: «Теория модернизации занималась проблемами и возможностями, связанными с превращением (бывших) колоний в процветающие современные страны. Такие авторы, как Ростоу, Хоузлиц, Айзенштадт, Нэш и Маклелланд, придерживались идеи о том, что „развитость" — это единое, объективное состояние, к которому должно прийти любое общество… Таким образом, развитые страны могли служить примером для подражания для менее развитых стран. Они просто дальше ушли в направлении развитости. Экономисты приняли идею Рошера об использовании исторического знания для того, чтобы вывести универсальные законы развития, но релевантными они сочли исключительно знания по истории западных стран; в конце концов западные страны были единственными развитыми странами. Универсальная модель развития была построена на исторической эволюции западных держав» (Бегельсдейк, Маселанд, 2016, с. 70–71). Или, если говорить о стремление к богатству — большинство людей «в той или иной степени заинтересованы в материальном улучшении своей жизни, а некоторые из них всегда будут пытаться удовлетворить это желание при подходящей возможности», поэтому «структуры… немодернизированного общества начинают передавать из рук в руки то изменение, которое направлено на структуры … модернизированного общества» (Levy, 2010, p. 742, 746)[2]. Или уж совсем просто: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего…» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 9).

Заодно модернизация сопровождается увеличением гуманности, которая вместе с наукой способствует росту производительности. Этот фактор позволил легитимировать победу гуманного, но отсталого СССР над передовой, но антигуманной фашистской Германией. Впоследствии, когда СССР стал врагом, он стал и «отсталым», и «антигуманным». То обстоятельство, что СССР не упоминается в составе держав-победительниц в западной версии мировой истории, вполне соответствует теории прогресса, где все победы «отсталых» над «передовыми» государствами тщательно вымарываются.

[1] В версии прогресса К. Ясперса последние являются «внеисторическими» (Ясперс, 1991).

[2] Цит. по: (Лахман, 2010, с. 376).

Работа Р. Фогеля о плантационном рабстве в США, которая доказывала, что производительность и темпы роста Южных штатов накануне гражданской войны XIX в. была выше, чем в Северных (Fogel & Engerman, 1974), вызвала скандал уже во время своего появления на свет. Естественно, она до сих пор не переведена на русский язык — там же негуманные идеи. Зато переведена соответствующая прогрессистскому мировоззрению работа коллег Фогеля по увлечению клиометрикой Д. Норта и Д. Уоллиса вместе с Б. Вайнгастом. В ней показываются преимущества государств с «порядками открытого доступа» над государствами с «ограниченным доступом» (Норт и др., 2011). Россия в этой классификации, как положено, занимает свое правильное отсталое место. Возвращаясь к опасности как критерию истинности, зададим риторический вопрос: а смог бы Фогель опубликовать свою работу в США в 20-е гг. XXI в.? Да еще впоследствии получить Нобелевскую премию по экономике, которую он разделил с прогрессивным авторитетным Нортом? И как сейчас обстоит дело с доказательностью и достоверностью клиометрики на фоне движения BLM?

Ради справедливости стоит указать на ряд авторитетных западных ученых, которые негативно относились к такой философии истории, где «прогресс идет неумолимой поступью» вообще, и к теории модернизации в частности. В первую очередь это, конечно, мыслители австрийской школы, вместе с Поппером отрицавшие «историцизм» (Кубедду, 2008). Крайне скептически к этой теории относился и недавно умерший Р. Лахман, разработавший концепцию «пата элит» (Лахман, 2010; 2022). Но российское начальство, отвергнувшее в 1980-х — 1990-х гг. марксизм, восприняло другие версии этой же теории практически безоговорочно.

В таком случае, каков должен быть политический выбор лучших представителей отечественного обществоведения, верящих в истинность теории модернизации и поклоняющихся карго-культу мировой науки, в 2022 г., когда отсталая Россия оказалась в конфликте с большинством стран передового Запада? Эмиграция с целью занять в будущем высокое место в гуманной оккупационной администрации, которая доведет модернизацию России до логического конца, выглядит вполне логичным, хотя и несколько радикальным исходом. Патриотический вариант — остаться для смягчения негативных последствий от действий части начальства, отступившей от передового западного мировоззрения с продолжением миссионерской деятельности среди российского студенчества — тоже неплохо. И разве такое благородство оставшихся сторонников прогресса (здесь уместно вспомнить о предложенном братьями А. и Б. Стругацкими названии социально-фантастической профессии — «прогрессоры») на фоне уехавших не требует материального и карьерного поощрения? Таких людей государству надо беречь.

Сохранение и трансляция «сакрального знания» экономического мейнстрима, существенная часть которого является необходимым элементом теории модернизации, для чего профессорам нужны соответствующие академические часы — не что иное, как ответ экономистов на вышеуказанный кризис. Тем более, что фрагментация мировой экономики, в отношении которой используется эвфемизм «многополюсность», ничего сопоставимого по фундированности и идеологической значимости с теорией модернизации, своим адептам не предлагает. Разве что мир-системный подход Ф. Броделя, И. Валлерстайна и Дж. Арриги, являясь относительно респектабельным, помогает интерпретировать попытку стран БРИКС перейти из положения полупериферии в ядро мир-системы. Если верить в нумерологию, то двухвековой цикл подъема — спада гегемонии США должен завершиться где-то к 2060-м гг. А по-

том фрагментация и кризис теории закончится, и новые страны ядра станут эталонами для очередных прогрессоров в странах «догоняющей модернизации».

В философии истории циклическая смена морфологии системы встречается существенно реже, чем стадиальный прогресс. Да и начальству концепцию мир-системщиков сложнее объяснить. Тем более, что нынешнее руководство стран «глобального Юга» хочет ведь весь «мир поменять», а не заменить собой место слабеющей «семерки». Ну вот что тут делать экономистам? Марксисты, понятное дело, оживились — этих хлебом не корми, дай только возможность вложить в неокрепшие студенческие мозги идею мировой революции. А остальным прогрессорам только и остается рисовать на доске уравнения спроса и предложения, да соотношений товарной и денежной масс.

4. История мысли, экономическая теория и методология

Яркие иллюстрации того, что экономическая теория не существует, можно найти на примере некоторых учебных пособий, издававшихся в России в 1990-е гг.; в период, когда шел переход от марксизма к преподаванию экономикс. Основным учебником тогда стал двухтомник К.Р. Макконела и С.Л. Брю (1993), потом стали выходить переводы других западных экономистов. Но в каждом университете, кроме того, выходили пособия местных ученых. «Перейдем теперь к построению модели поведения контрагентов при обмене благами… Сторону в сделке, реализующую некоторое благо, будем называть продавцом, сторону, приобретающую благо за деньги, — покупателем. Ситуацию, когда в обмене участвуют всего два контрагента, продавец и покупатель, назовем *биполией* (*здесь и далее выделено автором — П.О., В.Р.*). Биполия есть простейший товарно-денежный рынок.

Процесс обмена состоит из пары действий каждого контрагента: изготовления (приобретения) блага продавцом с последующей продажей и приобретения блага покупателем с последующим потреблением или перепродажей. В связи с этим оценка полезности одного и того же блага противоположными сторонами сделки различна. Покупатель оценивает полезность блага, исходя из уровня удовольствия от его потребления, продавец — из уровня неудовольствия от процессов приобретения (изготовления) блага. В ходе торга вырабатывается компромисс между противостоящими позициями контрагентов. Именно в различии подходов сторон состоит дуальность полезности блага в процессе обмена…

Моделирование биполии затруднительно без исследования полезности денег. Как мы уже говорили в теме 2, деньги не обладают собственной полезностью, их полезность условна. Условием служит возможность обмена денег на иные блага.

Понятие полезности денег, участвующих в процессе обмена, дуально. Для покупателя оно отождествляется с полезностью получения денег, для продавца — с полезностью траты денег. *Полезностью денег для продавца* будем называть удовольствие, которое продавец получит от потребления благ, купленные на вырученные при обмене деньги. *Полезностью денег для покупателя* назовем удовлетворение от труда, необходимого для получения денег…»[1].

Студенты успешно проходили такие курсы, сдавали экзамены, поступали на работу, двигались по карьерной лестнице. Некоторые из них получили ученые степени и сейчас сами работают преподавателями. Возможно, теория мало помогла

[1] Тябин, В. Н. (1994). *Математическая теория ценообразования:* учебное пособие (с. 44–46). Обнинск: Институт атомной энергетики.

им в жизни, но во, всяком случае, и не помешала. У них могли бы возникнуть большие трудности, если бы они попытались применить эти знания к реальной хозяйственной деятельности, но такие же трудности возникли бы и в случае марксизма, и в случае большинства положений неоклассического мейнстрима.

В преподавании философии уже давно нет нормативных предписаний. В большей части курсов рассматриваются «на равных» различные концепции, которые должен знать образованный специалист. Таким образом, речь идет об истории философии, а не единственно верном взгляде на мир. Если бы неоклассика преподавалась в качестве раздела курса истории мысли наряду с политэкономией социализма и немецкой исторической школой, причем с привязкой к фактам экономической истории, такая дисциплина перестала бы являться бодрийяровским симулякром: здесь резко меняется научный дискурс. Особенностью истории мысли является то, что здесь в каждом разделе рассматриваются обстоятельства появления той или иной концепции на свет, совокупность экономических феноменов, которую эта концепция была призвана объяснить, а заодно приводится и критика, и факты, которые эту концепцию опровергают. Необходимость такой смены дискурса никем не отрицается в явной форме. Но на практике для истории мысли, а тем более обычной истории остается все меньше часов. Стоит еще раз повторить — преподавание как политической, так и экономической истории, а заодно и истории мысли в российских вузах сокращено до минимума, а кое-где и вовсе исчезло.

Возвращение истории в российские вузы было бы неплохо дополнить как спецкурсами по современным проблемам экономического роста и отраслевых рынков, так и курсом по философии и методологии экономической науки. Последний, несмотря на свое название, позволил бы студентам освоить подходы к созданию идеологических конструктов в формах, доступных пониманию и начальства, и коллег-прогрессоров. Остановимся на двух небольших примерах.

Марксистская диалектика[1]. Спецификой этого подхода к характеристике любого объекта является выделение его отдельных сторон, которые представляют собой, таким образом, «единство противоречий», после чего каждая сторона принимает отдельную форму, связанную с объектом и подлежащую измерению (превращение количества в качество). После этого проделывается операция, известная в математике как «умножение на ноль», в диалектике это «отрицание отрицания»: объект в одной форме представляет собой одно количество, в другой — другое, но это все еще тот же объект. После чего «противоречие снимается» через превращение «сущности объекта» в новый объект.

Возьмем для примера что-нибудь безобидное и не связанное с «Капиталом» К. Маркса, например, стол. Этот объект одновременно стоит и лежит на полу. В качестве своего места для сидения за ним (обеда или написания текста) он может быть сдан в аренду по 50 руб. за 1 час, но если место на столе предлагается для лежания на нем (ночлега), то аренда составить 320 руб. за ночь (ночлег длится 8 час). Таким образом, стол стоит 320 руб., но если его эксплуатировать, сдавая в аренду для сидения за ним, то он принесет 400 руб. Разница в оценках составляет потенциал добавленной ценности, которую стол может приобрести в процессе продажи благодаря рекламе. Чтобы освободить платоновскую идею «стольности» от эксплу-

[1] Развернутая характеристика диалектики, с помощью которой можно получить любые требуемые выводы в отношении социальных проблем, и которой мы пользуемся для построения данного примера, представлена в кандидатской диссертации А. А. Зиновьева (2002).

атации, она может принять другую форму, превратившись в конторку или кульман, что будет означать следующую стадию эволюции стола.

Конечно, чтобы полностью овладеть этим методом и научиться, например, представлять идею Просвещения в качестве первоисточника немецкого национал-социализма (Адорно, Хоркхаймер, 1997), необходимо несколько специальных занятий. Однако в качестве способа быстрого создания правдоподобной квазиреальности диалектика, пожалуй, не знает себе равных.

Макроэкономическое равновесие. Этот подход позволяет также достаточно быстро конструировать рецепты экономической политики согласно предпочтениям начальства. Здесь исследователь работает с двумя агрегатами. Первый из них, совокупный спрос, складывается из расходов: государственных, потребительских, инвестиционных и т. д. Второй — из доходов: фирм и домохозяйств. Чтобы добиться экономического роста, нужно увеличить либо спрос, либо предложение, вторая сторона в силу принципа равновесия должна будет подтянуться к первой автоматически. Если начальство склонно прислушиваться к «левым» силам, то необходимо увеличивать государственные расходы, тем самым обеспечивая прирост совокупного спроса. Однако за этой простой рекомендацией стоит мощный аппарат аргументации кейнсианства.

Напротив, если начальство ориентируется скорее на либеральную экономическую повестку, то необходимо сокращать налоги и, по возможности, государственные расходы, добиваясь прироста экономики предложения. И за этой рекомендацией стоит не менее мощный аппарат аргументации ряда экономических школ, от классического либерализма до монетаризма и теории рациональных ожиданий.

Особенно приятно то, что и в случае роста государственных расходов, и в случае сокращения налогов работают похожие мультипликаторы. Это существенно упрощает расчеты ожидаемого увеличения темпов экономического роста.

Как нам представляется, курс философии и методологии экономической науки, с одной стороны, позволил бы будущим экономистам разбираться в тех «экономических мирах» (Сагден, 2012), которые создают теоретики. Как минимум, знание основ конструирования различных онтологий позволяет понимать как возможности экономических концепций, так и их ограничения. Как максимум, прослушавшие этот курс должны уметь сами создавать убедительные конструкции либертарианства, социализма, экономики благосостояния и других экономических течений, привлекающих публику своими характеристиками. Как показал уже упоминавшийся нами Бодрийяр, основное содержание экономики начиная с конца XX в. представляет собой производство и продажу симулякров, более того, зачастую этот процесс сводятся к продаже символов, знаков. Возможно, это и не пригодится будущим финансистам и менеджерам, но позволит им опознавать очередные идеологемы, которые будет выдвигаться премьером или, скажем, председателем Центрального банка как безальтернативные.

5. Заключение: универсальность образования и плюрализм реальности

Ситуация, когда один профессор горячо расписывает студентам полезность приватизации, либерализацию зарегулированных рынков и необходимость сокращения социальных государственных расходов, в то время как в следующем семестре с той же искренней убежденностью другой профессор настаивает на национализации, усилении регулирования и активизации государственной социаль-

ной поддержки, которая должна охватывать все слои населения, встречается в российских вузах достаточно часто. Можно ожидать, что при таком идеологическом разнообразии сдача экзаменов заставляет студентов тренироваться в лицемерии либо перед первым, либо перед вторым, либо перед обоими профессорами сразу.

Возвращение в вузы курсов истории и переход основной части современной экономической теории в статус истории мысли заставит преподавателей избавиться от явной идеологической предубежденности, а студенты будут спокойнее воспринимать различные концепции как ныне живых, так и покойных теоретиков. Опять-таки, это позволит получить дополнительные часы академической нагрузки нашим коллегам, специализирующимся на истории мысли, философии и методологии, интересы которых мы пытаемся отстаивать в этой статье.

По нашему мнению, кризис теории модернизации и прежнего понимания прогресса — это надолго. Это значит, что будет продолжаться не только фрагментация мировой экономики, но и социальных структур внутри национальных экономик. Теоретики будут строить свои модели и бороться за овладение ускользающей реальностью. По-видимому, в поисках альтернативных интерпретаций в будущем все больше будет востребован философский номинализм, не отрицающий универсалии, но делающий акцент на единичном опыте. Это позволит спокойнее обсуждать складывающийся плюрализм реальности и искать варианты объединения фрагментов.

Собственно, определенный прогресс уже есть. Еще сорок лет назад ученых, которые стали бы говорить о плюрализме реальности и ошибочности исторического материализма, коллеги отвели бы на диагностику к психиатрам. Сейчас подобные рассуждения уже не вызывают у российского научного сообщества столь агрессивной реакции.

Список источников

Адорно, Т., Хоркхаймер, М. (1997). *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. Москва, Санкт-Петербург: Медиум, Ювента, 312.

Аузан, А. А., Мальцев, А. А., Курдин, А. А. (2023). Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего. *Вопросы экономики,* (10), 5–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-5-26

Балацкий, Е. В. (2022). Новые императивы экономического знания: на пути к социономике. *Социальное пространство, 8* (4). https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.2

Бегельсдейк, Ш., Маселанд, Р. (2016). *Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности*. Москва, Санкт-Петербург: Изд-во Института Гайдара; Изд-во Международные отношения; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 464.

Богданов, А. А. (1989). *Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х кн.* Москва: Экономика.

Бодрийяр, Ж. (2007). *К критике политической экономии знака.* Москва: Академический проект, 335.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2023). Экономическое образование: качественное обновление необходимо и возможно. *Вопросы экономики,* (11), 141–160. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-141-160

Бурдье, П. (2017). *Homo academicus*. Москва: Изд-во Института Гайдара, 464.

Виттфогель, К. А. (1957). *Восточный деспотизм. Сравнительное исследование тотальной власти.* http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml (дата обращения: 21.08.2024).

Восленский, М. (1991). *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. Москва: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 624.

Гайдар, Е. (2006). *Гибель империи: уроки для современной России.* Москва: РОССПЭН, 592.

Гребнев, Л. С. (2024). Что первично: определенность целей или ограниченность средств? *Вопросы экономики,* (8), 140–158. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-8-140-158

Григорьев, Л. М. (2024). Таланты и их профессора: чему и как учить? *Вопросы экономики,* (8), 111–126. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-8-111-126

Джилас, М. (1958). *Новый класс: Анализ коммунистической системы*. Нью-Йорк: Издательство Фредерик А. Прегер, 248.

Зимбардо, Ф. (2014). *Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев.* Москва: Альпина нон-фикшн, 740.

Зиновьев, А. А. (2002). *Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса).* Москва: ИФ РАН, 321.

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2023). О синтезе и междисциплинарности в экономической теории: сравнение русскоязычного и англоязычного дискурсов. *AlterEconomics, 20*(1), 59–78. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4

Кронрод, Я. А. (1992). *Очерки социально-экономического развития XX века.* Москва: Наука, 228.

Кубедду, Р. (2008). *Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек*. Москва, Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум. 406.

Лахман, Р. (2010). *Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего нового времени.* Москва: Издательский дом «Территория будущего», 456.

Лахман, Р. (2022). *Пассажиры первого класса на тонущем корабле. Политика элиты и упадок великих держав.* Москва: Книжный магазин «Циолковский», 616.

Либман, А. М. (2023). Междисциплинарные исследования и смешанные методы: перспективы и ограничения. *Вопросы теоретической экономики,* (3), 35–48. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_3_35_48

Макконнелл, К. Р., Брю, С. Л. (1993). *Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2-х т*. Москва: Республика.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1960). *Сочинения. Т. 23.* Москва: Госполитиздат, 907.

Нисбет, Р. (2013). *Прогресс. История идеи.* Москва: ИРИСЭН, Мысль, 557.

Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества.* Москва: Изд-во Института Гайдара, 480.

Сагден, Р. (2012). Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке. Под ред. Д. Хаусмана, *Философия экономики: Антология* (с. 475–518). Москва: Изд. Института Гайдара.

Тамбовцев, В. Л. (2024). Реформа экономического образования или реформа экономических знаний? *Вопросы экономики,* (8), 127–139. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-8-127-139

Шаститко, А. Е. (2024). Экономическое образование как зеркало внутридисциплинарного дискурса. *Вопросы экономики,* (1), 137–153. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-1-137-153

Ясперс, К. (1991). *Смысл и назначение истории.* Москва: Политиздат, 527.

Fogel, R., & Engerman, S. (1974). *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. In 2 Vol.* Little, Brown and Company.

Levy, M. J. (2010). *Modernization and Structure of Societies*. Princeton University Press.

References

Adorno, T., & Horkheimer, M. (1997). *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskiye fragmenty [Dialectic of Enlightenment. Philosophical Fragments]*. Moscow, St. Petersburg: Medium Publ., Yuventa Publ. (In Russ.)

Auzan, A. A., Maltsev, A. A., & Kurdin, A. A. (2023). Russian economic education: Image of the near future. *Voprosy Ekonomiki,* (10), 5–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-5-26 (In Russ.)

Balatsky, E. V. (2022). The New Imperatives of Economic Knowledge: On the Way to Socionomics. *Sotsialnoye prostranstvo [Social area], 8*(4). https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.2 (In Russ.)

Baudrillard, J. (2007). *K kritike politekonomii znaka [For a Critique of the Political Economy of the Sign]*. Moscow: Akademicheskiy Proyekt Publ. (In Russ.)

Beugelsdijk, S., & Maseland, R. (2016). *Kultura v ekonomicheskoy nauke: istoriya, metodologicheskiye rassuzhdeniya i oblasti prakticheskogo primeneniya v sovremennosti [Culture in Economics: History, Methodological Reflections, and Contemporary Applications]*. Moscow, St. Petersburg: Gaidar Institute Publ.; Publishing House of International Relations; Faculty of Liberal Arts and Sciences of Saint Petersburg State University. (In Russ.)

Bogdanov, A. A. (1989). *Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka [Tectology: General Organizational Science]*. In 2 Books. Moscow: Ekonomika Publ. (In Russ.)

Bourdieu, P. (2017). *Homo Academicus*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russ.)

Buzgalin, A. V., & Kolganov, A. I. (2023). Economic education: A qualitative renewal is necessary and possible. *Voprosy ekonomiki,* (11), 141–160. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-141-160 (In Russ.)

Cubeddu, R. (2008). *Politicheskaya filosofiya avstriyskoy shkoly: K. Menger, L. Mizes, F. Khayek [The Philosophy of the Austrian School]*. Moscow, Chelyabinsk: IRISEN, Mysl Publ., Socium Publ. (In Russ.)

Djilas, M. (1958). *Novyy klass: Analiz kommunisticheskoy sistemy [The New Class: An Analysis of the Communist System]*. Frederick A. Praeger Publ. (In Russ.)

Fogel, R., & Engerman, S. (1974). *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery* (In 2 Vol.). Little, Brown and Company.

Gaidar, E. (2006). *Gibel imperii: uroki dlya sovremennoy Rossii [The Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia]*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Grebnev, L. S. (2024). What comes first: Certainty of goals or scarcity of means? *Voprosy ekonomiki,* (8), 140–158. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-8-140-158 (In Russ.)

Grigoryev, L. M. (2024). Talents and their professors: What and how to teach? *Voprosy ekonomiki,* (8), 111–126. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-8-111-126 (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G. (2023). On Synthesis and Interdisciplinarity in Economics: Comparison of Russian and English Discourses. *AlterEconomics, 20*(1), 59–78. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4 (In Russ.)

Kronrod, Ya. A. (1992). *Ocherki sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya XX veka [Essays on the Socio-Economic Development of the Twentieth Century]*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Lachmann, R. (2010). *Kapitalisty ponevole: konflikt elit i ekonomicheskie preobrazovaniya v Evrope rannego novogo vremeni [Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe]*. Moscow: "Territoriya budushchego" Publishing House. (In Russ.)

Lachmann, R. (2022). *Passazhiry pervogo klassa na tonushchem korable. Politika elity i upadok velikikh derzhav [First-Class Passengers on a Sinking Ship: Elite Politics and the Decline of Great Powers]*. Moscow: Tsiolkovsky Bookstore. (In Russ.)

Levy, M. J. (2010). *Modernization and Structure of Societies*. Princeton University Press.

Libman, A. (2023). Interdisciplinary research and mixed methods: perspectives and limitations. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory],* (3), 35–48. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_3_35_48 (In Russ.)

Marx, K., & Engels, F. (1960). *Sochineniya. T. 23 [Collected Works. Vol. 23]*. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)

McConnell, C. R., & Brue, S. L. (1993). *Ekonomiks: Printsipy, problemy i politika [Economics: Principles, Problems, and Policies]. In 2 Volumes*. Moscow: Respublika Publ. (In Russ.)

Nisbet, R. (2013). *Progress. Istoriya idei [History of the Idea of Progress]*. Moscow: IRISEN, Mysl Publ. (In Russ.)

North, D., Wallis, J., & Weingast, B. (2011). *Nasiliye i sotsialnyye poryadki. Kontseptualnyye ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.)

Shastitko, A. E. (2024). Economic education as a mirror of interdisciplinary discourse. *Voprosy Ekonomiki,* (1), 137–153. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-1-137-153 (In Russ.)

Sugden, R. (2012). Credible Worlds: The Status of Theoretical Models in Economics. In D. M. Hausman (Ed.), *Filosofiya ekonomiki: Antologiya [The Philosophy of Economics: An Anthology]* (pp. 475–518). Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.)

Tambovtsev, V. L. (2024). Reform of economic education or reform of economic knowledge? *Voprosy Ekonomiki,* (8), 127–139. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-8-127-139 (In Russ.)

Voslensky, M. (1991). *Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuza [Nomenclature. The Ruling Class of the Soviet Union]*. Moscow: MP "Oktyabr" joint "Sovetskaya Rossiya" Publ. (In Russ.)

Wittfogel, K. A. (1957). *Vostochnyy despotizm. Sravnitelnoe issledovanie totalnoy vlasti [Oriental despotism. A comparative study of total power]*. "Soviet Russia" collab. with MP October. http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml (Date of access: 21.08.2024).

Yaspers, K. (1991). *Smysl i naznachenie istorii [The meaning and purpose of the story]*. Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)

Zimbardo, P. (2014). *Effekt Lyutsifera. Pochemu khoroshie lyudi prevrashchayutsya v zlodeev [The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil]*. Moscow: Alpina Non-Fiction Publisher. (In Russ.)

Zinovyev, A. A. (2002). *Voskhozhdenie ot abstraktnogo k konkretnomu: na materiale "Kapitala" K. Marksa [Ascent from the Abstract to the Concrete: Based on K. Marxs "Capital"]*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Информация об авторах

Ореховский Петр Александрович — доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором философии и методологии экономической науки, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН; https://orcid.org/0000-0003-2816-1298 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр., 32; e-mail: orekhovskypa@mail.ru).

Разумов Владимир Ильич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии, философии и культурологии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; https://orcid.org/0000-0002-6904-9764 (Российская Федерация, 644077, г. Омск, пр. Мира, 55; e-mail: RazumovVI@omsu.ru).

About the authors

Petr A. Orekhovsky — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Philosophy and Methodology of Economic Science Sector, Chief Research Associate, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0003-2816-1298 (32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: orekhovskypa@mail.ru).

Vladimir I. Razumov — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Theology, Philosophy and Cultural Studies, Dostoevsky Omsk State University; https://orcid.org/0000-0002-6904-9764 (55, Mira Prospekt, Omsk, 644077, Russian Federation; e-mail: RazumovVI@omsu.ru).

Дата поступления рукописи: 21.11.2024.
Прошла рецензирование: 05.12.2024.
Принято решение о публикации: 28.01.2025.
Received: 21 Nov 2024.
Reviewed: 05 Dec 2024.
Accepted: 28 Jan 2025.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.5
УДК 330.101
JEL A10, O30

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Цифровая революция, кризис экономической теории и возвращение утопий[1]

Василий В. СУХИХ ✉
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Для цитирования: Сухих, В. В. (2025). Цифровая революция, кризис экономической теории и возвращение утопий. *AlterEconomics, 22*(1), 54–65. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.5

Аннотация. Глобальные изменения в обществе и экономике, происходящие в ходе цифровой революции, стали серьезным вызовом для экономической науки. Признание, что экономическая теория находится в серьезном кризисе, получает поддержку всё большего числа экономистов. При этом способы выхода из кризиса хоть и предполагаются, но так и не осуществляются. Цель статьи — выявить, к каким последствиям привело это признание и какие предложения по выходу из кризиса представляются наиболее перспективными. Создание новой парадигмы, новой системы взглядов, позволившей бы не только объяснить происходящие изменения, но также спрогнозировать дальнейшее развитие общества и экономики, оказалось гораздо более сложным делом, чем виделось футурологам в начале цифровой революции. Главный вывод статьи: фиксируется серьезный разрыв в экономических взглядах между экономистами-теоретиками и активными участниками цифровой революции. Последние находятся под сильным влиянием тех учений, которые ранее считались утопическими и маргинальными — анархизмом, анархо-капитализмом и другими вариантами наследия социалистического утопизма. В условиях возросшего плюрализма научного сообщества подобные утопические взгляды постепенно перестают быть маргинальными и начинают оцениваться как актуальные и перспективные, имеющие все шансы воплощения в жизнь благодаря цифровым технологиям. Это находит свое отражение в возросшем числе публикаций, где рассматриваются взгляды анархистов, в экономических журналах. Надеждой современных сторонников утопических учений остается коллективное творчество, которое может сделать то, что ранее не могли разработать одинокие гении. Современная экономическая теория в опоре на междисциплинарность тоже имеет тенденцию к возрастанию роли сотрудничества ученых в разработке новых теорий. Сейчас благодаря цифровой революции в экономике значительно расширились пределы достижимого и реализуемого. Остается надеется, что за этим последует не углубление кризиса экономической теории, но появление новой научной парадигмы, которая послужит фундаментом понимания происходящих в мире процессов.

Ключевые слова: цифровая революция, информация, информационное общество, цифровое общество, экономическая теория, утопия, анархизм

[1] © Сухих В. В. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

The Digital Revolution, the Crisis of Economic Theory, and the Return of Utopias

Vasiliy V. SUKHIKH ✉
Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

For citation: Sukhikh, V. V. (2025). The Digital Revolution, the Crisis of Economic Theory, and the Return of Utopias. *AlterEconomics, 22*(1), 54–65. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.5

Abstract. The digital revolution has presented significant challenges for economics, with an increasing number of economists recognizing that economic theory is in crisis. While solutions have been proposed, their implementation remains lacking. This article aims to identify the consequences of this crisis and highlight the most promising proposals for overcoming it. Developing a new paradigm capable of explaining and predicting societal and economic changes has proven more difficult than anticipated by early digital revolution futurists. The main conclusion of this article is that there is a gap between theoretical economists and active participants in the digital revolution. The latter are increasingly influenced by previously marginal ideologies such as anarchism and anarcho-capitalism, which are now being viewed as both relevant and feasible due to the influence of digital technologies. This shift is evident in the growing number of publications exploring anarchist views in economic journals. Modern utopian thinkers place their hope in collective creativity, which can achieve what individual geniuses once could not. Contemporary economic theory, with its emphasis on interdisciplinarity, similarly advocates for collaboration among scholars in developing new theories. The digital revolution has significantly expanded the boundaries of economic possibility, offering the hope that it will lead not to a deeper crisis in economic theory but to the emergence of a new scientific paradigm that can better explain global processes.

Keywords: digital revolution, information, information society, digital society, economic theory, utopia, anarchism

1. Введение

Всякая революция стремится сокрушить старые устои и построить счастливый и справедливый новый мир. Цифровая революция не представляет собой исключения из этого правила. Сильнейшие изменения общества и экономики, которые она принесла в последние десятилетия, стали серьезным испытанием для экономической науки, которая вынуждена приспосабливаться к новым условиям и изменяться.

Предсказания, что цифровая революция неизбежно вынудит экономическую теорию измениться, появились еще тогда, когда у многих экономистов не было ни компьютеров, ни понимания того, как они стремительно меняют мир. Известный футуролог Д. Нейсбит в своей книге «Мегатренды» (1982 г.) обосновал, что вместо ожидаемого постиндустриального общества, построенного на услугах, возникает общество информационное, построенное на производстве, обработке и распространении информации (Нейсбит, 2003, с. 25–26). В реалиях нового общества экономическая теория не могла остаться прежней, когда в центре внимания оказываются информация и взаимодействие между людьми в процессе ее создания и передачи. По мнению Д. Нейсбита, было необходимо выработать теорию прибавочной стоимости, создаваемой знанием, взамен устаревшей теории Маркса о прибавочной стоимости, создаваемой трудом (Нейсбит, 2003, с. 30).

Однако экономическая теория оказалась более консервативной, чем ожидали футурологи. Большинство экономистов-теоретиков повело себя в полном соответствии с описанной Т. Куном типовой реакцией ученых на кризис своих теорий:

сталкиваясь с их всё более частым несоответствием практике, ученые тем не менее никогда легко не отказываются от той парадигмы, что завела их в кризис. Они пытаются ее дополнить, интерпретировать иначе и модифицировать, вместо того чтобы объявить старую теорию неверной и опровергнутой. Т. Кун отмечает, что вынесение приговора, которое приводит ученого к отказу от ранее принятой теории, всегда основывается на чем-то большем, нежели сопоставление теории с окружающим нас миром. Решение отказаться от парадигмы всегда одновременно есть решение принять другую парадигму, а приговор, приводящий к такому решению, включает как сопоставление обеих парадигм с природой, так и сравнение парадигм друг с другом (Кун, 2002, с. 112–113).

Прошло больше сорока лет с предсказания Д. Нейсбита, информационное общество уже успело в свой черед сменится цифровым (вызвав еще один бесконечный спор, является ли цифровое общество лишь этапом информационного или же новой ступенью развития общества), а экономическая теория не спешит отказываться от Маркса и других классиков в пользу принципиально новых идей и подходов, чтобы соответствовать цифровой революции. Новая парадигма так и не появилась.

2. В поисках выхода из кризиса

Экономисты прекрасно понимают тяжесть кризиса, с которым сталкивается экономическая теория, и книга Т. Куна, равно как и другие науковедческие работы, посвященные особенностям смены парадигм в естественных и социальных науках, им известна. Гораздо меньше имеется понимания, как именно выходить из кризиса и какая парадигма способна объяснить стремительно меняющуюся в ходе цифровой революции экономику с увеличением роли нематериальных активов и сетевых взаимодействий.

Предлагаемые решения выхода из кризиса порой радикальны. Набирает популярность мнение, что экономическая наука находится не просто в застое — она зашла в тупик. К примеру, Е.В. Балацкий констатирует, что экономическая наука демонстрирует масштабные ошибки и просчеты, а также еще более возросшую за последние тридцать лет пропасть между экономической теорией и реальной жизнью. Эта пропасть принимает форму противоречия между колоссальной инструментальной сложностью и изощренностью теоретических конструкций экономики и удивительной примитивностью, а порой и откровенной нелепостью ее практических рекомендаций. По мнению Е.В. Балацкого, экономическая наука находится не в кризисе, который рано или поздно разрешается, а в методологическом тупике, в котором можно пребывать сколь угодно долго. А выходить из тупика нужно, отправляясь назад в поисках совершенно иного пути (Балацкий, 2022, с. 16). Можно добавить, что колоссальная сложность и изощренность теоретических конструкций — вполне закономерный итог, когда вместо смены старой парадигмы на новою ее непрерывно дополняют и усложняют, чтобы хоть как-то привести устоявшиеся взгляды в соответствие с отмечаемыми аномалиями, в старой теории объяснения не имеющими. Подобное усложнение неизбежно заводит теорию и теоретиков в тупик, т. к. не решает главной проблемы — нарастания в силу устарелости теорий числа явлений, которые для них будут аномальными и не вписывающимися в существующие теоретические схемы.

Е.В. Балацкий видит ожидаемым положительным результатом предполагаемого возвращения назад слияние социальных наук в единую науку социономику, основанную на иной теоретической и инструментальной парадигме (Балацкий, 2022, с. 2). При анализе его предложений С.Г. Кирдина-Чэндлер соглашается с тем, что экономическая наука находится в своего рода капкане, который сама же и сформировала, потому наука не может развиваться в соответствии с потребностями новой реальности. Но создание новой науки видится ей не единственным возможным решением — альтернативами может стать усиление междисциплинарных взаимодействий экономической науки с другими социальными науками, а также развитие плюрализма. Плюрализм предполагает сосуществование и развитие множества направлений, которые в совокупности способны объяснить экономическую реальность и предложить полезные рекомендации (Кирдина-Чэндлер, 2023, с. 71–72).

Однако междисциплинарность не способна помочь, когда и смежные науки в тупике по поводу трактовки происходящих изменений, неясности трактовки и роли информации в современном мире. В 2002 г. британский социолог Ф. Уэбстер при анализе теорий информационного общества пришел к выводу, что никакого согласия у исследователей современного общества нет ни по пониманию роли информации, ни по самому существованию информационного общества. Они все признают тот факт, что информация стала играть основную роль в нашей деятельности, ее стало больше и это как-то влияет на современный образ жизни. Но после согласия по этому пункту, отмечает Ф. Уэбстер, начинают идти одни разногласия (Уэбстер, 2004, с. 360). Книга Ф. Уэбстера, настроенного критически по отношению к использованию концепции информационного общества, вызвала в свою очередь ожесточенную критику, но остается фактом неспособность ученых создать теоретическую модель происходящих в ходе цифровой революции изменений, которая смогла бы обойтись без признания аномалий, не находящих объяснения в ее рамках.

Поэтому создание новой науки (социономики или какой-то другой) представляется наиболее перспективным вариантом. В ее рамках возможно объединение экономических, философских, социологических и психологических исследований информации. Без такого синтеза трудности осознания и изучения информации как экономической категории неизбежны. А без ясного понимания сущности информации и ее роли для экономических отношений невозможно адекватно описать в экономической теории информационное общество. Для Нейсбита экономическая сущность информации не вызывала сомнения, поскольку ее производство требовало затрат и были люди, готовые за нее платить (Нейсбит, 2003, с. 58). Он критиковал традиционное для экономистов мышление в товарах и услугах в условиях Америки начала 1980-х гг., когда в университетах трудилось больше народу, чем в сельском хозяйстве, и всё больше американцев были заняты созданием, обработкой и распространением информации. Но справедливо было бы отметить, что в число таких американцев Нейсбит включал священников, и тогда, по его же критерию, Ватикан уже сотни лет является ведущим государством информационного общества. Напрашивается необходимость уточнения, что не вся информация может быть рассмотрена в качестве экономической категории, и не обязательно производство и распространение любой информации будут играть существенную роль в экономических отношениях. Тут в вопросах дефиниции и классификации информации экономистам понадобится помощь философов и математиков,

потому как наиболее близкими к экономическим раздумьям о сути информации оказываются исследования философских проблем кибернетики.

Однако пока все предложения о новой науке и усилении междисциплинарности находятся лишь в стадии благих пожеланий. Их невозможно воплотить в жизнь без планомерной коллективной работы, которая начнется лишь после выработки и принятия удовлетворительной для значительной части экономистов-теоретиков программы исследований. Для нее в свою очередь нужна новая парадигма — хотя бы контуры новой теории, показавшейся бы перспективной как можно большему числу ученых.

Из-за кризиса экономической теории существует опасность отрыва практических исследований от теоретического фундамента вплоть до фактического отказа от последнего. Если экономическая теория раз за разом ошибается в объяснении происходящих событий, то почему бы просто не использовать дарованные цифровой революцией инструменты для решения практических задач, не пытаясь создать под них экономическую теорию? В конце концов, в физике не редка ситуация, когда на практике подход работает, хотя обосновать эту работу в теории долгое время не удается (Айзексон, 2015, с. 231). Экономисты уже убедились, что, используя стремительно развивающиеся нейросети, можно обходиться вовсе без теоретических изысканий. Справедливо Е.В. Балацкий и М.А. Юревич указывают, что нейросети не предполагают никакой объяснительной модели. Лауреат Нобелевской премии по экономике А. Дитон в 2016 г. отметил опасность такой утраты теории: «Если у вас есть Big Data, вы можете не иметь экономической теории» (Балацкий, Юревич, 2018, с. 824). Но без теоретического знания происходит утрата контроля над пониманием происходящего, что чревато гибельными последствиями при попытках управления социально-экономическим процессами в мире, механизмы функционирования и причины изменения которого все более темны для чиновников и ученых.

Экономисты, не имея надежной прогностической базы, предпочитают в большинстве своем очень осторожно рассуждать о будущем экономики и общества, тем более что цифровая революция предоставляет множество возможностей изучать уже состоявшееся и изменившееся, однако попытки рассмотреть возможные пути развития неизменно предпринимаются (Dabić et al., 2023; Chen et al., 2023; Ghobakhloo et al., 2024; Knell, 2021).

3. Возвращение утопий

Пока экономисты ищут пути выхода своей науки из кризиса, творцы и деятели цифровой революции никакого пессимизма по поводу теоретического кризиса не испытывают. Поэтому полезно выяснить, какие экономические взгляды востребованы активными участниками цифровой революции из числа программистов, хакеров и сторонников цифрового общества. Сложность в том, что единой системы взглядов у подобных людей так и не сложилось, во многом из-за намеренного нежелания углубляться в теорию вместо того, чтобы менять мир на практике, отстаивая своими действиями те правила, что кажутся справедливыми и выгодными для общества в целом.

Однако нетрудно заметить, что на мировоззрение значительной части цифровых активистов влияют разные интерпретации возникших на основе утопического социализма идей анархизма, причем обычно в вариантах коллективизма на ос-

нове кооперации и взаимовыручки. Это и не удивительно, учитывая, что цифровая революция делалась во многом людьми, которые выросли в весьма левой и свободной атмосфере американских послевоенных университетов, причем ряд влиятельных деятелей будущей IT-индустрии сами долго были политическими активистами антикапиталистических движений. У. Айзексон в своей книге «Инноваторы» особо обращает внимание на этот аспект истории цифровой революции, объясняя успехи в создании нового свободой мышления и раскрепощенностью создателей компьютеров и программистов (Айзексон, 2015).

Влиянием анархизма и свойственного ему нигилизма по отношению к прошлому можно объяснить специфичность подхода программистов и деятелей IT-индустрии к предсказанию будущего — если ученые-теоретики склонны давать прогнозы на основе изучения максимально полных данных о прошлом и настоящем, выстраивая последовательность событий, предопределяющих будущее, то отцы цифровой революции создавали будущее без каких-либо отягощений прошлым и озабоченностью теоретическими моделями создаваемого их усилиями нового общества. А. К. Кэй, один из основателей компьютерного мира, высказал общее мнение своих коллег-изобретателей новых технологий: «Лучший способ спрогнозировать будущее — изобрести его».

Определенное лукавство в знаменитом утверждении А. Кэя всё же есть. Демонстративный отказ от старых иерархий и догм вовсе не означал, что изменения не направлялись в нужную сторону и что отбрасывались любые старые теории. Такие люди, как А. Кэй, изобретали будущее, уже представляя себе идеальное устройство общества и экономики, которое было бы желательно достичь.

Хотя в крупных корпорациях былые бунтари 1960–1970-х гг. уже сдают позиции, в результате чего руководство компаний всё больше озадачено прибылями, чем визионерством и утопическими мечтами, среди тех, кто непосредственно занимается программированием, взгляды остаются менее меркантильными. Тот факт, что многие хакеры и программисты ориентируются на считавшиеся прежде утопическими представления об идеальном взаимодействии и сотрудничестве людей, веря, что цифровые технологии способны теперь воплотить в жизнь мечтания утопистов, отмечает ряд западных исследователей хакерской культуры. К примеру, анализируя взгляды наиболее известных и влиятельных хакеров, Г. Коулман в книге «Кодирование свободы: этика и эстетика хакерства» находит в них не только либеральные взгляды о свободе слова и анархическое отрицание права собственности, но также вызов традиционному капиталистическому отчуждению труда от человека. Она пишет: «Настойчивое стремление хакеров никогда не терять доступа к плодам своего труда — и, более того, активное стремление делиться этими плодами с другими — вызывает к жизни знаменитую критику отчужденного труда Карла Маркса: „Внешний характер труда для работника проявляется в том, что он принадлежит не ему, а кому-то другому, что это не принадлежит ему, что в этом он принадлежит не себе, а другому”… Это напоминает видение Маркса именно потому, что свободное разработчики программного обеспечения стремятся избежать тех форм отчуждения, которые долгое время были почти синонимом капиталистического производства. Таким образом, свобода не только основана на праве свободно высказываться, но и понимается (хотя и в основном на практике) как „утопическое обещание неотчуждаемого труда, процветания человека посредством творческого труда и самореализации”» (Coleman, 2013, pp. 14–15).

Успешность грандиозных совместных цифровых проектов без иерархического руководства и контроля со стороны государства или частных компаний — таких как «Википедия» или разработка программного обеспечения на основе открытого кода — поддерживает уверенность сторонников утопических взглядов в возможности достижения еще более глобальных целей такими же методами.

4. Реабилитация утопизма и анархизма в академической науке

Благодаря намеренно воплощаемым и пропагандируемым при цифровизации идеям из арсенала левых идеологов, прежде сохраняемые лишь университетскими интеллектуалами и маргинальными политическими группами, преимущественно в третьем мире, анархические взгляды на идеальное социально-экономическое устройство общества ныне не только находят всё больше сторонников, но также начинают обсуждаться в научных журналах как актуальные и перспективные.

Для примера укажем на всё большее внимание экономистов к экономическим и общественным взглядам одного из авторитетнейших идеологов анархизма П.А. Кропоткина как за рубежом (Coombs-Hoar, 2024; Reis, 2024), так и в России (Кирдина-Чэндлер, Холл, 2017; Сухих, Важенин, 2023). Объяснение этому дает академик РАН В.М. Полтерович. По его мнению, становление цифровых технологий, которое привело к формированию Интернет-сообществ, «цифрового альтруизма» и к разработке децентрализованных алгоритмов принятия решений, дало новый импульс тенденции к повышению роли сотрудничества. В итоге смутная картина общества, представлявшаяся Кропоткину в виде организма, в котором отношения между отдельными его членами определяются свободно состоявшимися взаимными соглашениями, неожиданно обретает реальные черты сетевого взаимодействия. Поэтому, делает вывод В.М. Полтерович, философия сотрудничества, рассматривающая анархистский идеал как одну из целей и в то же время как вероятное следствие социально-экономического развития, опирается на изучение реальных тенденций трансформации координационных механизмов и, таким образом, перестает быть утопией (Полтерович, 2020, с. 10–11).

Подчеркнем, что, хотя именно цифровая революция вызвала из небытия для многих утопические идеи прошлого, сама эта революция изначально была стимулирована именно тем, что ее создателям эти идеи были знакомы и близки. Компьютеры и цифровые технологии привлекали инженеров и программистов не столько экономической выгодой от их внедрения, сколько возможностью получить инструменты воплощения в жизнь мечтаний утопистов. Утопии долгое время давали человечеству надежду на построение нового, более совершенного общества, где человеку будет дана возможность самореализоваться в труде в рамках коллектива равноправных партнеров, а не в рамках подчинения государственному или частновладельческому руководству. Но человечество не имело технических возможностей обеспечить нужную координацию усилий людей без государственного аппарата или структур управления частных компаний. Благодаря цифровой революции простота получения информации, моментальное ее распространение, возможность быстрого поиска единомышленников и координация их усилий без создания государственных или партийных структур открывают новые горизонты для возможности формирования сетей и взаимодействия людей в их рамках. Д. Нейсбит писал об этом еще в 1982 г., и с тех пор его уверенность, что с помощью компьютеров общество откажется от иерархических структур и перейдет к сетевым, подтвержда-

ется всё новыми и новыми фактами. Изучение сетевого характера взаимодействия между людьми, усиленного цифровизацией и развитием глобальной сети Интернет, привело к распространению аналогичного подхода на исследование взаимодействия экономических агентов, когда, к примеру, действия предприятий также стали рассматриваться в рамках сетевого подхода. В итоге на данный момент изучение сетевой экономики является одним из наиболее перспективных направлений экономических исследований и активно развивается зарубежными и отечественными экономистами, уже успевшими позабыть, из каких именно учений была взята изначально сама концепция сети как основы взаимодействия людей.

Проникновение в академическую науку считавшихся ранее маргинальными и утопическими теорий демонстрирует возросший плюрализм и повышение открытости ученых к принятию новых подходов. Стоит напомнить, что эволюция утопических учений в общепризнанные экономические догмы — дело вовсе не исключительное. Политическая экономия А. Смита изначально была частью вполне утопического проекта построения нового общества и лишь трудами продолжателей Смита была изменена в тот вариант учения, что стал общепризнанной частью экономической теории (Сухих, 2007). К. Маркс и Ф. Энгельс не отрицали влияние на марксизм утопического социализма, хотя последовательно критиковали утопистов за ошибки. В дальнейшем сам марксизм из научного учения не раз становился утопической идеологией, когда его пытались воплощать на практике (Мартынов, 2008). Уже на наших глазах в экономические классики уверенно продвинут П. А. Кропоткин, и стоит ожидать возвышения до обсуждаемых в академических экономических журналах других теоретиков анархизма что прошлого, что настоящего.

Характерно, что анархистские взгляды теперь открыто признают у тех экономистов, которых ранее уместней было считать либертарианцами, потому как с таким определением обсуждать их работы было более приемлемо в научной литературе. Яркий пример в этом — анархо-капиталист и сторонник рыночного анархизма М. Ротбард, известный представитель австрийской школы и один из основателей Института Мизеса. Несмотря на то, что сам М. Ротбард не скрывал своих взглядов, да и термин «анархо-капитализм» придуман, видимо, именно им, когда двадцать лет назад его книги впервые были изданы в России издательством «Социум», отнесение взглядов Ротбарда к анархистским явно было сочтено излишне рискованным. Если либертарианца российские экономисты готовы были читать и обсуждать, то рассматривать труды анархиста еще казалось ненаучным. Поэтому в предисловии к первому изданию книги «Государство и деньги», где Ротбарда представляли российскому читателю, вообще не упомянут анархизм (Сапов, 2008). Если бы книги Ротбарда выходили впервые не в 2003–2004 гг., а сейчас, то, скорее всего, влияние анархизма на идеи Ротбарда перестали бы скрывать.

Стоит отметить, что возрождение популярности утопических теорий неизбежно приводит к очередной путанице в терминологии, т. к. утопиями могут называть не только теоретические взгляды прошлого, относимые к утопическим (утопический социализм, анархизм и т. д.). Часть ученых относят к утопиям проекты идеального и желаемого устройства, вполне достижимого в настоящем или будущем, другие называют утопиями любые нереализуемые, с их точки зрения, предложения и планы. Мы можем наблюдать в научной литературе примеры самого разного употребления термина «утопия» при изучении современной экономики и цифровой революции (Bocken et al., 2023; Polizzi, 2023; Soar & Corballis, 2022).

Можно предполагать, что по мере развития плюрализма в экономической теории чудеса цифрового мира, делающие возможными воплощение ранее недостижимых планов, помогут избавить термин «утопия» от негативного соотнесения его с заведомо невозможными фантазиями.

5. Заключение

Актуализация утопических учений и возрастание числа их сторонников являются последствием активного распространения цифровых технологий, и экономистам приходится больше внимания уделять рассмотрению подобных учений и их вариантов, популярных у активистов цифровой революции. Позволит ли это в дальнейшем найти пути выхода из кризиса экономической теории, предсказать затруднительно. Утопические учения привлекательны в своем описании идеального будущего, но в прошлом не раз наглядно выявлялись их слабости в создании не только планомерного плана воплощения утопий в реальность, но даже в подробном описании механизмов работоспособности желаемого устройства общества и экономики. У. Айзексон подчеркивает, что иногда инновации рождаются из пепла забытых знаний (Айзексон, 2015, с. 547), и, действительно, сейчас социальные инновации после внедрения цифровых технологий возрождают полузабытые предложения утопистов. Но на их забвение и маргинализацию имелись серьезные объективные причины. Ни К. Маркс, ни П.А. Кропоткин не завершили теоретическую разработку своих социально-экономических теорий. «Капитал» так и остался незавершенным трудом, Кропоткин вообще избегал рассмотрения практических реализаций своих планов именно с экономической точки зрения. Надеждой современных сторонников утопических учений остается коллективное творчество, которое может сделать то, что ранее не могли разработать одинокие гении. Современная экономическая теория в опоре на междисциплинарность тоже имеет тенденцию к возрастанию роли сотрудничества ученых в разработке новых теорий. В отличие от сторонников утопий, экономисты стремятся исходить не из желаемого состояния общества и экономики, а из состояния, реализуемого на практике и достижимого при ясно понимаемых условиях и детально разработанных мерах. Сейчас благодаря цифровой революции в экономике значительно расширились пределы достижимого и реализуемого. Остается надеется, что за этим последует не углубление кризиса экономической теории, но появление новой научной парадигмы, которая послужит фундаментом понимания происходящих в мире процессов.

Список источников

Айзексон, У. (2015). *Инноваторы. Как несколько гениев, хакеров и гиков совершили цифровую революцию.* Москва: АСТ: Corpus, 656.

Балацкий, Е. В. (2022). Новые императивы экономического знания: на пути к социономике. *Социальное пространство, 8* (4), 1–19. https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.2

Балацкий, Е. В., Юревич, М. А. (2018). Использование нейронных сетей для прогнозирования инфляции: новые возможности. *Вестник УрФУ. Серия экономика и управление, 17* (5), 823–838. https://doi.org/10.15826/vestnik.2018.17.5.037

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2023). О синтезе и междисциплинарности в экономической теории: сравнение русскоязычного и международного дискурсов. *AlterEconomics, 20* (1), 59–78. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4

Кирдина-Чэндлер, С. Г., Холл, Д. (2017). Кооперация versus конкуренция в трудах российских эволюционистов. *Журнал институциональных исследований, 9*(1), 6–26. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.1.006-026

Кун, Т. (2002). *Структура научных революций.* Москва: АСТ, 365.

Мартынов, Д. Е. (2008). Утопизм и марксизм: к проблеме соотношения. *Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки, 150*(1), 31–37.

Нейсбит, Д. (2003). *Мегатренды.* Москва: АСТ, 380.

Полтерович, В. М. (2020). Петр Кропоткин, философия сотрудничества и цифровая революция. *MPRA Paper,* (99182). https://mpra.ub.uni-muenchen.de/99182/ (дата обращения: 03.11.2024).

Сапов, Г. Г. (2008). Предисловие к первому русскому изданию. *Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества* (с. VIII-XVII). Челябинск: Социум.

Сухих, В. В. (2007). Утопия политической экономии физиократов и А. Смита. *Журнал экономической теории,* (2), 129–150.

Сухих, В. В., Важенин, С. Г. (2023). Актуализация экономических идей П. А. Кропоткина в XXI веке. *Историко-экономические исследования, 24*(3), 455–476. https://doi.org/10.17150/2308-2488.2023.24(3).455-476

Уэбстер, Ф. (2004). *Теории информационного общества.* Москва: Аспект Пресс, 400.

Bocken, N., Pinkse, J., Darnall, N., & Ritala, P. (2023). Between Circular Paralysis and Utopia: Organizational Transformations towards the Circular Economy. *Organization & Environment, 36*(2), 378–382. http://dx.doi.org/10.1177/10860266221148298

Chen, W., Du, X., Lan, W., Wu, W., & Zhao, M. (2023). How can digital economy development empower high-quality economic development? *Technological and Economic Development of Economy, 29*(4), 1168–1194. https://doi.org/10.3846/tede.2023.18784

Coleman, E. G. (2013). *Coding Freedom. The ethics and aesthetics of hacking.* Princeton University Press.

Coombs-Hoar, K. (2024). Peter Kropotkin's 1902 Mutual Aid theory today. *Studia Anglica Resoviensia, 21,* 20–30. https://doi.org/10.15584/sar.2024.21.2

Dabić, M., Maley, J. F., Švarc, J., & Poček, J. (2023). Future of digital work: Challenges for sustainable human resources management. *Journal of Innovation & Knowledge, 8*(2), 100353. https://doi.org/10.1016/j.jik.2023.100353

Ghobakhloo, M., Mahdiraji, H. A., Iranmanesh, M., & Jafari-Sadeghi, V. (2024). From Industry 4.0 Digital Manufacturing to Industry 5.0 Digital Society: a Roadmap Toward Human-Centric, Sustainable, and Resilient Production. *Information Systems Frontiers*. https://doi.org/10.1007/s10796-024-10476-z

Knell, M. (2021). The digital revolution and digitalized network society. *Review of Evolutionary Political Economy, 2,* 9–25. https://doi.org/10.1007/s43253-021-00037-4

Polizzi, G. (2023). Internet users' utopian/dystopian imaginaries of society in the digital age: Theorizing critical digital literacy and civic engagement. *New Media & Society, 25*(6), 1205–1226. https://doi.org/10.1177/14614448211018609

Reis, C. R. M. D. (2024). Mutual Aid and Evolution: the evolutionary theory of Piotr Kropotkin. *Filosofia Unisinos, 25*(3), 1–12. https://doi.org/10.4013/fsu.2024.253.02

Soar, M., & Corballis, T. (2022). Utopia of abstraction: Digital organizations and the promise of sovereignty. *Big Data & Society, 9*(1), 20539517221084587. https://doi.org/10.1177/20539517221084587

References

Balatskiy, E. V., & Yurevich, M. A. (2018). Application of Neutral Networks for Forecasting Inflation: New Opportunities. *Vestnik URFU. Seriya Ekonomika i upravlenie [Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management], 17*(5), 823–838. https://doi.org/10.15826/vestnik.2018.17.5.037 (In Russ.)

Balatsky, E.V. (2022). The New Imperatives of Economic Knowledge: On the Way to Socionomics. *Social'noe prostranstvo [Social area], 8*(4), 1–19. https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.2 (In Russ.)

Bocken, N., Pinkse, J., Darnall, N., & Ritala, P. (2023). Between Circular Paralysis and Utopia: Organizational Transformations towards the Circular Economy. *Organization & Environment, 36*(2), 378–382. http://dx.doi.org/10.1177/10860266221148298

Chen, W., Du, X., Lan, W., Wu, W., & Zhao, M. (2023). How can digital economy development empower high-quality economic development? *Technological and Economic Development of Economy, 29*(4), 1168–1194. https://doi.org/10.3846/tede.2023.18784

Coleman, E. G. (2013). *Coding Freedom. The ethics and aesthetics of hacking.* Princeton University Press.

Coombs-Hoar, K. (2024). Peter Kropotkin's 1902 Mutual Aid theory today. *Studia Anglica Resoviensia, 21,* 20–30. https://doi.org/10.15584/sar.2024.21.2

Dabić, M., Maley, J. F., Švarc, J., & Poček, J. (2023). Future of digital work: Challenges for sustainable human resources management. *Journal of Innovation & Knowledge, 8*(2), 100353. https://doi.org/10.1016/j.jik.2023.100353

Ghobakhloo, M., Mahdiraji, H. A., Iranmanesh, M., & Jafari-Sadeghi, V. (2024). From Industry 4.0 Digital Manufacturing to Industry 5.0 Digital Society: a Roadmap Toward Human-Centric, Sustainable, and Resilient Production. *Information Systems Frontiers.* https://doi.org/10.1007/s10796-024-10476-z

Isaacson, W. (2015). *Innovatory. Kak neskol'ko geniev, khakerov i gikov sovershili cifrovuyu revolyuciyu [The Innovators: How a Group of Hackers, Geniuses and Geeks Created the Digital Revolution].* Moscow: AST Publ.: Corpus. (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G. (2023). On Synthesis and Interdisciplinarity in Economics: Comparison of Russian and English Discourses. *AlterEconomics, 20*(1), 59–78. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4 (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G., & Hall, J. (2017). Cooperation versus Competition in Works of Russian Evolutionists. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy [Journal of Institutional Studies], 9*(1), 6–26. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.1.006-026 (In Russ.)

Knell, M. (2021). The digital revolution and digitalized network society. *Review of Evolutionary Political Economy, 2,* 9–25. https://doi.org/10.1007/s43253-021-00037-4

Kuhn, T. S. (2002). *Struktura nauchnykh revolyutsiy [The structure of scientific revolutions].* Moscow: AST Publ. (In Russ.)

Martynov, D. E. (2008). Utopianism and Marxism: on the Problem of the Ratio. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 150*(1), 31–37. (In Russ.)

Naisbitt, J. (2003). *Megatrendy [Megatrends].* Moscow: AST Publ. (In Russ.)

Polizzi, G. (2023). Internet users' utopian/dystopian imaginaries of society in the digital age: Theorizing critical digital literacy and civic engagement. *New Media & Society, 25*(6), 1205–1226. https://doi.org/10.1177/14614448211018609

Polterovich, V. M. (2020). Peter Kropotkin, Philosophy of Collaboration and the Digital Revolution. *MPRA Paper,* (99182). https://mpra.ub.uni-muenchen.de/99182/ (Date of access: 03.11.2024). (In Russ.)

Reis, C. R. M. D. (2024). Mutual Aid and Evolution: the evolutionary theory of Piotr Kropotkin. *Filosofia Unisinos, 25*(3), 1–12. https://doi.org/10.4013/fsu.2024.253.02

Sapov, G. G. (2008). Preface to the first Russian edition. *Kak gosudarstvo zavladelo denezhnoy sistemoy obshchestva [What has government done to our money]* (pp. VIII-XVII). Chelyabinsk, Russia: Socium Publ. (In Russ.)

Soar, M., & Corballis, T. (2022). Utopia of abstraction: Digital organizations and the promise of sovereignty. *Big Data & Society, 9*(1), 20539517221084587. https://doi.org/10.1177/20539517221084587

Sukhikh, V. V. (2007). The utopia of political economy of physiocrats and A. Smith. *Zhurnal Economicheskoj teorii [Russian Journal of Economic Theory],* (2), 129–150. (In Russ.)

Sukhikh, V. V., & Vazhenin, S. G. (2023). Actualization of Economic Ideas of P. A. Kropotkin in the 21st Century. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Journal of Economic History & History of Economics], 24*(3), 455–476. https://doi.org/10.17150/2308-2488.2023.24(3).455-476 (In Russ.)

Webster, F. (2004). *Teorii informatsionnogo obshchestva [Theories of the Information Society]*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)

Информация об авторе

Сухих Василий Валентинович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр экономической теории, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-0425-7028 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: vsh-sh@yandex.ru).

About the author

Vasiliy V. Sukhikh — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate of Centre for Economic Theory, Institute of Economics of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-0425-7028 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: e-mail: vsh-sh@yandex.ru).

Дата поступления рукописи: 06.12.2024.
Прошла рецензирование: 16.12.2024.
Принято решение о публикации: 28.01.2025.
Received: 06 Dec 2024.
Reviewed: 16 Dec 2024.
Accepted: 28 Jan 2025.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.6
УДК 330.88
JEL A11, A13, B52

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Идеология, цифровая экономика и промпт-знание[1]

Вячеслав В. ВОЛЬЧИК ✉
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Для цитирования: Вольчик, В. В. (2025). Идеология, цифровая экономика и промпт-знание. *AlterEconomics, 22*(1), 66–82. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.6

Аннотация. В статье рассматривается влияние идеологии на экономическую науку в контексте цифровизации и развития искусственного интеллекта (ИИ), основываясь на трактовке идеологии в научной традиции Д. Норта и Й. Шумпетера. В рамках нортовского подхода идеология рассматривается как совокупность ментальных моделей, определяющих восприятие и интерпретацию экономических явлений. В шумпетерианской логике акцент делается на неизбежности идеологического влияния в науке через донаучные когнитивные акты, формирующие исследовательские рамки. Исследование демонстрирует, что автоматизация научных процедур с помощью ИИ усиливает влияние идеологических установок на процесс познания. В статье выделяются пять ключевых идеологических направлений в российской экономической науке (неолиберализм, дирижизм, социализм, особый путь, экологизм) с использованием методов машинного обучения. Полученные результаты показывают доминирование дирижизма, что объясняется историческими и институциональными факторами. Цифровая трансформация, усиливая механизмы возрастающей отдачи, не только меняет способы обработки данных, но и создает новые смыслы, что повышает роль идеологии как фактора экономической и политической устойчивости. Особое внимание уделяется неолиберальной идеологии, которая в условиях цифровой экономики проявляется через алгоритмизацию, технократическую оптимизацию и продвижение рыночной эффективности. Неолиберализм, доминируя в глобальном дискурсе, способствует маркетизации даже в общественном секторе, усиливая зависимость от метрик и показателей, что в свою очередь ведет к излишней бюрократизации и ориентации на краткосрочные цели. Особое внимание уделяется феномену промпт-знания, которое возникает в результате взаимодействия человека и ИИ. Чрезмерное использование ИИ может привести к поверхностному восприятию знаний и снижению мотивации к творческой деятельности.

Ключевые слова: экономическая идеология, экономическая наука, искусственный интеллект, промпт-знание, неолиберализм, дирижизм, цифровая экономика

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00665, https://rscf.ru/project/24-18-00665/ «Идеологический ландшафт российской экономической науки» в Южном федеральном университете.

[1] © Вольчик В. В. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Ideology, Digital Economy and Prompt-Knowledge

Vyacheslav V. VOLCHIK ✉
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

For citation: Volchik, V. V. (2025). Ideology, Digital Economy and Prompt-Knowledge. *AlterEconomics, 22*(1), 66–82. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.6

Abstract. The article examines the influence of ideology on economic science in the context of digitalization and artificial intelligence (AI) development, based on the interpretation of ideology within the scientific tradition of Douglass North and Joseph Schumpeter. In North's framework, ideology is understood as a set of mental models shaping the perception and interpretation of economic phenomena. In Schumpeterian logic, the emphasis is on the inevitability of ideological influence in science through pre-scientific cognitive acts that form the research framework. The study demonstrates that automation of scientific procedures using AI enhances the impact of ideological attitudes on the process of cognition. The article identifies five key ideological trends in Russian economic science (neoliberalism, dirigisme, socialism, special path, and environmentalism) using machine learning methods. The results indicate the dominance of dirigisme, which is explained by historical and institutional factors. Digital transformation, by boosting mechanisms of increasing returns, not only alters data processing methods but also creates new meanings, amplifying the role of ideology in economic and political sustainability. The article focuses on neoliberal ideology, which, in the digital economy, manifests through algorithmization, technocratic optimization, and the promotion of market efficiency. Neoliberalism dominates global discourse and promotes marketization even in the public sector, leading to an increasing dependence on metrics and indicators. This, in turn, leads to excessive bureaucratization and a focus on short-term goals. Special attention is given to the concept of prompt-knowledge, which emerges from human-AI interaction, where excessive AI use can lead to a shallow understanding of knowledge and reduced motivation for creative activity.

Keywords: economic ideology, economic science, artificial intelligence, prompt-knowledge, neoliberalism, dirigisme, digital economics

Acknowledgments: This research was conducted at the Southern Federal University and supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-00665, https://rscf.ru/en/project/24-18-00665/ "Ideological landscape of Russian economic science".

1. Введение

В современной экономике цифровые технологии стали одним из важнейших факторов развития и роста. Эффекты в экономике от цифровизации простираются от снижения трансакционных издержек до формирования новых продуктов и инфраструктуры. Цифровизация фактически стала одним из важнейших драйверов перехода от мира убывающей к миру возрастающей отдачи (Артур, 2005; 2015). Однако «цифровая эра» постепенно не только изменяет способы сбора, обработки и передачи данных, но и формирует среду, в которой запущены процессы создания новых смыслов и идей.

Цифровая трансформация, как и любые другие радикальные изменения, ведет ко множеству конфликтов и противоречий. Новые технологии, повышая производительность, становятся источником социальной неопределенности (Балацкий, 2022), а механизмы возрастающей отдачи и присущие им положительные обратные связи требуют особого внимания к формированию механизмов самоорганизации в контексте экономики сложности (Кирдина-Чэндлер, 2018). Роль идеологии в таких условиях становится особенно значимой, выступая как фундаментальный фактор, влияющий на политическую и экономическую устойчивость социального порядка (Вольчик, 2022).

Новейшие достижения цифровизации связаны с быстрой эволюцией систем искусственного интеллекта на основе больших языковых моделей (*large language model, LLM*). Развитие искусственного интеллекта создает значительные перспективы для повышения производительности труда, связанного с различного рода творческими задачами. Как помощник в систематизации и анализе данный ИИ начал активно использоваться. Но всё более широкое использование ИИ создает также значительные угрозы для людей в плане сохранения стимулов для развития человеческого капитала. Как справедливо отметил Р. Скидельски: «Короче говоря, опасность не в том, что роботы станут такими же умными, как мы, а в том, что мы станем такими же глупыми, как роботы» (Skidelsky, 2023, p. 228).

Развитие искусственного интеллекта порождает значительный технооптимизм, который иногда называют «калифорнийской идеологией», или идеологией журнала Wired (Wired Ideology). Согласно ей, развитие технологий не только освобождает человечество от тяжелого труда, но и от несовершенства общественной жизни (Skidelsky, 2023, p. 236). Но будет ли такое освобождение хотя бы в среднесрочном периоде безопасным и продуктивным в плане развития естественного интеллекта у людей?

2. Идеология и экономическая наука

В данной работе применяется трактовка идеологии в научной традиции Д. Норта как совокупность ментальных моделей, которые группы индивидов используют для понимания и преобразования окружающего мира (North, 1994, p. 363). Группы индивидов через ментальные модели объясняют предполагаемые и реальные связи между средствами и результатами для проведения политики, направленной на преобразование общества. Ключевое значение имеют группы индивидов (могут быть научные школы, политические организации) и их действия по установлению и продвижению предполагаемых или реальных связей между средствами и результатами (Вольчик, 2024, с. 28). Именно тот факт, что ментальные модели устойчиво воспроизводятся, наиболее важен для понимания влияния идеологии как на саму экономическую науку, так и на нормативные выводы, реализуемые через различного рода политику.

Феномену идеологии в науке скорее присуща негативная коннотация. Идеология часто используется как антоним научному знанию. По крайней мере, ученые иногда готовы признать влияние идеологии на научный процесс, но такое влияние ухудшает научные результаты. Такая точка зрения восходит к научному авторитету Й. Шумпетера, который констатировал невозможность совершенно элиминировать влияние идеологии. Согласно мнению ученого, идеология неустранима из науки, т. к. связана с донаучным когнитивным актом, когда у исследователя формируется «восприятие взаимосвязанных явлений, которые он намерен анализировать» (Шумпетер, 2012, с. 253).

В условиях, когда многие рутинные научные процедуры поддаются автоматизации с помощью ИИ, влияние идеологии как донаучного когнитивного акта увеличивается в контексте современных информационных технологий и возрастающей отдачи. Поэтому устойчивые системы ментальных моделей, которые становятся идеологиями, скорее всего, не потеряют своего значения в ближайшем будущем, т. к. они являются отправной точкой для создания объяснительных моделей и устойчивых паттернов поведения как в аналитическом, так и управленческом смыслах.

Также очень важно учитывать, что ИИ может приводить к ситуации «искусственного невежества» (Mirowski & Nik-Khah, 2017), когда создание новой информации и объяснительных моделей затрудняет создание нового полезного знания и способствует оправданию различного рода «отклонений» от «экономики нирваны», будь то увеличивающиеся монополизм, дискриминация или неравенство.

Феномен идеологии в экономической науке тесно связан с опасениями ненароком отойти от священного идеала научности. И это может приводить к добровольной сдаче позиций в пользу других, конкурирующих с экономикой общественных наук, например, как это происходит с экономической историей, которая сдает свои позиции в пользу исторической социологии (Тилли, 2019; Травин, 2022).

Отрицание идеологизированности у ученых-обществоведов имеет значительные исторические основания. Во-первых, у российских представителей социальных наук еще сильна память и сопутствующие нарративы о марксистко-ленинской идеологии, которая регламентировала и сдерживала развитие несоответствующих ей теорий научных школ. Во-вторых, существует предубеждение об идеологии как искусственно созданном феномене, существенно зависящем от политических интересов и партийной борьбы. Поэтому идеология противопоставляется настоящей науке, которая имеет дело с исследованием естественных и объективно существующих явлений. В-третьих, идеология ассоциируется с «плохой наукой», которая в свою очередь значительно уступает в своей ценности и действенности «хорошей науке», очищенной от идеологических искажений (Банерджи, Дюфло, 2021).

Однако негативное отношение идеологии и оттеснение ее за пределы «нормальной науки» само по себе может основываться на жестких идеологических основаниях. И здесь полезно опереться на точку зрения Й. Шумпетера о связи идеологии с донаучным когнитивным актом. Если следовать шумпетерианской логике, то выделение значимых явлений и базовых взаимосвязей в социально-экономическом мире базируются на существующих (чаще всего в неявном или неартикулируемом виде) ментальных моделях (когнитивных паттернах), которые используют исследователи.

В современной экономической науке преобладают отрицательные коннотации при использовании терминологии и теоретических концептов, связанных с идеологией. Это приводит к тому, что идеологическая окрашенность, связанная, в частности, с «донаучным когнитивным актом», не признается явно. Но непризнание в явной форме значения идеологии в экономической науке не элиминирует ее влияния на выбор тематики исследования, значимых теоретических рамок, переменных и особенностей моделирования экономических процессов. Парадоксально, действия представителей школ или направлений в экономической науке, которые декларируют идеологическую нейтральность, могут быть, по сути, определены как идеологически мотивированные. Хорошим примером может служить фактическое исключение во второй половине XX в. институциональных объяснений экономических явлений в рамках неоклассического направления в экономической науке (Mirowski, 1981, p. 600).

Экономисты периодически обращаются к истории экономики и экономической мысли, но два этих направления находятся на периферии современного мейнстрима. Причин такому положению дел несколько. Во-первых, современное российское экономическое образование, кроме нескольких столичных университетов, фактически лишено фундаментальных курсов по экономической истории

и истории экономических учений. Во-вторых, движение экономической теории к «естественнонаучному идеалу» не способствовало привлечению внимания исследователей к данным областям знания. В конечном итоге это приводит к ситуации, когда инерция советского и раннего постсоветского внимания к истории экономики и экономических учений постепенно затухает. Плохая осведомленность относительно исторической эволюции экономических теорий и идеологий может приводить к недооценке влияния идеологии на восприятие взаимосвязанных явлений, которые ученый намерен анализировать.

В истории экономической мысли есть немало примеров, когда использование той или иной идеологии происходит под прикрытием риторики о развитии неидеологизированных и «подлинно научных» подходов и теорий. В книге К. Фридмана о либеральном фундаментализме Чикагской школы показано, что два ее видных представителя, М. Фридман и Д. Стиглер, в своих работах руководствовались априорными идеологическими положениями об эффективности рынков и неэффективности государственного вмешательства, в контексте, по сути, идеологической борьбы с кейнсианством (Freedman, 2008).

Идеологическая нейтральность может лежать в основе убеждений ученых, но обратная позиция об идеологической ангажированности имеет похожие основания. Науку как процесс, а особенно общественные науки, сложно рассматривать в отрыве от социальных практик, институтов и политики. Поэтому позиция об идеологической нейтральности фактически препятствует исследованиям коллективных теоретических нарративов, которые связаны с теми или иными идеологическими убеждениями ученых. И выявление таких теоретических нарративов и убеждений позволяет в явной форме осуществлять дискуссии и исследования, которые способствуют пониманию, какие идеологические концепты явно или неявно использовались в «до-теоретических представлениях ученых экономистов» и влияли на восприятие базовых взаимосвязей явлений.

В современных социальных науках часто подчеркивается, что идеология выполняет функции «матрицы группового сознания», которая позволяет «остановить и зафиксировать ключевые смыслы «разбегающейся» политической вселенной» (Константинов, 2022, с. 91). Такой подход вполне применим и для экономической науки. Более того, в последнее время в политической науке возникла заслуживающая внимания точка зрения, что в условиях цифровизации и массовых коммуникаций неточность, искажения и упрощения стали нормой, что приводит к утрате различий в восприятии нюансов в политическом дискурсе (Freeden, 2018, p. 1). Идеология в этих процессах играет существенную роль, приобретая новые характеристики, например, связанные со скоростью реакции на возникновение тех или иных идей. В таких условиях скорость реакции на возникающие идеи становится важней их содержания. И здесь индивиды, политики и даже исследователи в целях экономии ресурсов на затратные когнитивные процессы руководствуются идеологическими паттернами (ментальными моделями) при осмыслении и структурировании социально-экономических фактов и реакции на них. В общественном дискурсе возникают квазиидеологии, которые М. Фриден назвал «идеолоноидами» (*ideolonoids*) — быстро сконструированными «поддельными» идеологиями, которые служат «для контроля над политическим языком и продвижения общественных и национальных целей» (Freeden, 2018, p. 2–3).

Предметом изучения идеологий в экономической науке является не только и не столько подтверждение тезиса о ненейтральности экономической теории и политики к идеологии. Даже если следовать шумпетерианской научной традиции, неустранимость идеологии из экономических исследований становится очевидной. Однако важнейшим вопросом в развитии тезиса об идеологической ненейтральности является определение важнейших идеологических течений и связанных с ними теоретических нарративов, которые влияют и проявляются к конкретным научным исследованиям в рамках экономической науки.

3. Разнообразие идеологических течений в российской экономической науке

Идеология в экономической науке влияет на то, как тот или иной ученый рассматривает базовые взаимосвязи явлений, которые в свою очередь отбираются через призму ментальных моделей. Также на идеологическую окрашенность научных исследований могут влиять ценностные установки ученых. В нашем исследовании мы основывались на базовых ценностях, воздействующих на формирование у исследователей «видения экономики при построении моделей» (Тамбовцев, 2024). В качестве гипотезы мы предложили выделить пять идеологий, которые в свою очередь базируются на ценностях (табл. 1).

Для машинного анализа идеологической окрашенности русскоязычных текстов научных статей по экономике экспертным методом были отобраны пять категорий: неолиберализм, дирижизм, социализм, особый путь и экологизм. Также была выделена группа статей с неопределенной идеологией. Анализ производился с помощью языка программирования Python и таких библиотек, как TensorFlow, Keras, PyTorch и Scikit-learn (Вольчик и др., 2024, с. 47).

Проверка гипотезы о существовании пяти идеологий нами осуществлялась путем машинного анализа текстов статей, опубликованных на русском языке в 165 ведущих научных журналах, согласно рейтингам Science Index (77 экономических, остальные по общественных наукам, публикующие экономические статьи) за 2008 и 2022 гг.[1] Совокупность журналов охватывает временной промежуток с 1992 г. по 2023 г. включительно. Из неэкономических журналов в выборку включались только научные публикации, относящиеся к экономической науке. Общий объем выборки составил 134124 научных публикаций, разбитых по годам.

Далее была проведена классификация экономических научных статей по признаку их идеологической окрашенности с помощью векторных представлений текстов (эмбеддингов), полученных при помощи модели SciRus-tiny, и нейронной сети LSTM, выступающей в качестве классификатора. Точность модели на кросс-валидации составила 77,45 %. Массив научных статей был классифицирован по идеологиям в следующих пропорциях (табл. 2): дирижизм — 29,86 %, экологизм — 18,85 %, особый путь — 16,60 %, неолиберализм — 14,53 %, социализм — 12,16 %. Нераспределенными осталось 8 % статей (Вольчик и др., 2024).

Формат и объем данной статьи не предусматривает детальный анализ выделенных идеологий в российской экономической науке, но необходимо кратко остановиться на проблеме исторической траектории и инерции идеологизированного мышления экономистов. Здесь надо учитывать, что в рамках нашей концепции использование понятия «идеологизированное мышление» не имеет отрицательных коннотаций. Мы основываемся на предпосылке, что фактически любая

[1] Более подробно о методике формирования и составе выборки см. (Вольчик и др., 2024).

Таблица 1

Экономические идеологии и их основные ценности

Table 1

Economic Ideologies and Their Core Values

Идеология (идеологический нарратив	Основная ценность / цель
Неолиберализм	Рыночная эффективность
Социализм	Равенство и справедливость
Дирижизм	Планирование, ведущее к благосостоянию
Особый путь	Национальная идентичность
Экологизм	Сохранение окружающей среды для потомков

Источник: сост. автором.

Таблица 2

Распределение статей по идеологиям

Table 2

Distribution of Articles by Ideology

Идеология	Количество статей	Доля, %
Неолиберализм	19489	14,53
Социализм	16312	12,16
Дирижизм	40045	29,86
Особый путь	22264	16,60
Экологизм	25283	18,85
Не определена	10731	8,00
Всего	134124	100

Источник: сост. автором в ходе машинного анализа текстов научных статей (Вольчик и др., 2024, с. 49).

теория и модель подвержены идеологическому влиянию, будь то первичный выбор анализируемых явлений и их взаимосвязей как до-теоретический когнитивный акт в шумпетерианской традиции или общие для научных групп и школ ментальные модели в традиции Д. Норта (North, 1994, p. 363). В условиях цифровизации, упрощения коммуникаций и всепроникающего искусственного интеллекта именно первичный выбор и формулировка исследовательских вопросов, связанные с «до-теоретическими представлениями ученых экономистов» (Тамбовцев, 2024, с. 20), приобретают особую значимость. Идеологические шаблоны благодаря возрастающей отдаче и положительным обратным связям могут получать значительное распространение и через эффект колеи (*path dependence*) влиять на исследовательскую повестку и даже научный суверенитет.

4. Идеология, общественный дискурс и искусственный интеллект

Экономическая идеология в условиях цифровизации и начинающегося повсеместного внедрения искусственного интеллекта становится важным фактором формирования фундаментального до-теоретического видения экономических процессов. И здесь важную роль играют главные и локальные нарративы, через которые исследователи формируют свое базовое понимание экономических взаимосвязей, например, в случае главного неолиберального нарратива (Jurgens, 2024). Если у исследователей существуют сильные идеологические убеждения, то поступающие новые факты, противоречащие таким убеждениям, могут приводить

к когнитивным искажениям, таким как эффект обратного действия (*backfire effect*). Эффект обратного действия проявляется, когда акторы получают информацию, противоречащую его убеждениям, но под ее действием, наоборот, только усиливают первоначальные убеждения (Maiese & Hanna, 2019, p. 300–303). Здесь в условиях всеобщей цифровизации научной и повседневной деятельности один раз сформированные сильные идеологические ментальные рамки, выполняя роль фильтра при составлении различного рода запросов, попадают в ситуации самоусиливающейся положительной обратной связи. Поэтому при неизбежном обращении к системам искусственного интеллекта проблема промпт-инжиниринга становится всё более значимой в цифровом обществе и экономике.

Влияние искусственного интеллекта на экономическую теорию находится в фокусе исследователей уже более 30 лет. Например, в 1994 г. была опубликована статья, в которой рассматривается будущее применение в экономическом анализе машинного обучения и нейросетей, которые позволят изучать поведение агентов в контексте эволюционных процессов и описывать сложные взаимодействия в децентрализованной экономике (Vriend, 1994). Можно предположить, что сама постановка теоретической проблемы была основана на либеральной идеологии и наряду с такой постановкой задачи искусственный интеллект также мог бы разработать модель, например, дирижистского варианта экономического развития. За тридцать лет мощность и возможности искусственного интеллекта увеличились многократно. Но одно осталось неизменным — сама постановка исследовательской проблемы и задач или до-теоретического видения ученых во многом зависит от их убеждений, ценностей и, следовательно, от идеологии.

Системы искусственного интеллекта хорошо интегрированы в деятельность различных экономических агентов (например, маркетплейсов, автоматизированной биржевой торговле), что, с одной стороны, создает значительные возможности в плане производительности, но с другой — угрозы, связанные с различного рода манипуляциями данными и созданием новых идентичностей (Parkes & Wellman, 2015). Таким образом, в экономике, наряду с *homo economicus*, возникает *machina economica*, т. е. новый вид участников экономических процессов со своей рациональностью (Wagner, 2020). Также в академической среде все большую роль играет ИИ, ориентированный на исследовательские задачи (например, Deep Research от OpenAI), и, возможно, в скором будущем его влияние будет усиливаться. Мы не можем уже игнорировать такое влияние и должны принять его за данность, которая значительно в ближайшем будущем изменит академическую среду и научный труд.

Идеология и ее распространение тесно связаны с проблемами формирования широкого общественного дискурса и использования определенных конструкций того или иного естественного языка. Использование определенных терминов, а также биграмм и триграмм могут служить определенными маркерами той или иной идеологии или идеологической окраски дискурса или текста. Очень важно учитывать, что идеология — это не просто набор идей, а также активный процесс формирования социальной реальности через общественный дискурс (Beetz et al., 2021).

Хорошим примером может служить общественный дискурс о глобализации, который имеет довольно сильную идеологическую окрашенность. В исследовании М. Ара хорошо показано, как тексты о глобализации конструируют или реконструируют и проводят два типа идеологии: нового капитализма и неолибера-

лизма: «Конструирование этих экономических идеологий проявляется через универсализацию операциональных убеждений и ценностей глобальной экономики. Эти фундаментальные ценности и убеждения прививаются через дискурсивные элементы: либерализация торговли, потоки капитала, глобальная конкуренция и сокращение государственного регулирования торговли, среди прочего» (Ar, 2015, p. 76). В данном контексте можно увидеть, что именно язык играет важную роль в формировании экономической реальности и поддержании неолиберального экономического порядка.

Поэтому при анализе идеологий надо учитывать, что они формируются и распространяются через дискурсивные практики, включая средства массовой информации и социальные сети, образование и науку, а также повседневное общение. В современной научной литературе можно найти три аспекта, связанных с исследованиями идеологий: социальный — связанный с коллективными действиями и группами интересов; когнитивный — отражающий важность убеждений и знаний; дискурсивный — выражение и конструирование идеологий происходит через язык и риторику (van Dijk, 2006). Поэтому идеологию необходимо рассматривать не только как политический феномен, но и как важный структурирующий фактор восприятия социального мира через язык и нарративы.

В условиях всепроникающей цифровизации распространение и навязывание нарративов и языковых конструкций могут использоваться в плане навязывания тех или иных идеологических конструкций в неявной форме. Благодаря широкому распространению искусственного интеллекта особое значение приобретают базовые политические и экономические идеи или убеждения, которые являются отправной точкой для создания различного рода информации и знания.

5. Распространение экономической идеологии и промпт-знание

В сфере политики социальные сети и используемые алгоритмы рекомендаций способствуют выхолащиванию сложных идеологий и продвижению упрошенных лозунгов. Скорость передачи информации становится доминирующей над качеством (Freeden, 2018). Время, которое приобретает все большую ценность в современном цифровом мире, или скорее необходимость его экономить создает сильные стимулы для поверхностного восприятия новых знаний. Это может быть верно и для сферы создания и эволюции экономических идей, теорий и моделей. Возникновение новых идей, а также быстрота обработки информации происходят в условиях, когда «категории скорости и ускорения, как и их связь с прогрессом, производительностью и эффективностью, не обеспечивают нас языком, подходящим для формулирования свежих идей о том, как мы могли бы использовать цифровую инфраструктуру» (Вайсман, 2019, с. 300). Эффективность и экономия времени также приводят к поверхностности в плане формирования новых знаний об обществе и смещению внимания к краткосрочным результатам (например, цитируемости) и власти всепроникающих метрик и показателей (Davies, 2015; Beer, 2016; Muller, 2018; Stephens & Gallagher, 2022).

Искусственный интеллект парадоксальным образом может способствовать усилению неолиберальной идеологии в контексте ее акцентов на свободные рынки, минимальное государственное вмешательство, индивидуализм и технократию. Замена экономического человека (homo economicus) машинным человеком (*machina-economicus*) вполне укладывается в идеологию алгоритмизированного

мира, ориентированного на технократические цели рациональности, эффективности и оптимизации (Daneke, 2020).

Алгоритмизация социальных процессов, включая сферу образования и науки, становится все более обычным явлением в современном цифровом мире. Все выделенные пять экономических идеологий так или иначе встраиваются в реалии цифровизации и искусственного интеллекта. Однако именно неолиберализм, как бы это ни показалось парадоксально, получил наибольший выигрыш как идеология, хотя его распространение носит все больше неявный характер. В основе неолиберальной идеологии, кроме веры во всепроникающую рыночную эффективность, лежат фундаментальные положения о том, что рынок является главным механизмом экономического и социального развития и практически любая сфера экономики и общества может быть подвергнута маркетизации.

Рыночный фундаментализм давно успешно вторгается в сферу проведения социальной политики и общественный сектор экономики. Основным механизмом продвижения неолиберальной политики в общественном секторе является широкое применение различных показателей эффективности, для определения направлений развития и контроля (Вольчик, 2018). И хотя экономистам давно известны закономерности, которые получили название «закона Гудхарта» (Goodhart, 1981) и «закона Кэмпбелла» (Campbell, 1979) и согласно которым применение показателей в социально-экономической политике неизбежно оказывает негативное влияние на регулируемые сферы и виды деятельности. В условиях цифровизации данных, которые можно собирать о деятельности любого учреждения, организации, работника, становится кратно больше. Издержки сбора данных снижаются, и это может вести как к положительным, так и отрицательным последствиям — все зависит от того, как используются данные для управления, координации и контроля.

Неолиберальная доктрина предполагает оптимизацию деятельности организаций, даже если отсутствуют объективные рыночные индикаторы их деятельности. В русле неолиберальной идеологии сформировалась и реализуется новое государственное управление (*New Public Management, NPM*), или менеджеризм. В практике менеджеризма управление на основе различных показателей или метрик получило повсеместное распространение. Акцент на измерениях и выполнении показателей не несет ничего плохого, если такие показатели являются результатом внутренних потребностей организаций и коллективов и тесно связаны с качеством и спецификой производственных и организационных процессов. Однако, когда показатели являются экзогенными, связанными с реализацией социально-экономической политики и назначаются дискреционно, тогда их достижение может приводить к смещению фокуса на краткосрочные цели, измеряемые виды деятельности, а также к намеренно оппортунистическому поведению в процессе работы на показатель (Вольчик и др., 2024).

Другим следствием проведения политики в духе неолиберальной идеологии стала усиливающаяся бюрократизация и засилие «бредовой работы» (Гребер, 2020), которая во многом связана с выполнением показателей, отчетностью и контролем. Возрастающая бюрократизация в ходе неолиберальных рыночных реформ позволила Д. Греберу сформулировать «железный закон либерализма»: «…всякая рыночная реформа, всякое правительственное вмешательство с целью уменьшить бюрократизм и стимулировать рыночные силы в конечном итоге приводят к увеличению общего объема регулирования, общего количества бумажной воло-

киты и общего числа бюрократов, которых привлекает на службу правительство» (Graeber, 2015, p. 11). Также интересным и сравнительно мало обсуждаемым следствием неолиберальной политики стало «перманентное реформирование» в общественном секторе, которое чаще всего ориентировано на сокращении затрат и усилении контроля (Lorenz, 2012). Непрерывное реформирование в стиле идеологии неолиберализма и ориентация на показатели в сфере образования негативно сказываются на уровне IQ учащихся и выпускников, например, в США в 2006–2018 гг. наблюдалось снижение IQ во всех группах населения (Тодд, 2024, с. 224).

Согласно нашему исследованию, дирижизм как идеология является наиболее распространенным в российской экономической науке за более чем 30 лет (1992–2023 гг.). Доля дирижизма равна 29,86 %, а если учитывать, что социализм (12,16 %) довольно близок, то их совокупная доля составляет 42,02 %. Этот результат можно объяснить специфической зависимостью от предшествующей траектории развития российской экономической науки. Переход к рынку (особенно на начальных этапах реформ) безусловно вызвал энтузиазм в рядах российских экономистов. Однако глубоко укоренившиеся знания марксистской политической экономии и практики социалистического хозяйственного порядка оказывали и оказывают значимое влияние на разные поколения российских экономистов. И хотя современные российские экономисты (видимо, памятуя о негативном советском опыте насаждения идеологии) довольно редко в явной форме формулируют свою идеологическую позицию, они чаще в неявной форме транслируют важные постулаты дирижизма. Наверно, одним из самых популярных образцов продвижения дирижизма в научном и общественном дискурсах стала публикация монографии «Кристалл роста к русскому экономическому чуду» (Галушка и др., 2021). При всех достоинствах и недостатках этой книги, она инициировала научные дискуссии и, как отмечают Г. Ханин и Д. Фомин: «Авторы исследовали не один аспект советского экономического развития, а целый ряд важнейших факторов в их взаимосвязи. К тому же не просто описали, а попытались теоретически осмыслить советский опыт… Хочется надеяться, что и сама книга, и огромный резонанс, который она вызвала в российских СМИ, подтолкнет российских экономистов к изучению советской экономики, которое становится очень актуальным в наше время: развитие российской экономики в постсоветский период во многом определялось именно состоянием советской экономики, и это влияние все еще сказывается и будет сказываться на нашем будущем» (Ханин, Фомин, 2022, с. 175). Поэтому представляется важным не только в явной форме идентифицировать экономическую идеологию тех или иных работ, но также творчески использовать и адаптировать важные теоретические концепты к анализу современных проблем. В этом контексте осмысление возможностей дирижизма и комплементарных ему различных форм организации рыночной экономики позволяет продвинуться в понимании, что существуют несколько вариантов успешной экономической модернизации, выходящих за рамки ее западного варианта (Weber, 2021; Попов, 2025).

Экономические идеологии неизбежно затрагивают проблему оптимизации использования ресурсов. Производство нового знания в цифровой экономике связано, кроме вопросов прямых затрат и выгод, еще и с возникновением значимых положительных внешних эффектов. Неолиберальная зацикленность на проблеме рыночной эффективности может сместить акценты с процессов формирования и использования полезного знания на технические задачи по оптимизации издержек.

В настоящее время вершиной эволюции цифровой экономики стали разнообразные экосистемы искусственного интеллекта. Редкость и дефицит знания, которые сопровождали эволюцию человечества на протяжении тысяч лет, претерпевают радикальную трансформацию. Знание начинает формироваться по запросам (промптам). Вот такое определение дает стандартный ИИ: «Промпт (*prompt*) — это текстовый запрос или инструкция, который пользователь задает искусственному интеллекту (ИИ) для получения желаемого результата. Промпт может быть вопросом, командой, описанием задачи или набором данных, на основе которых ИИ генерирует ответ, текст, изображение, код или другой контент». В связи с важностью составления правильных запросов для ИИ получил распространение промпт-инжиниринг как совокупность определенных навыков и направление обучения. Но самое интересное, что наряду с промпт-инжинирингом мы стали свидетелями формирования нового вида знания, которое по аналогии можно назвать промпт-знанием.

Промпт-знание представляет собой новое знание, которое возникает в результате взаимодействия человека и ИИ и которое может быть одновременно использовано и человеком, и искусственным интеллектом. Понятие промпт-знание похоже, но не идентично появившемуся в научной литературе термину, обозначающему технологию формирования запросов (*prompt knowledge*), который прежде всего связан с настройкой запросов для ИИ с учетом знаний предметной области (Prompt Tuning with Domain Knowledge (PTDK) (Sun et al., 2024). Промпт-знание в нашей трактовке отражает симбиоз человеческого и машинного интеллекта в эпоху генеративных технологий. Но самое опасное, что промпт-знание у человека может восприниматься в сильно редуцированном виде, лишь частично выходя за рамки запроса (промпта), а принцип экономии мыслительных усилий делает человека менее значимым как индивида, включая его в новые и еще не совсем понятные формы коллективного знания, которое, возможно, будет похоже на рассеянное или неявное знание. С одной стороны, промпт-знание открывает новые горизонты для науки, искусства, образования и других сфер, но с другой — создает значительные угрозы в плане потери важных навыков и мотивации к творческой, креативной, научной и другим подобным энергетически затратным видам человеческой деятельности.

6. Заключение

Исследования идеологий приобретают особую важность во времена цифровизации, искусственного интеллекта, промпт-инжиниринга и промпт-знания. Мы живем в то время, когда механизмы возрастающей отдачи с невиданными ранее темпами трансформируют общество и экономику.

Экономическая идеология имеет значение во многих аспектах современной исследовательской деятельности, но в данной статье подчеркивается шумпетерианский тезис о влиянии идеологии на выбор релевантного предмета исследований, до-теоретическое видение основных закономерностей в процессе донаучного когнитивного акта. Если ученый в явной форме не признает влияние той или иной экономической идеологии, это не значит, что он не использует идеологизированное видение в своей научной и образовательной деятельности.

В условиях цифрового общества в современной научной и образовательной деятельности искусственный интеллект становится важным инструментом, исполь-

зуемым для повышения производительности. Поэтому приобретают важность дискуссии о содержании экономических идеологий, которые влияют на восприятие научных проблем и постановку исследовательских вопросов. Знание содержания, основных постулатов и теоретических нарративов экономических идеологий помогает проследить возможные следствия от их явного или неявного использования для экономической теории и практики. Промпт-знание в контексте неизбежного расширения использования искусственного интеллекта в исследовательской деятельности и с учетом явного и неявного влияния экономических идеологий создает риски, связанные с возможным снижением когнитивной автономности и творческого потенциала людей в сфере образования и науки.

Список источников

Артур, Б. (2005). Возрастающая отдача и два мира бизнеса. *Экономический вестник Ростовского государственного университета, 3*(4), 7–19.

Артур, У. Б. (2015). Теория сложности в экономической науке: иные основы экономического мышления. *Terra Economicus, 13*(2), 15–37.

Балацкий, Е. В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 15*(4), 42–59. https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.3

Банерджи, А., Дюфло, Э. (2021). *Экономическая наука в тяжелые времена. Продуманные решения самых важных проблем современности.* Москва: Издательство Института Гайдара; Санкт-Петербург: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 624.

Вайсман, Дж. (2019). *Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме.* Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 304.

Вольчик, В. В. (2018). Восхождение метрик. *Terra Economicus, 16*(4), 6–16. https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-6-16

Вольчик, В. В. (2022). Фундаментальные условия инновационного развития экономики. *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики), 13*(2), 6–21. https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.2.006-021

Вольчик, В. В. (2024). Идеология и нарративная экономика. *Terra Economicus, 22*(3), 21–33. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-21-33

Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В., Марьян, П. А., Скрябин, М. В. (2024). Эмпирическое исследование идеологической составляющей в российской экономической науке. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований), 16*(4), 42–59. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.4.042-059

Вольчик, В. В., Цыганков, С. С., Маскаев, А. И. (2024). Политика нового менеджмента в государственном секторе как продолжение идеологии неолиберализма. *Управленец, 15*(6), 2–16.

Галушка, А., Ниязметов, А., Окулов, М. (2021). *Кристалл роста к русскому экономическому чуду.* Litres.

Гребер, Д. (2020). *Бредовая работа: Трактат о распространении бессмысленного труда.* Москва: Ад Маргинем Пресс, 440.

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2018). Мезоэкономика и экономика сложности: актуальный выход за пределы ортодоксии. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований), 10*(3), 6–17. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.006-017

Константинов, М. С. (2022). Когнитивный подход к исследованию политических идеологий. *Российский социально-гуманитарный журнал,* (4), 80–95.

Попов, В. В. (2025). *Китайская модель. Почему Китай отставал от Запада, а теперь его обгоняет.* Ереван: Издательство «Fortis Press», 392.

Тамбовцев, В. Л. (2024). Экономическая идеология: варианты пониманий и применения понятия. *Вопросы экономики,* (10), 5–27. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-10-5-27

Тилли, Ч. (2019). *От мобилизации к революции*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1527-3

Травин, Д. (2022). *Как государство богатеет. Путеводитель по исторической социологии*. Москва: Издательство Института Гайдара, 400.

Ханин, Г. И., Фомин, Д. А. (2022). Чему учит история сталинской экономики? *Мир России, 31* (3), 155–179. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-3-155-179

Шумпетер, Й. (2012). Наука и идеология. Под ред. Д. Хаусмана, *Философия экономики. Антология* (с. 247–264). Москва: Издательство Института Гайдара.

Ar, M. (2015). Language and ideology in texts on globalization: A critical discourse analysis. *International Journal of English Linguistics, 5* (2), 63.

Beer, D. (2016). *Metric Power*. Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/978-1-137-55649-3

Beetz, J., Herzog, B., & Maesse, J. (2021). Studying ideology and discourse as knowledge, power and material practices. *Journal of Multicultural Discourses, 16* (2), 103–106. https://doi.org/10.1080/17447143.2021.1895180

Campbell, D. T. (1979). Assessing the impact of planned social change. *Evaluation and Program Planning, 2* (1), 67–90. https://doi.org/10.1016/0149-7189(79)90048-x

Daneke, G. A. (2020). Machina-economicus or homo-complexicus: Artificial intelligence and the future of economics? *Real-World Economic Review,* (93), 18–39.

Davies, W. (2015). Spirits of neoliberalism: 'Competitiveness' and 'wellbeing' indicators as rival orders of worth. In R. Rottenburg, S. E. Merry, S.-J. Park and J. Mugler (Eds.), *The World of Indicators: The Making of Governmental Knowledge through Quantification* (pp. 283–306). Cambridge University Press. http://doi.org/10.1017/CBO9781316091265.011

Freeden, M. (2018). Loose talk costs... nothing. *Journal of Political Ideologies, 23* (1), 1–9. https://doi.org/10.1080/13569317.2018.1413825

Freedman, C. (2008). *Chicago fundamentalism: ideology and methodology in economics*. World Scientific.

Goodhart, C. (1981). Problems of Monetary Management: The U.K. Experience. In A. S. Courakis (Ed.), *Inflation, Depression, and Economic Policy in the West* (pp. 111–146). Rowman & Littlefield.

Graeber, D. (2015). *The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity and the Secret Joys of Bureaucracy*. Melville House.

Jurgens, A. (2024). Master Narratives: Ideology Embedded and Embodied. *Journal of Philosophy of Emotion, 6* (1), 20–28. https://doi.org/10.33497/2024.SUMMER.3

Lorenz, C. (2012). If You're So Smart, Why Are You under Surveillance? Universities, Neoliberalism and New Public Management. *Critical Inquiry, 38* (3), 599–629. https://doi.org/10.1086/664553

Maiese, M., & Hanna, R. (2019). *The mind-body politic*. Springer.

Mirowski, P. (1981). Is there a mathematical neoinstitutional economics? *Journal of Economic Issues, 15* (3), 593–613.

Mirowski, P., & Nik-Khah, E. (2017). *The Knowledge We Have Lost in Information: The history of information in modern economics*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190270056.001.0001

Muller, J. (2018). *The Tyranny of Metrics*. Princeton University Press. https://doi.org/10.23943/9781400889433

North, D. C. (1994). Economic performance through time. *American Economic Review, 84* (3), 359–368.

Parkes, D. C., & Wellman, M. P. (2015). Economic reasoning and artificial intelligence. *Science, 349* (6245), 267–272. https://doi.org/10.1126/science.aaa8403

Skidelsky, R. (2023). *The machine age: An idea, a history, a warning*. Random House.

Stephens, S., & Gallagher, P. (2022). Metrics, metrics, metrics: The emergence of technological universities in Ireland. *Quality Assurance in Education, 30* (1), 19–31. https://doi.org/10.1108/QAE-04-2021-0060

Sun, X., Zhang, K., Liu, Q., Bao, M., & Chen, Y. (2024). Harnessing domain insights: A prompt knowledge tuning method for aspect-based sentiment analysis. *Knowledge-Based Systems, 298,* 111975. https://doi.org/10.1016/j.knosys.2024.111975

van Dijk, T. A. (2006). Ideology and discourse analysis. *Journal of Political Ideologies, 11* (2), 115–140. https://doi.org/10.1080/13569310600687908

Vriend, N. J. (1994). Artificial intelligence and economic theory. *Many-agent simulation and artificial life, 1994,* 31–47.

Wagner, D. N. (2020). Economic patterns in a world with artificial intelligence. *Evolutionary and Institutional Economics Review, 17* (1), 111–131. https://doi.org/10.1007/s40844-019-00157-x

Weber, I. M. (2021). *How China escaped shock therapy: The market reform debate.* Routledge.

References

Ar, M. (2015). Language and ideology in texts on globalization: A critical discourse analysis. *International Journal of English Linguistics, 5* (2), 63.

Arthur, B. (2005). Increasing returns and two worlds of business. *Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta [Economic Herald of Rostov State University], 3* (4), 7–19. (In Russ.)

Arthur, W. B. (2015). Complexity economics: a different framework for economic thought. *Terra Economicus, 13* (2), 15–37. (In Russ.)

Balatsky, E. V. (2022). Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: Accumulation of global contradictions. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 15* (4), 42–59. https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.3 (In Russ.)

Banerjee, A., & Duflo, E. (2021). *Ekonomicheskaya nauka v tyazhelye vremena. Produmannye resheniya samykh vazhnykh problem sovremennosti [Good Economics for hard times: better answers to our biggest problems].* Moscow: The Gaidar Institute Publishing House; St. Petersburg: Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University. (In Russ.)

Beer, D. (2016). *Metric Power.* Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/978-1-137-55649-3

Beetz, J., Herzog, B., & Maesse, J. (2021). Studying ideology and discourse as knowledge, power and material practices. *Journal of Multicultural Discourses, 16* (2), 103–106. https://doi.org/10.1080/17447143.2021.1895180

Campbell, D. T. (1979). Assessing the impact of planned social change. *Evaluation and Program Planning, 2* (1), 67–90. https://doi.org/10.1016/0149-7189(79)90048-x

Daneke, G. A. (2020). Machina-economicus or homo-complexicus: Artificial intelligence and the future of economics? *Real-World Economic Review,* (93), 18–39.

Davies, W. (2015). Spirits of neoliberalism: 'Competitiveness' and 'wellbeing' indicators as rival orders of worth. In R. Rottenburg, S. E. Merry, S.-J. Park and J. Mugler (Eds.), *The World of Indicators: The Making of Governmental Knowledge through Quantification* (pp. 283–306). Cambridge University Press. http://doi.org/10.1017/CBO9781316091265.011

Freeden, M. (2018). Loose talk costs... nothing. *Journal of Political Ideologies, 23* (1), 1–9. https://doi.org/10.1080/13569317.2018.1413825

Freedman, C. (2008). *Chicago fundamentalism: ideology and methodology in economics.* World Scientific.

Galushka, A., Niyazmetov, A., & Okulov, M. (2021). *Kristall rosta k russkomu ekonomicheskomu chudu [Crystal of Growth: Towards the Russian Economic Miracle].* Litres. (In Russ.)

Goodhart, C. (1981). Problems of Monetary Management: The U.K. Experience. In A. S. Courakis (Ed.), *Inflation, Depression, and Economic Policy in the West* (pp. 111–146). Rowman & Littlefield.

Graeber, D. (2015). *The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity and the Secret Joys of Bureaucracy.* Melville House.

Graeber, D. (2020). *Bredovaya rabota: Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda [Bullshit jobs: A theory].* Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Jurgens, A. (2024). Master Narratives: Ideology Embedded and Embodied. *Journal of Philosophy of Emotion, 6* (1), 20–28. https://doi.org/10.33497/2024.SUMMER.3

Khanin, G. I., & Fomin, D. A. (2022). What does the history of the Stalinist economy teach? *Mir Rossii [Universe of Russia], 31* (3), 155–179. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-3-155-179 (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G. (2018). Mesoeconomics and Complexity Economics: Going Beyond the Limits of Economic Orthodoxy. *Journal of Institutional Studies, 10* (3), 6–17. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.006-017 (In Russ.)

Konstantinov, M. S. (2022). Cognitive approach in the study of political ideologies. *Rossiyskiy sotsial'no-gumanitarnyy zhurnal [Russian Social and Humanitarian Journal],* (4), 80–95. (In Russ.)

Lorenz, C. (2012). If You're So Smart, Why Are You under Surveillance? Universities, Neoliberalism and New Public Management. *Critical Inquiry, 38* (3), 599–629. https://doi.org/10.1086/664553

Maiese, M., & Hanna, R. (2019). *The mind-body politic*. Springer.

Mirowski, P. (1981). Is there a mathematical neoinstitutional economics? *Journal of Economic Issues, 15* (3), 593–613.

Mirowski, P., & Nik-Khah, E. (2017). *The Knowledge We Have Lost in Information: The history of information in modern economics*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190270056.001.0001

Muller, J. (2018). *The Tyranny of Metrics*. Princeton University Press. https://doi.org/10.23943/9781400889433

North, D. C. (1994). Economic performance through time. *American Economic Review, 84* (3), 359–368.

Parkes, D. C., & Wellman, M. P. (2015). Economic reasoning and artificial intelligence. *Science, 349* (6245), 267–272. https://doi.org/10.1126/science.aaa8403

Popov, V. V. (2025). *Kitayskaya model'. Pochemu Kitay otstaval ot Zapada, a teper' ego obgonyaet [The Chinese model: Why China Used to Lag Behind the West, but is now overtaking it]*. Yerevan: "Fortis Press Publ". (In Russ.)

Schumpeter, J. (2012). Science and ideology. In D. Hausman (Ed.), *Filosofiya ekonomiki. Antologiya [The Philosophy of Economics: An Anthology]* (pp. 247–264). Moscow: The Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.)

Skidelsky, R. (2023). *The machine age: An idea, a history, a warning*. Random House.

Stephens, S., & Gallagher, P. (2022). Metrics, metrics, metrics: The emergence of technological universities in Ireland. *Quality Assurance in Education, 30* (1), 19–31. https://doi.org/10.1108/QAE-04-2021-0060

Sun, X., Zhang, K., Liu, Q., Bao, M., & Chen, Y. (2024). Harnessing domain insights: A prompt knowledge tuning method for aspect-based sentiment analysis. *Knowledge-Based Systems, 298,* 111975. https://doi.org/10.1016/j.knosys.2024.111975

Tambovtsev, V. L. (2024). Economic ideology: Versions of the concept's acceptations and application. *Voprosy Ekonomiki,* (10), 5–27. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-10-5-27 (In Russ.)

Tilly, C. (2019). *Ot mobilizatsii k revolyutsii [From mobilization to revolution]*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1527-3 (In Russ.)

Travin, D. (2022). *Kak gosudarstvo bogateet. Putevoditel' po istoricheskoy sotsiologii [How the state gets rich: A guide to historical sociology]*. Moscow: The Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.)

van Dijk, T. A. (2006). Ideology and discourse analysis. *Journal of Political Ideologies, 11* (2), 115–140. https://doi.org/10.1080/13569310600687908

Volchik, V. V. (2018). The rise of metrics. *Terra Economicus, 16* (4), 6–16. https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-6-16 (In Russ.)

Volchik, V. V. (2022). Fundamental conditions for innovative development of the economy. *Journal of Economic Regulation, 13* (2), 6–21. https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.2.006-021 (In Russ.)

Volchik, V. V. (2024). Ideology and narrative economics. *Terra Economicus, 22* (3), 21–33. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-21-33 (In Russ.)

Volchik, V. V., Maslyukova, E. V., Marian, P. A., & Skryabin, M. V. (2024). An Empirical Study of the Ideological Component in Russian Economic Science. *Journal of Institutional Studies, 16* (4), 42–59. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.4.042-059 (In Russ.)

Volchik, V. V., Tsygankov, S. S., & Maskaev, A. I. (2024). New public management as an extension of neoliberal ideology. *Upravlenets [The Manager], 15* (6), 2–16. (In Russ.)

Vriend, N. J. (1994). Artificial intelligence and economic theory. *Many-agent simulation and artificial life, 1994,* 31–47.

Wagner, D. N. (2020). Economic patterns in a world with artificial intelligence. *Evolutionary and Institutional Economics Review, 17* (1), 111–131. https://doi.org/10.1007/s40844-019-00157-x

Wajcman, J. (2019). *Vremeni v obrez: uskorenie zhizni pri tsifrovom kapitalizme [Pressed for Time. The Acceleration of Life in Digital Capitalism].* Moscow: Delo Publ. (In Russ.)

Weber, I. M. (2021). *How China escaped shock therapy: The market reform debate.* Routledge.

Информация об авторе

Вольчик Вячеслав Витальевич — доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет; https://orcid.org/0000-0002-0027-3442; ResearcherID: K-7832-2012 (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42; e-mail: volchik@sfedu.ru).

About the author

Vyacheslav V. Volchik — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Southern Federal University; https://orcid.org/0000-0002-0027-3442; ResearcherID: K-7832-2012 (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: volchik@sfedu.ru).

Дата поступления рукописи: 10.01.2025.
Прошла рецензирование: 17.01.2025.
Принято решение о публикации: 28.01.2025.
Received: 10 Jan 2025.
Reviewed: 17 Jan 2025.
Accepted: 28 Jan 2025.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: НАПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.7
УДК 330
JEL O11, O43

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

От теории роста к теории развития: за пределами стационарных траекторий[1]

Дмитрий А. ВЕСЕЛОВ ✉
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Веселов, Д. А. (2025). От теории роста к теории развития: за пределами стационарных траекторий. *AlterEconomics, 22*(1), 83–102. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.7

Аннотация. В статье предложен обзор теоретических и эмпирических работ последних лет, проясняющих механизмы качественных изменений в экономике и обществе, которые создают условия для современного экономического роста. В фокусе данных работ эндогенный переход государства и общества от одной системы институтов и ценностей к другой, от стагнации к устойчивому развитию, от одного технологического уклада к иному, что выходит за пределы базовых моделей экономического роста, фокусирующихся на периоде XX–XXI веков и сводящихся к исследованию траектории сбалансированного роста. Особенностью рассматриваемых работ является использование уникальных данных: археологических, исторических, биогеографических, позволяющих уточнить детерминанты долгосрочного экономического развития. Данный обзор фокусируется на доиндустриальной эпохе и показывает взаимосвязь между особенностями развития того времени и современными результатами; в нем показано сходство между доиндустриальными и современными источниками экономического роста. Обсуждение начинается с наиболее ранней эпохи развития человеческих сообществ, включая период неолитической революции и формирования ранних государств. Описывается роль институциональных, образовательных, культурных факторов при возникновении первой промышленной революции и эпохи современного роста. Представлен класс новых моделей, обосновывающих формирование институтов и культурных черт, поощряющих рост, а также демонтаж институтов, блокирующих развитие. Исторические примеры, обсуждаемые в работе, включающие развитие итальянских городов-государств, расцвет и закат гильдий в Европе, долгую дивергенцию между странами Европы и исламским миром, могут быть использованы в курсе по теории развития, учитывающем не только количественное приращение факторов производства, но и качественные изменения, происходящие в экономике и обществе.

Ключевые слова: теория роста, раннее развитие, институциональные изменения, неолитическая революция, фундаментальные факторы роста

Благодарность: Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Автор благодарит Е. В. Балацкого и анонимных рецензентов за ценные замечания по работе.

[1] © Веселов Д. А. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

From Growth Theory to Development Theory: Beyond Stationary Trajectories

Dmitry A. VESELOV ✉
National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation

For citation: Veselov, D. A. (2025). From Growth Theory to Development Theory: Beyond Stationary Trajectories. *AlterEconomics, 22*(1), 83–102. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.7

Abstract. This article provides an overview of recent theoretical and empirical research clarifying the mechanisms of qualitative transformations in the economy and society that create conditions for modern economic growth. The focus is on the endogenous transition of states and societies from one system of institutions and values to another, from stagnation to sustainable development, and from one technological paradigm to another — going beyond the fundamental models of economic growth, which center on the 20th-21st centuries and primarily examine balanced growth trajectories. A distinctive feature of the reviewed studies is their use of unique datasets, including archaeological, historical, and biogeographical data, which refine the determinants of long-term economic development. This review focuses on the pre-industrial era and explores the connections between its developmental features and modern economic outcomes. It highlights the similarities between pre-industrial and contemporary sources of economic growth. The discussion begins with the earliest stages of human societal development, including the Neolithic Revolution and the formation of early states. It also examines the role of institutional, educational, and cultural factors in the emergence of the first industrial revolution and the modern growth era. A new class of models is introduced to explain how institutions and cultural traits that promote growth are formed, while those that hinder development are dismantled. The historical examples discussed –such as the development of Italian city-states, the rise and fall of guilds in Europe, and the long divergence between European and Islamic economies — can be incorporated into development theory courses. These examples highlight not only the quantitative growth of production factors but also the qualitative changes in the economy and society.

Keywords: growth theory, early development, institutional change, Neolithic Revolution, fundamental factors of growth

Acknowledgments: This article was prepared as part of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE University). The author expresses sincere thanks E. V. Balatsky and the anonymous reviewers for the valuable comments.

1. Введение

Теория роста объединяет целый класс моделей, обосновывающих существование траектории сбалансированного роста — состояния экономики, при котором основные макроэкономические переменные (выпуск, капитал, потребление) растут с постоянными и одинаковыми темпами. Траектория сбалансированного роста играет ключевую роль при объяснении набора стилизованных фактов о долгосрочной экономической динамике развитых стран мира в XX в. Долгосрочные темпы экономического роста США, Великобритании, Франции и других развитых стран оставались относительно устойчивыми на протяжении последних 120–150 лет (Jones, 2016), что в целом характеризует период современного роста (*modern growth regime*).

В последние годы на английском, а также на русском языках изданы замечательные учебники по теории роста (Acemoglu, 2008; Jones & Vollrath, 2013; Aghion & Howitt, 2008; Ashraf & Weil, 2024). Они покрывают ключевые темы как бакалаврского, так и магистерского уровня, составляющих основу современной макроэкономики. Вместе с тем на данный момент курсы теории роста не уделяют значительного внимания классу моделей, объясняющих качественные изменения в макро-

экономической системе. Если смотреть на теорию роста более широко, то именно качественные изменения в экономике и обществе привели к эпохе устойчивого роста, на изучении которой сосредоточено большинство моделей, таких как модель Солоу-Свана, модель Рамсея-Касса-Купманса, модель перекрывающихся поколений, модель Ромера и др.

Данная статья предлагает обзор работ в области теории роста и развития последних лет, предлагающих новый методологический подход к пониманию проблем развития. В фокусе данных работ эндогенный переход государства и общества от одной системы институтов к другой, от стагнации к устойчивому развитию, от одного технологического уклада к иному, от отсутствия формального образования к его появлению и т. д.

Недавние монографии лауреатов нобелевской премии по экономике Д. Аджемоглу и Д. Робинсона (2012, 2021)[1], а также О. Галора (2022), М. Коямы и Дж. Рубина (2024) позволяют проследить влияние географических, институциональных и культурных факторов на долгосрочное экономическое развитие. Настоящий обзор дополняет данную литературу, фокусируясь на теоретических и эмпирических моделях, описывающих изменения в экономике и обществе до первой промышленной революции. Принципиальным отличием этих моделей является то, что экономический рост в них вызван не только поступательным приращением факторов производства или технологий, но и качественными изменениями в экономической системе. Для удобства изложения в данной статье мы воспользуемся хронологическим порядком изменений в экономике и обществе, чтобы проследить вклад современных экономических исследований в наше понимание глубоких источников роста. Более того, при изучении данного вопроса нам потребуется также опираться на работы историков, антропологов и представителей других социальных наук.

В русскоязычной литературе представлен ряд работ, прослеживающих пути к общей теории социального развития (Балацкий, 2019; 2021; Веселов, Яркин, 2022; Натхов, Полищук, 2017; Полтерович, 2018). В данной статье мы вносим вклад в эту область, предлагая обзор работ по глубоким факторам развития Европы и мира. Многие из изложенных в данной работе моделей и концепций являются сравнительно новыми, предложенными лишь в последние годы, кроме того, они фокусируются на процессах в экономике и обществе, происходящих в далеком прошлом. Особенностью этих исследований является использование уникальных данных: археологических, исторических, биогеографических и т. д. вкупе с экономическими методами, такими как построение динамических оптимизационных моделей, теоретико-игровых моделей и проведение эконометрических исследований.

Второй раздел статьи посвящен влиянию когнитивной и неолитической революции, а также формирования первых государств на долгосрочное экономическое развитие регионов мира, а также механизмам воздействия ранних факторов на современные показатели развития. Третий раздел фокусируется на успехах и провалах доиндустриального развития, подчеркивая роль фундаментальных факто-

[1] Лауреатами нобелевской премии по экономике 2024 г. стали Д. Аджемоглу, С. Джонсон и Дж. Робинсон за исследование формирования экономических и политических институтов и их влияния на рост и благосостояние. Помимо книг (Аджемоглу, Робинсон, 2012; 2021; Аджемоглу, Джонсон, 2024) и научных статей, на русском языке существуют замечательные обзоры результатов Аджемоглу, Джонсона и Робинсона (Натхов, Полищук, 2017; Егоров, 2025).

ров, таких как институциональная система, накопление человеческого капитала, культурные особенности в создании условий для феномена устойчивого экономического роста. В заключении формулируются основные уроки и дидактические ключи для курса по макроэкономике развития.

2. Ранние факторы развития и их влияние на долгосрочный экономический рост

Изучение проблем развития человеческого общества логично начать с периода появления современного человеческого вида (человека разумного, Sapience) на нашей планете. В качестве мыслительного эксперимента можно представить себе циферблат, отсчитывающий время от момента появления первого человека разумного (0 часов 0 минут) до настоящего момента (12 часов ровно). Неизвестно точной даты появления Сапиенса в Восточной Африке, но большинство исследователей сходятся в том, что это произошло около 150–200 тыс. лет назад. Возьмем за точку отсчета 200 тыс. лет (0 часов 0 минут). Большую часть времени Сапиенс занимал лишь определенную территорию в Юго-Восточной Африке, не распространяясь за его пределы, что характерно и для других живых видов. В период 70 тыс. до нашей эры предок современного человека перебрался в Аравию (Харари, 2022; Галор, 2022), а в течение последующих 60 тыс. лет распространился по всей земле.

Одним из наиболее значимых событий в истории человечества раннего периода времени является неолитическая революция, переход к производству продовольствия и выращиванию скота, также сопровождавшаяся переходом к оседлому образу жизни. Неолитическая революция происходит впервые на территории «плодородного полумесяца», расположенной между Средиземным морем и Персидским заливом (на территории современной Турции, Египта, Израиля, Сирии, Ирака) 10–12 тыс. лет назад. На гипотетическом циферблате момент неолитической революции происходит в 11 часов 24 минуты.

До неолитической революции жизнь человеческого общества проходила в период палеолита, общество состояло из малых групп охотников-собирателей, обыкновенно не превышающих 30–50 чел. Малое число людей определялось ограниченностью доступных природных ресурсов и возможностей прокормить себя. Даже до неолитической революции существовали некоторые элементы неравенства и иерархии, однако они не могли быть значительными в связи с отсутствием прибавочного продукта, готового к перераспределению.

Были ли некоторые события палеолита, которые существенно повлияли на дальнейшее развитие общества, а также на современную дифференциацию наций по доходам? Археологические исследования позволяют зафиксировать значимые события преистории, которые в целом являются связанными. Это распространение нашего человеческого вида по планете, появление первых памятников культуры и исчезновение многих (а в некоторых местах практически всех) видов крупных животных в регионах, заселенных человеком (Австралия, Северная и Южная Америка).

Эти события связаны друг с другом, в т. ч. потому, что они происходят под влиянием когнитивной революции, появления у человека умения мыслить абстрактно и создания новых форм коммуникации. Именно способность создавать истории и осуществлять коллективные действия, придумывать новое позволила Сапиенсам быть первым видом, самостоятельно распространившимся по всей планете (за исключением Антарктиды и отдаленных островов). Согласно современным исследованиям, 45000 лет назад человек пришел в Австралию, а 16000–12000 лет назад, по-

сле отступления ледника, заселил Северную и Южную Америки (Becerra-Valdivia & Higham, 2020).

Распространение по планете вследствие любознательности и поиска новых и новых ресурсов для существования, сопровождающееся расширением популяции, было в некоторой степени экзогенным процессом, т. к. происходило по заданным географическими условиями маршрутам. К. Ашраф и О. Галор (Ashraf & Galor, 2013) используют факт экзогенного распространения человека по планете 70–12 тыс. лет назад для поиска взаимосвязи между разнообразием внутри человеческой общества и экономическим процветанием. Каждая следующая группа поселенцев несет в себе меньше социального и культурного разнообразия, чем исходная группа их среды обитания. В этом состоит серийный эффект основателя (*serial founder effect*). В то же время социальное и культурное разнообразие в свою очередь оказывает немонотонное влияние на уровень экономического развития. О. Галор (Galor, 2022) приводит яркий пример США середины XX в., в которых смешение разных культурных и этнических групп привело к большому прогрессу в музыке, литературе, науке и технологиях и в то же время сопровождалось значительными конфликтами на этнической и расовой почве.

Используя расстояние миграции от Восточной Африки как экзогенный предиктор разнообразия внутри общества, К. Ашраф с соавторами (Ashraf et al., 2021) показывают значимое влияние расселения человека по планете на исторические и современные уровни развития. Так, наибольший успех (при контроле на экзогенные биогеографические и иные факторы) приносит именно промежуточный уровень разнообразия. Страны, характеризующиеся промежуточным значением индекса разнообразия, обладали более высокой плотностью населения в доиндустриальную эпоху, более высоким уровнем урбанизации в начале XVI в. и более значительным доходом на душу населения и уровнем освещенности[1] (*luminocity index*) в современный период.

К. Ашраф и соавторы (Ashraf et al., 2021) рассматривают сравнительное влияние фундаментальных факторов на современный уровень развития в 129 странах мира, для которых доступны необходимые данные. Зависимой переменной выступает логарифм доходов на душу населения в 2010–2018 гг. Тестируется гипотеза о влиянии таких факторов, как исторически сформированное разнообразие внутри человеческих сообществ (основная переменная), а также большой набор других факторов, включая географические факторы (широта, плодородие почв, доступ к рекам и побережьям, тропический климат), исторические факторы (время, прошедшее со времен неолитической революции в данном регионе), экологические факторы (риск малярии), культурное разнообразие (доля людей, исповедующих основные религии) и политэкономические факторы (степень ограничений исполнительной власти). Эконометрическая модель позволяет оценить вклад каждого из факторов в различия в доходах на душу населения. Объясняющая способность разнообразия внутри общества составляет от 16 % до 26 % остаточной вариации в доходах на душу населения, что свидетельствует о том, что ранние факторы развития существенно влияют на современные различия в доходах на душу населения между странами.

[1] Уровень ночной освещенности (luminocity index), измеряющий интенсивность ночного освещения территории по данным космических спутников, позволяет дать альтернативную оценку уровню развития регионов (без привязки к государственным границам и возможностям официальной статистики).

Важнейшим следствием распространения человека по планете стало значительное разнообразие биогеографических факторов, с которыми ему пришлось сталкиваться. Именно это позволяет рассматривать распространение человека как квазиестественный эксперимент, приводящий к разным долгосрочным последствиям для сложных иерархических сообществ или новых технологий. Дж. Даймонд одним из первых ставит вопрос о причинах различной скорости развития отдельных регионов и континентов (Даймонд, 2016). Разная скорость перехода к земледелию и скотоводству повлияла на момент формирования сложных иерархических обществ (государств), которые в свою очередь также определили возможность для развитого разделения труда, распространения знаний и технологий, и технологического доминирования. Теория Даймонда предполагает, что возможность перехода к сельскому хозяйству обусловлена 1) доступом к потенциально одомашниваемым видам растений и животных, способных к интенсивному сельскохозяйственному производству, 2) возможности заимствовать технологии, обусловленной географической близостью и схожими природными условиями.

Диаграммы 1 (а, б) предлагаются нами впервые в данной работе для иллюстрации различия во времени неолитической революции для двух регионов. Возрастающий характер производительности в земледелии связан с эффектами обучения опытом и создания, распространения технологий, в то время как убывающая во времени производительность в секторе охоты и собирательства может быть связано с истощением природных ресурсов. В регионе А, Ближний Восток, возможности для охоты и собирательства 12000–10000 лет назад были подорваны климатическими изменениями, в то время как основные дикие культуры, пригодные для земледелия (ячмень, пшеница) были доступны. В регионе В, Северная Америка, ресурсы для охоты и собирательства оставались в изобилии. В результате в Северной Америке неолитическая революция происходит на 5 тыс. лет позже, чем в плодородном полумесяце. Приведенный пример соответствует, на наш взгляд, первому в истории случаю «ресурсного проклятья». Изобилие ресурсов, пригодных для охоты и собирательства, может вызвать существенное отставание в развитии в будущем. Другой пример связан с отсутствием растений и животных, пригодных для одомашнивания (рис. 1б). В этом случае переход к земледелию также замедлен, что характерно и для Северной Америки, где единственной злаковой культурой, пригодной для одомашнивания, являлась лишь кукуруза.

Неолитическая революция приводит ко многим негативным последствиям, с которыми человечество вынуждено справляться до сих пор. Возросшая плотность населения уже не позволяет использовать технологии охоты и собирательства и вынуждает на ранних этапах полагаться на монокультуру, будь то ячмень, пшеницу или рис, что уменьшает разнообразие рациона и подвергает общество опасности голода. Появление прибавочного продукта и оседлый образ жизни поощряют распространение войн, а высокая плотность населения в деревнях и затем городах и тесный контакт с одомашненными животными вызывают риски эпидемий. Несмотря на эти напасти, неолитическая революция открывает дверь к увеличению сложности сообществ и повышению плотности населения. Так, 5500 лет назад в столице Шумера, Уруке, обитало до 50 тыс. чел., что немыслимо для предыдущего палеолитического уклада (Хейвуд, 2009). Именно там и появляется первая письменность, содействуя революции в общественном устройстве.

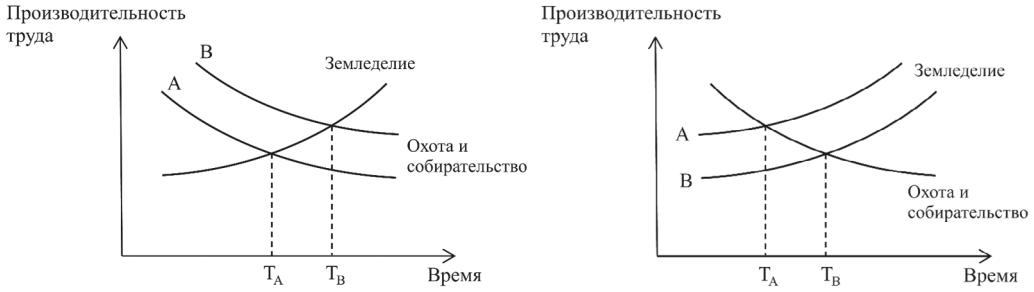

Рис. 1. *Момент неолитической революции (источник: сост. автором)*
Fig. 1. *The Moment of the Neolithic Revolution*

Примечание: на рисунке 1а представлен случай первого в истории «ресурсного проклятья». Обилие источников для охоты и собирательства откладывает момент неолитической революции. На рисунке 1б отсутствие растений, пригодных для одомашнивания, или же их низкая пищевая ценность замедляют переход к земледелию. T_A, T_B отражают момент перехода к земледелию для региона A и B.

Неолитическая революция является необходимым, но недостаточным условием для появления сложных иерархических обществ с высоким уровнем неравенства. Именно возникновение городов и государств позволило расширить уровень специализации и привело к ускорению технического прогресса. Ранние теории о формировании государства, включая теории А. Смита и Ф. Энгельса, подчеркивают, что появление прибавочного продукта (излишков, превышающий уровень выживаемости) и необходимости его защищать привело к формированию первых государств. В то же время на планете были целые регионы с высокой производительностью сельского хозяйства и длительным отсутствием государства. Так, например, К.Ю. Еськов[1] подчеркивает, что страны Америки имели преимущества в производстве клубневых и корнеплодах (картофель, тропическая маниока), в то время как Дж. Скотт (Scott, 2017) отмечает, что ни одно из классических государств не было основано на корнеплодах.

Дж. Майшар и соавторы (Mayshar et al., 2002) используют данные о периоде формирования сложных иерархических сообществ по всему миру из этнографического атласа Дж. Мердока (Murdock, 1967), объединяя их с данными о распределении родственников одомашненных растений, производительности земель, локациями древних городов, для проверки уточненной теории формирования государства. Согласно их теоретической модели, возможность изъятия продукта (*appropriability*) имеет значение. При производстве корнеплодов, которые невозможно хранить (они быстро портятся), требующих тщательной обработки для потребления, государство не возникает. Их основной вывод заключается в том, что именно производство зерновых имеет прямое значимое воздействие на вероятность формирования сложных иерархий и государств.

Другой подход к вопросу создания государств связан с решением проблемы коллективных действий. Р. Аллен и соавторы (Allen et al., 2023) используют данные за период 3900–2700 лет до н. э. о всех известных на данный момент государственных образованиях на территории Южного Ирака, представляющих Шумеро-Аккадскую цивилизацию. Ключевой особенностью Тигра и Ефрата, двух основ-

[1] Еськов, К. Ю. (2010). Карандашные пометки биолога на полях книги Джареда Даймонда «Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ». *Троицкий вариант,* (11), 10–11.

ных рек Месопотамии, была возможность бурных разливов и резкого изменения русла реки, что также приводило к серьезным наводнениям. Р. Аллен и соавторы (Allen et al., 2023) используют первое известное событие о смене русла рек 2850 лет до н. э. как квазиестественный эксперимент, а также сравнивают момент создания первых государств в местности, подвергшейся и не подвергшейся изменениям. Используя метод разности в разностях (*difference in difference*), они показывают, что в местности, от которой река отодвинулась, становится более вероятно возникновение государства, строительство ирригационных сооружений и возведения стен и других строений[1]. При отдалении реки возникает спрос на сложные ирригационные сооружения, что поощряет к созданию государства, обеспечивающего строительство каналов. Это эмпирическое исследование подчеркивает роль возникновения первых государств как решения координационной проблемы в обществе, в отличие от стандартной теории возникновения государства как инструмента изъятия прибавочного продукта.

Ведет ли раннее возникновение государства к преимуществам в современный период? На диаграмме 2 представлены регионы, где существовали государства в период 500 лет до н. э. Многие из этих стран сегодня, такие как Ирак, Египет или Сирия, не являются странами с наиболее высоким уровнем доходов на душу населения. Н. Лагерлоф предлагает оригинальную модель, объясняющую немонотонную взаимосвязь между моментом возникновения государства и уровнем развития сегодня (Lagerlöf, 2016). Он выделяет три режима: в случае отсутствия государства вследствие проблем с координацией усилий и проблемы безбилетника общественные блага недофинансируются. При демократическом режиме правления все социальные группы участвуют в финансировании общественных благ, в авторитарных режимах одна из групп получает преимущества за счет других (см. также (Аджемоглу, Робинсон, 2015; Натхов, Полищук, 2017)). В случае, если преимущества одной из групп имеют свойство усиливаться во времени (благодаря неравномерному перераспределению, усилению силы авторитаризма или закреплению в обществе социальных и культурных норм, поддерживающих политическое неравенство), раннее формирование государства может привести к более устойчивой форме авторитаризма. Тогда демократические реформы XIX–XX вв. могут оказаться менее реализуемыми для стран, имеющих более длительный опыт авторитарной формы правления. Н. Лагерлоф отмечает как в теоретической модели, так и при анализе эмпирических данных, что наибольших успехов в экономике достигли страны, которые сформировали государства не слишком рано.

Одним из возможных механизмов влияния раннего развития наций на современные экономические показатели является формирование культуры под воздействием биогеографических факторов. Современные исследования определяют культуру как набор ценностей, верований и норм, которые способны передаваться из поколения в поколения (Boyd & Richerson, 1985; Nunn, 2021). Многие из работ подчеркивают взаимосвязь между ранним периодом становления общества и современным культурным портретом общества. Такие поощряющие рост ценности, как доверие к другим людям, длительный горизонт планирова-

[1] Единицей измерения в исследовании (Allen et al., 2023) является квадратная территория, площадью 25 кв. км (клетка), авторы собирают информацию о 1,374 таких клеток между Тигром и Ефратом и между Багдадом и современной Басрой.

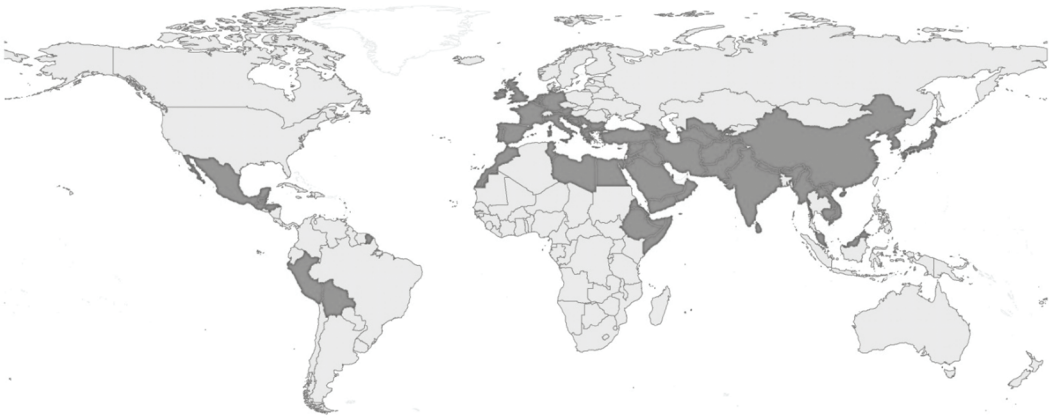

Рис. 2. *Страны, на территории которых существовали ранние государства (500 лет до нашей эры) (источник: Mayshar et al., 2022)*
Fig. 2. *Countries Where Early States Existed (500 BCE)*

ния, равноправие мужчин и женщин[1], были сформированы лишь в определенных исторических условиях. А. Алесина и соавторы (Alesina et al., 2013) предлагают эмпирический тест для гипотезы Э. Бозерап (Boserup, 1970), согласно которой в обществах, использующих традиционно плуг в сельском хозяйств, социальное положение мужчин остается более значительным. Ученые (Alesina et al., 2013) используют данные всемирного исследования ценностей (*World Value Survey*), а также объективные показатели, такие как уровень участия в рабочей силе для женщин, для оценки влияния ранних факторов. Они показывают, что в обществах, традиционно использующих плуг, большее количество респондентов дает ответы, подчеркивающие неравенство между мужчинами и женщинами. О. Галор и О. Озак (Galor & Özak, 2016) определяют роль биогеографических факторов при формирования более длительных горизонтов планирования: в обществах, где вложение в земледелие дает больший выигрыш, культурные черты, связанные с терпеливостью и усердием, получили большее распространение.

Несмотря на то, что подобные работы говорят о существенной устойчивости культурных паттернов в обществе, они не свидетельствуют о невозможности культурных изменений. Значительные культурные изменения происходили в эпоху протестантской реформации в Европе, первой промышленной революции, формирования современного государства, финансирующего общественные блага, в условиях плановой экономики. П. Джиулиано и Н. Нанн (Giuliano & Nunn, 2021) проверяют гипотезу, согласно которой устойчивость окружающей среды приводит к устойчивости социальных норм в обществе. Они используют палеоклиматические данные, представленные в работе М. Манна и др. (Mann et al., 2009), оценива-

[1] Вопросу воздействия культурных факторов на экономическое развитие посвящена отдельная литература. Так, в работе (Algan & Cahuc, 2010) используются данные об уровне доверия к другим людям потомков иммигрантов в США для оценки прямого воздействия доверия на экономическое развитие стран мира в 1935–2000 гг. Они показывают, что различия в уровне доверия объясняют значительную часть различий в уровне доходов между странами. В работе (Doepke & Zilibotti, 2008, 2014) подчеркивается роль склонности к риску и предпринимательских талантов в формировании условий для промышленной революции. М. Хазан с соавторами (Hazan et al., 2019) показывают, что расширение прав наследования для женщин в отдельных штатах США XIX в. увеличило возможности для инвестирования и привело к большим темпам индустриализации.

ющие среднюю температуру в микрорегионах планеты (клетки 1/2 градуса на 1/2 градуса) с 500 н. э. по 1900-е гг. П. Джиулиано и Н. Нанн (Giuliano & Nunn, 2021) выявляют следующую закономерность, что в обществах, сталкивающихся с большими колебаниями температурного режима, респонденты WVS отмечали меньшую значимость традиций. Кроме того, иммигранты в США, которые являются представителями народов, проживающих в условиях больших колебаний температурного режима, быстрее изучали английский язык и реже вступали в брак с представителями своего же народа.

Модели культурной трансмиссии показывают, что, если какая-либо из культурных черт становится более привлекательной с точки зрения выживаемости и процветания, она получает большее распространение в обществе (Galor & Moav, 2002; Doepke & Zilibotti, 2008; Besley, 2020; Nunn, 2021). Это создает условия для одновременной трансформации институциональной и культурной среды в более благоприятную для устойчивого роста[1].

3. Источники доиндустриального роста

Единая теория роста О. Галора и Д. Уайла позволяет проследить движение общества от мальтузианской стагнации к эпохе современного роста[2]. Согласно модели Галора-Уайла (Galor & Weil, 2000; Galor, 2011), ускорение технического прогресса ведет к росту спроса на формальное образование, что в свою очередь еще более ускоряет технический прогресс. В то же время современные исследования обращают внимание на длительный процесс формирования условий для промышленной революции. В третьем разделе мы сфокусируемся на источниках возникновения промышленной революции в Европе, которая была следствием качественных изменений в экономике и обществе как минимум в период X–XVIII вв.

Дж. Мокир и др. (Mokyr et al., 2022) обнаруживают тесную взаимосвязь между расположением водяных мельниц на территории Англии в XI в. и географией первой промышленной революции. Водяные мельницы нуждались в технологическом обслуживании, что означало наличие класса мастеров (*millwrights*), опыт и знания которых передавались из поколения в поколение. Авторы используют данные «Книги судного дня» (*Doomsday book*) о расположении водяных мельниц в качестве экзогенного параметра, влияющего на распределение квалифицированных технических работников, а также большое количество географических контро-

[1] Примером подобной трансформации является рост налоговой ответственности граждан и ответственности государства за предоставление общественных благ в XIX–XX вв. в наиболее развитых странах мира. Т. Бесли (Besley, 2020) предлагает теоретическую модель взаимосвязи гражданской культуры и способности государства предоставлять общественные блага, в которой начальные условия ведут к множественному равновесию. Ответственность государства при финансировании общественных благ ведет к большим выигрышам для граждан, настроенных платить налоги (civic-minded individuals), что приводит к распространению культуры оплаты налогов и формирует фискальные возможности государства. Другое равновесие предполагает обратное: низкая ответственность государства при финансировании общественных благ приводит к большей доли агентов материалистов, избегающих платить налоги, что угнетает фискальные возможности.

[2] Мальтузианская стагнация предполагает положительную взаимосвязь между уровнем технологий и численностью населения и отсутствие взаимосвязи между уровнем технологий и уровнем доходов на душу населения. Теоретическое и эмпирическое моделирование перехода к современному экономическому росту в России до сих пор остается не полностью изученной темой. О существующей границы знаний в этой области см., например, работу (Диденко, 2024).

лей, чтобы убедиться в том, что нет прочих факторов, влияющих как на расположение водяных мельниц в XI в., так и на географию промышленной революции. Расположение мельниц положительно влияет как на количество учеников мастеров в XIX в., так и на расположение текстильных предприятий.

Передача мастерства требует также специальных институтов. Д. де ла Круа и соавторы (De la Croix et al., 2018) предлагают теоретическую модель, описывающую роль гильдий в экономическом развитии Европы. Обыкновенно гильдии рассматриваются как институт, препятствующий развитию вследствие монополизации рынков и стремления блокировать инновации (Desmet & Parente, 2014). В модели Д. де ла Круа гильдии позволяют решить проблему морального риска при передаче знаний от мастера ученику, а также упростить возможность распространения знаний. Авторы создают мальтузианскую модель доиндустриальной экономики, в которой мастерство передается от поколения в поколения либо в системе кланов (расширенных семей), либо в системе гильдий. Клановая система, распространенная в Азии, позволяет решить проблему морального риска, но существенно сужает круг потенциальных учеников, в то время как система гильдий позволяет получить обучение наиболее способным ученикам. Авторы рассматривают гильдии как промежуточный шаг между системой передачи знаний внутри семьи и рыночной системой с совершенными и полными контрактами.

К. Десмет и С.Л. Паренте (Desmet & Parente, 2014) предлагают модель создания и распада гильдий в доиндустриальной Европе. По мере развития рынков фирмам становится выгодным внедрение новых технологий, что противоречит интересам квалифицированных работников, т. к. данные технологии (например, новый вид ткацкого станка) вытесняют труд квалифицированных мастеров. В результате становится выгодным образование гильдий, препятствующих распространению новых технологий. В дальнейшем при более высоком уровне развития рынков высокий уровень прибыли позволяет преодолеть блокирование со стороны гильдий и, как следствие, ведет к их роспуску.

Помимо мастерства и человеческого капитала, ключевым в доиндустриальном развитии Европы было создание институтов, поощряющих частную инициативу и ограничивающих абсолютную власть монарха (North, 1990). Первых значительных успехов в экономическом развитии в средневековой Европе достигли итальянские города-государства. Д. Пуга и Д. Трефлер (Puga & Trefler, 2014) рассматривают пример подъема и упадка средневековой Венеции, имеющий общие черты, характерные и для других примеров развития. Они предлагают теоретическую модель, объясняющую подъем и упадок Венеции. Коммерческая революция в Европе привела к распространению международной морской торговли на большие расстояния и обогатила новый класс купцов и торговцев. Это привело к созданию ряда институтов, лежащих в основе экономического процветания Европы: ограничения абсолютной власти правителя (Дож в Венеции перестал быть наследственным постом в 1032 г.), появлении Парламента в 1172 г. (Puga & Trefler, 2014), а также институтов защиты прав собственности и системы коммерческого права.

Теоретическая модель Д. Пуга и Д. Трефлера основана на двух основных тезисах: институциональные изменения происходят не по причине их эффективности для общества, а по причине воздействия сильных групп интересов; международная торговля создала условия для процветания, но она же создала условия для концентрации богатства в руках наиболее крупных торговцев и дальнейшего упадка.

Д. Пуга и Д. Трефлер фокусируются на периоде истории Венеции 1297–1323 гг., когда политические и экономические институты были подчинены влиянию наиболее богатых семей, создав условия для монополизации экономики, крайне высокого уровня неравенства, углубления социальной стратификации и стагнации. Авторы рассматривают детальную статистку о 6959 свадьбах среди элиты в XV–XVII вв., показывая, что семьи, доминирующие в парламенте до 1296 г., остались наиболее влиятельными среди элиты и в последующие 200–300 лет.

Обобщая существующие исторические свидетельства, Ш. Огилви и А. Карус (Ogilvie & Carus, 2014) формулируют ряд уроков для теорий экономического развития с позиций историков. Их выводы напрямую связаны с ролью политических и экономических институтов в долгосрочном развитии. Они подчеркивают, что в центре институциональных условий в средневековой Европе лежал перераспределительный конфликт. Так, институты крепостного права, существовавшие долгое время в Европе, позволяли перераспределить продукт в пользу землевладельцев. Более того, Ш. Огилви и А. Карус (Ogilvie & Carus, 2014) приводят свидетельства того, что роль государства для формирования условий для экономического роста была существенной и в доиндустриальную эпоху. На примере торговых ярмарок в Шампани с 1180 по 1300 гг. Ш. Огилви и А. Карус подчеркивают, что в течение всего времени, пока правители Шампани обеспечивали гарантии прав собственности и открытый доступ к торговле для купцов, вне зависимости от их национальной принадлежности и статуса, ярмарки Шампани оставались ведущими в Европе, внося существенный вклад в средневековую коммерческую революцию. Как только эти гарантии были сужены или отменены, ярмарки пришли в упадок.

Ш. Огилви и А. Карус уточняют также тезис о роли парламента в долгосрочном развитии Европы. С их точки зрения, ключом к развитию Европы было не столько само формирование парламента, сколько формирование коалиций внутри парламента, поощряющих реформы, направленные на устранение барьеров для роста. Ряд работ подчеркивает роль групп интересов, крупных землевладельцев, владельцев капитала в проведении реформ, раскрывающих возможности для индустриализации (Galor et al., 2009; Veselov & Yarkin, 2024). В целом данные работы отчасти проливают свет на причины существования Большой Дивергенции (*Great Divergence*), расхождения в уровне развития макрорегионов мира (Европы и Азии) в XIX–XX вв. и Малой Дивергенции (*Little Divergence*), опережающего развития стран Северной Европы в XIV–XVIII вв., до промышленной революции[1].

Недавние работы свидетельствуют также о совместной динамике институциональных и культурных факторов в доиндустриальную эпоху. А. Бизин и соавторы (Bisin et al., 2024) предлагают оригинальную модель объяснения феномена «Долгого расхождения» (*Long Divergence*), перехода к лидерству в экономическом развитии от Исламского мира к Европе. М. Боскер и соавторы (Bosker et al., 2013) приводят свидетельства высокого уровня урбанизации в Исламском мире в IX–X вв., значительно превышающего уровень Европы. Вместе с тем в следующие столетия именно Европа стала технологическим лидером. Авторы предлагают теоретико-игровую модель с четырьмя участниками: правителем, религиоз-

[1] Оригинальная концепция Большой и Малой Дивергенции (*Great Divergence and Little Divergence*), основанная на личной этической мотивацией к труду (культурный фактор), экономической мотивации и наличии институциональной структуры, организующей коллективные действия, предложена И. О. Смирновым (2023).

ными и гражданскими элитами и гражданским обществом. Правитель имеет возможность собирать налоги и финансировать религиозные учреждения, религиозные лидеры влияют на религиозные и культурные остановки общества, в то время как граждане имеют возможность передавать свои культурные остановки (степень религиозности) будущим поколениям. А. Бизин и соавторы (Bisin et al., 2024) доказывают существование множественного равновесия. В обществах с изначально высоким уровнем религиозности правители делегируют много власти религиозным элитам, что еще более поощряет передачу религиозных норм. Обратное также верно для секулярного равновесия. Авторы применяют данную модель для объяснения формирования традиционных религиозных государств и светских государств, что также влияет на скорость создания и распространения новых технологий. Изученные нами работы подчеркивают, что как институциональные, так и культурные изменения не являются случайными, и в то же время значительно воздействуют на долгосрочное экономическое развитие. Примеры расцвета и заката Венецианской республики, появления и исчезновения средневековых гильдий, дивергенции Европы и исламских стран, основанной на религиозных нормах и стимулах элит, отражают более общую картину сложной экономической и социальной динамики. Поступательное изучение исторических основ экономического роста с опорой на данные способно дать более широкое понимание успехов и провалов развития как ранних цивилизаций, так и современных стран.

4. Заключение

Первая промышленная революция начинается на нашем гипотетическом циферблате в 11 часов 59 минут 17 секунд, а феномен современного экономического роста — в 11 часов 59 минут 58 секунд, за 2 секунды до настоящего момента. Простое утверждение о том, что до этого большую часть времени мир находился в состоянии мальтузианской стагнации (Ashraf & Galor, 2011), несмотря на то, что содержательно верно, вместе с тем упрощает богатую и разностороннюю картину качественных изменений в экономике и обществе в доиндустриальный период.

Обзор не позволяет покрыть всю тематику развития в доиндустриальную эпоху и в эпоху первой промышленной революции в контексте моделей роста. Большой пласт литературы посвящен истокам промышленной революции в Англии (см. например, работы (Heldring et al., 2021; Jha, 2015)), вопросам влияния колониальной политики на развитие как государств — бывших колоний, так и метрополий (Acemoglu et al., 2001; Heblich et al., 2022). Большой и важной для макроэкономики развития темой является формирование институтов открытого доступа (North et al., 2009; Lizzeri & Persico, 2004; Веселов, 2015). Несмотря на более узкий фокус, предложенный обзор позволяет сформулировать ряд выводов для курса по экономике роста и развития.

В академической литературе существует дискуссия о значимости географических, культурных, институциональных факторов, роли личности или же исторического случая в объяснении долгосрочной динамики стран. Каждая из теорий самостоятельно не способна объяснить имеющее многообразие индивидуальных траекторий стран и человеческих сообществ. Вместе с тем общее значительное приращение знаний, наблюдаемое в данной области, позволяет выявить ключевые детерминанты технологических изменений и долгосрочного роста, во-многом совпадающие в доиндустриальную и современную эпоху. К ним относятся создание

и защита институтов прав собственности и системы контактов, поддерживаемая государствам и защищающая права самого широкого круга граждан (ключевая особенность институтов открытого доступа), система воспроизводства и расширения уровня человеческого капитала (знаний и навыков), доступная всем[1], и, наконец, система принятия коллективных решений, основанная на широких общественных интересах.

Приведенные в обзоре исследования свидетельствуют, что любые количественные успехи в экономическом росте являются следствием изменений в экономике и обществе, создающим условия для этого. Несмотря на то, что ранние факторы развития играют существенную роль, в каждый период времени институциональная и культурная структура общества не является стационарной и подвержена внешним и внутренним изменениям. Представленные в обзоре примеры институциональной и культурной динамики позволяют увидеть современную эпоху как результат непрерывных преобразований и сделать вывод о важности выбора пути, основанного на лучших практиках, для гарантий жизни и благополучия будущих поколений.

Список источников

Аджемоглу, Д., Джонсон, С. (2024). *Власть и прогресс*. Москва: АСТ.

Аджемоглу, Д., Робинсон, Д. (2015[2012]). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. Москва: Издательство АСТ, 575.

Аджемоглу, Д., Робинсон, Д. (2021). *Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы*. Москва: Издательство АСТ, 704.

Балацкий, Е. В. (2019). Общая теория социального развития и циклы принуждения. *Общественные науки и современность,* (5), 156–174. https://doi.org/10.31857/S086904990006569-7

Балацкий, Е. В. (2021). Поликаузальная концепция социальной эволюции. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 14*(6), 49–69. https://doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.3

Веселов, Д. А. (2015). Политические режимы, перераспределение и формирование общества открытого доступа. *Экономический журнал Высшей школы экономики, 19*(4), 576–608.

Веселов, Д. А., Яркин, А. М. (2022). Институциональные изменения, неравенство и долгосрочное экономическое развитие: теория и эмпирика. *Вопросы экономики,* (1), 47–71. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-47-71

Галор, О. (2022). *Путь человечества. Истоки богатства и неравенства*. Москва: АСТ, 336.

Даймонд, Д. М. (2016). *Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ*. Litres.

Диденко, Д. В. (2024). Переход России к «современному» режиму экономического роста: реинтерпретация модернизационных концепций. *AlterEconomics, 21*(4), 797–817. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.8

Егоров, Г. В. (2025). Институциональный фундамент долгосрочного экономического развития (Нобелевская премия по экономике 2024 года). *Вопросы экономики,* (1), 32–43. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-32-43

Натхов, Т. В., Полищук, Л. И. (2017). Политэкономия институтов и развития: как важно быть инклюзивным. Размышления над книгой D. Acemoglu, J. Robinson “Why Nations Fail”. Часть I. Институты и экономическое развитие. Институциональный выбор. *Журнал Новой экономической ассоциации,* (2), 12–38.

Кояма, М., Рубин, Дж. (2024). *Как разбогател мир: исторические истоки экономического роста*. Москва: Издательство Института Гайдара, 464.

[1] Любой ограниченный доступ к образованию приводит, как показывают работы (De la Croix et al., 2018; Galor & Zeira, 1993), к снижению возможностей для экономического развития.

Полтерович, В. М. (2018). К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? *Вопросы экономики,* (11), 5–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-5-26

Смирнов, И. О. (2023). Великое расхождение и Малое расхождение как результат совпадения факторов экономического развития. *AlterEconomics, 20*(2), 291–308. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-2.1

Харари, Ю. Н. (2022). *Sapiens. Краткая история человечества.* Москва: Синдбад, 520.

Хейвуд, Д. (2009). *Атлас всемирной истории.* Москва: АСТ, 384.

Acemoglu, D. (2008). *Introduction to Modern Economic Growth.* Princeton University Press.

Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. A. (2001). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation. *The American economic review, 91*(5), 1369–1401.

Aghion, P., & Howitt, P. W. (2008). *The economics of growth.* MIT press.

Alesina, A., Giuliano, P., & Nunn, N. (2013). On the origins of gender roles: Women and the plough. *The Quarterly Journal of Economics, 128*(2), 469–530.

Algan, Y., & Cahuc, P. (2010). Inherited trust and growth. *American Economic Review, 100*(5), 2060–2092. https://doi.org/10.1257/aer.100.5.2060

Allen, R. C., Bertazzini, M. C., & Heldring, L. (2023). The economic origins of government. *American Economic Review, 113*(10), 2507–2545. https://doi.org/10.1257/aer.20201919

Ashraf, Q. H., & Weil, D. N. (2024). *Economic growth.* Taylor & Francis.

Ashraf, Q. H., Galor, O., & Klemp, M. (2021). The ancient origins of the wealth of nations. In *The handbook of historical economics* (pp. 675–717). Academic Press.

Ashraf, Q., & Galor, O. (2011). Dynamics and stagnation in the Malthusian epoch. *American Economic Review, 101*(5), 2003–2041. https://doi.org/10.1257/aer.101.5.2003

Ashraf, Q., & Galor, O. (2013). The "Out of Africa" hypothesis, human genetic diversity, and comparative economic development. *American Economic Review, 103*(1), 1–46. https://doi.org/10.1257/aer.103.1.1

Becerra-Valdivia, L., & Higham, T. (2020). The timing and effect of the earliest human arrivals in North America. *Nature, 584,* 93–97. https://doi.org/10.1038/s41586-020-2491-6

Besley, T. (2020). State capacity, reciprocity, and the social contract. *Econometrica, 88*(4), 1307–1335.

Bisin, A., Rubin, J., Seror, A., & Verdier, T. (2024). Culture, institutions and the long divergence. *Journal of Economic Growth, 29*(1), 1–40. https://doi.org/10.1007/s10887-023-09227-7

Boserup, E. (1970). *Woman's Role in Economic Development.* George Allen and Unwin Ltd.

Bosker, M., Buringh, E., & Van Zanden, J. L. (2013). From Baghdad to London: Unraveling urban development in Europe, the Middle East, and North Africa, 800–1800. *The Review of Economics and Statistics, 95*(4), 1418–1437.

Boyd, R., & Richerson, P. J. (1985). *Culture and the Evolutionary Process*. University of Chicago Press.

De la Croix, D., Doepke, M., & Mokyr, J. (2018). Clans, guilds, and markets: Apprenticeship institutions and growth in the preindustrial economy. *The Quarterly Journal of Economics, 133*(1), 1–70. https://doi.org/10.1093/qje/qjx026

Desmet, K., & Parente, S. L. (2014). Resistance to technology adoption: The rise and decline of guilds. *Review of economic dynamics, 17*(3), 437–458. http://dx.doi.org/10.1016/j.red.2013.09.005

Desmet, K., Greif, A., & Parente, S. L. (2020). Spatial competition, innovation and institutions: the Industrial Revolution and the Great Divergence. *Journal of Economic Growth, 25,* 1–35. https://doi.org/10.1007/s10887-019-09173-3

Doepke, M., & Zilibotti, F. (2008). Occupational choice and the spirit of capitalism. *Quarterly Journal of Economics, 123*(2), 747–793. https://doi.org/10.1162/qjec.2008.123.2.747

Doepke, M., & Zilibotti, F. (2014). Culture, entrepreneurship, and growth. In *Handbook of economic growth* (Vol. 2, pp. 1–48). Elsevier.

Galor, O. (2011). *Unified growth theory.* Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9781400838868

Galor, O., & Moav, O. (2002). Natural selection and the origin of economic growth. *The Quarterly Journal of Economics, 117* (4), 1133–1191. http://dx.doi.org/10.1162/003355302320935007

Galor, O., & Özak, Ö. (2016). The Agricultural Origins of Time Preference. *American Economic Review, 106* (10), 3064–3103. http://dx.doi.org/10.1257/aer.20150020

Galor, O., & Weil, D. N. (2000). Population, technology, and growth: From Malthusian stagnation to the demographic transition and beyond. *American economic review, 90* (4), 806–828. http://dx.doi.org/10.1257/aer.90.4.806

Galor, O., & Zeira, J. (1993). Income distribution and macroeconomics. *The Review of Economic Studies, 60* (1), 35–52.

Galor, O., Moav, O., & Vollrath, D. (2009). Inequality in landownership, the emergence of human-capital promoting institutions, and the great divergence. *Review of Economic Studies, 76* (1), 143–179. https://doi.org/10.1111/j.1467-937x.2008.00506.x

Giuliano, P., & Nunn, N. (2021). Understanding cultural persistence and change. *The Review of Economic Studies, 88* (4), 1541–1581. https://doi.org/10.1093/restud/rdaa074

Hazan, M., Weiss, D., & Zoabi, H. (2019). Women's liberation as a financial innovation. *The Journal of Finance, 74* (6), 2915–2956. https://doi.org/10.1111/jofi.12829

Heblich, S., Redding, S. J., & Voth, H. J. (2022). Slavery and the British industrial revolution. *NBER Working Paper,* (30451). https://doi.org/10.3386/w30451

Heldring, L., Robinson, J. A., & Vollmer, S. (2021). The long-run impact of the dissolution of the English monasteries. *The Quarterly Journal of Economics, 136* (4), 2093–2145. https://doi.org/10.1093/qje/qjab030

Jha, S. (2015). Financial asset holdings and political attitudes: evidence from revolutionary England. *The Quarterly Journal of Economics, 130* (3), 1485–1545. http://dx.doi.org/10.1093/qje/qjv019

Jones, C. I. (2016). The facts of economic growth. In *Handbook of macroeconomics* (Vol. 2, pp. 3–69). Elsevier.

Jones, C., & Vollrath, D. (2013). *Introduction to Economic Growth* (3rd ed.).

Lagerlöf, N. P. (2016). Statehood, democracy and preindustrial development. *Journal of Economic Dynamics and Control, 67,* 58–72. http://dx.doi.org/10.1016/j.jedc.2016.04.001

Lizzeri, A., & Persico, N. (2004). Why did the elites extend the suffrage? Democracy and the scope of government, with an application to Britain's "Age of Reform". *The Quarterly journal of economics, 119* (2), 707–765. http://dx.doi.org/10.1162/0033553041382175

Mann, M. E., Zhang, Z., Rutherford, S., Bradley, R. S., Hughes, M. K., Shindell, D., Ammann, C., Faluvegi, G., & Ni, F. (2009). Global signatures and dynamical origins of the Little Ice Age and Medieval Climate Anomaly. *Science, 326* (5957), 1256–1260. http://dx.doi.org/10.1126/science.1177303

Mayshar, J., Moav, O., & Pascali, L. (2022). The origin of the state: Land productivity or appropriability? *Journal of Political Economy, 130* (4), 1091–1144. http://dx.doi.org/10.1086/718372

Mokyr, J., Sarid, A., & Van Der Beek, K. (2022). The Wheels of Change: Technology Adoption, Millwrights and the Persistence in Britain's Industrialisation. *The Economic Journal, 132* (645), 1894–1926. https://doi.org/10.1093/ej/ueab102

Murdock, G. (1967). *Ethnographic Atlas.* University of Pittsburgh Press.

North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance.* Cambridge university press.

North, D. C., Wallis, J. J., & Weingast, B. R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History.* Cambridge University Press.

Nunn, N. (2020). The historical roots of economic development. *Science, 367* (6485), eaaz9986. https://doi.org/10.1126/science.aaz9986

Nunn, N. (2021). History as evolution. In *The handbook of historical economics* (pp. 41–91). Academic Press.

Ogilvie, S., & Carus, A. W. (2014). Institutions and economic growth in historical perspective. *Handbook of economic growth, 2,* 403–513. https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00008-3

Puga, D., & Trefler, D. (2014). International trade and institutional change: Medieval Venice's response to globalization. *The Quarterly Journal of Economics, 129*(2), 753–821. http://dx.doi.org/10.1093/qje/qju006

Scott, J. C. (2017). *Against the grain: A deep history of the earliest states*. Yale University Press.

Veselov, D., & Yarkin, A. (2024). Lobbying for industrialization: Theory and evidence (No. 260). *EHES Working Paper*.

References

Acemoglu, D. (2008). *Introduction to Modern Economic Growth*. Princeton University Press.

Acemoglu, D., & Johnson, S. (2024). *Vlast' i progress [Power and Progress]*. Moscow: AST Publishing. (In Russ.)

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2015[2012]). *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety [Why Nations Fail: The Original of Power, Prosperity, and Poverty]*. Moscow: AST Publishing. (In Russ.)

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2021). *Uzkiy koridor. Gosudarstva, obshchestva i sud'ba svobody [The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty]*. Moscow: AST Publishing. (In Russ.)

Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. A. (2001). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation. *The American economic review, 91*(5), 1369–1401.

Aghion, P., & Howitt, P. W. (2008). *The economics of growth*. MIT press.

Alesina, A., Giuliano, P., & Nunn, N. (2013). On the origins of gender roles: Women and the plough. *The Quarterly Journal of Economics, 128*(2), 469–530.

Algan, Y., & Cahuc, P. (2010). Inherited trust and growth. *American Economic Review, 100*(5), 2060–2092. https://doi.org/10.1257/aer.100.5.2060

Allen, R. C., Bertazzini, M. C., & Heldring, L. (2023). The economic origins of government. *American Economic Review, 113*(10), 2507–2545. https://doi.org/10.1257/aer.20201919

Ashraf, Q. H., & Weil, D. N. (2024). *Economic growth*. Taylor & Francis.

Ashraf, Q. H., Galor, O., & Klemp, M. (2021). The ancient origins of the wealth of nations. In *The handbook of historical economics* (pp. 675–717). Academic Press.

Ashraf, Q., & Galor, O. (2011). Dynamics and stagnation in the Malthusian epoch. *American Economic Review, 101*(5), 2003–2041. https://doi.org/10.1257/aer.101.5.2003

Ashraf, Q., & Galor, O. (2013). The "Out of Africa" hypothesis, human genetic diversity, and comparative economic development. *American Economic Review, 103*(1), 1–46. https://doi.org/10.1257/aer.103.1.1

Balatskii, E. V. (2019). General theory of social development and cycles of coercion. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World],* (5), 156–174. https://doi.org/10.31857/S086904990006569-7 (In Russ.)

Balatsky, E. V. (2021). Polycausal concept of social evolution. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 14*(6), 49–69. https://doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.3 (In Russ.)

Becerra-Valdivia, L., & Higham, T. (2020). The timing and effect of the earliest human arrivals in North America. *Nature, 584,* 93–97. https://doi.org/10.1038/s41586-020-2491-6

Besley, T. (2020). State capacity, reciprocity, and the social contract. *Econometrica, 88*(4), 1307–1335.

Bisin, A., Rubin, J., Seror, A., & Verdier, T. (2024). Culture, institutions and the long divergence. *Journal of Economic Growth, 29*(1), 1–40. https://doi.org/10.1007/s10887-023-09227-7

Boserup, E. (1970). *Woman's Role in Economic Development*. George Allen and Unwin Ltd.

Bosker, M., Buringh, E., & Van Zanden, J. L. (2013). From Baghdad to London: Unraveling urban development in Europe, the Middle East, and North Africa, 800–1800. *The Review of Economics and Statistics, 95*(4), 1418–1437.

Boyd, R., & Richerson, P. J. (1985). *Culture and the Evolutionary Process*. University of Chicago Press.

De la Croix, D., Doepke, M., & Mokyr, J. (2018). Clans, guilds, and markets: Apprenticeship institutions and growth in the preindustrial economy. *The Quarterly Journal of Economics, 133* (1), 1–70. https://doi.org/10.1093/qje/qjx026

Desmet, K., & Parente, S. L. (2014). Resistance to technology adoption: The rise and decline of guilds. *Review of economic dynamics, 17* (3), 437–458. http://dx.doi.org/10.1016/j.red.2013.09.005

Desmet, K., Greif, A., & Parente, S. L. (2020). Spatial competition, innovation and institutions: the Industrial Revolution and the Great Divergence. *Journal of Economic Growth, 25,* 1–35. https://doi.org/10.1007/s10887-019-09173-3

Diamond, J. (2016). *Ruzh'ya, mikroby i stal'. Istoriya chelovecheskikh soobshchestv [Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies]*. Litres. (In Russ.)

Didenko, D. V. (2024). Russia's Transition to a "Modern" Economic Growth Regime: Revisiting Modernization Concepts. *AlterEconomics, 21* (4), 797–817. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.8 (In Russ.)

Doepke, M., & Zilibotti, F. (2008). Occupational choice and the spirit of capitalism. *Quarterly Journal of Economics, 123* (2), 747–793. https://doi.org/10.1162/qjec.2008.123.2.747

Doepke, M., & Zilibotti, F. (2014). Culture, entrepreneurship, and growth. In *Handbook of economic growth* (Vol. 2, pp. 1–48). Elsevier.

Egorov, G. V. (2025). Institutional fundamentals of long-run economic development (Nobel Memorial Prize in Economic Sciences 2024). *Voprosy ekonomiki,* (1), 32–43. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-32-43 (In Russ.)

Galor, O. (2011). *Unified growth theory.* Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9781400838868

Galor, O. (2022). *Put' chelovechestva. Istoki bogatstva i neravenstva [The Journey of Humanity: The Origins of Wealth and Inequality]*. Moscow: AST Publishing. (In Russ.)

Galor, O., & Moav, O. (2002). Natural selection and the origin of economic growth. *The Quarterly Journal of Economics, 117* (4), 1133–1191. http://dx.doi.org/10.1162/003355302320935007

Galor, O., & Özak, Ö. (2016). The Agricultural Origins of Time Preference. *American Economic Review, 106* (10), 3064–3103. http://dx.doi.org/10.1257/aer.20150020

Galor, O., & Weil, D. N. (2000). Population, technology, and growth: From Malthusian stagnation to the demographic transition and beyond. *American economic review, 90* (4), 806–828. http://dx.doi.org/10.1257/aer.90.4.806

Galor, O., & Zeira, J. (1993). Income distribution and macroeconomics. *The Review of Economic Studies, 60* (1), 35–52.

Galor, O., Moav, O., & Vollrath, D. (2009). Inequality in landownership, the emergence of human-capital promoting institutions, and the great divergence. *Review of Economic Studies, 76* (1), 143–179. https://doi.org/10.1111/j.1467-937x.2008.00506.x

Giuliano, P., & Nunn, N. (2021). Understanding cultural persistence and change. *The Review of Economic Studies, 88* (4), 1541–1581. https://doi.org/10.1093/restud/rdaa074

Harari, Yu. N. (2022). *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva [Sapiens: A Brief History of Humankind]*. Moscow: Sindbad Publishers. (In Russ.)

Haywood, J. (2009). *Atlas vsemirnoy istorii [The Atlas of the Ancient World]*. Moscow: AST Publishing. (In Russ.)

Hazan, M., Weiss, D., & Zoabi, H. (2019). Women's liberation as a financial innovation. *The Journal of Finance, 74* (6), 2915–2956. https://doi.org/10.1111/jofi.12829

Heblich, S., Redding, S. J., & Voth, H. J. (2022). Slavery and the British industrial revolution. *NBER Working Paper,* (30451). https://doi.org/10.3386/w30451

Heldring, L., Robinson, J. A., & Vollmer, S. (2021). The long-run impact of the dissolution of the English monasteries. *The Quarterly Journal of Economics, 136* (4), 2093–2145. https://doi.org/10.1093/qje/qjab030

Jha, S. (2015). Financial asset holdings and political attitudes: evidence from revolutionary England. *The Quarterly Journal of Economics, 130* (3), 1485–1545. http://dx.doi.org/10.1093/qje/qjv019

Jones, C. I. (2016). The facts of economic growth. In *Handbook of macroeconomics* (Vol. 2, pp. 3–69). Elsevier.

Jones, C., & Vollrath, D. (2013). *Introduction to Economic Growth* (3rd ed.).

Koyama, M., & Rubin, J. (2024). *Kak razbogatel mir: istoricheskie istoki ekonomicheskogo rosta [How the World Became Rich. The Historical Origins of Economic Growth]*. Moscow: Gaidar Publishing House. (In Russ.)

Lagerlöf, N. P. (2016). Statehood, democracy and preindustrial development. *Journal of Economic Dynamics and Control, 67,* 58–72. http://dx.doi.org/10.1016/j.jedc.2016.04.001

Lizzeri, A., & Persico, N. (2004). Why did the elites extend the suffrage? Democracy and the scope of government, with an application to Britain's "Age of Reform". *The Quarterly journal of economics, 119* (2), 707–765. http://dx.doi.org/10.1162/0033553041382175

Mann, M. E., Zhang, Z., Rutherford, S., Bradley, R. S., Hughes, M. K., Shindell, D., Ammann, C., Faluvegi, G., & Ni, F. (2009). Global signatures and dynamical origins of the Little Ice Age and Medieval Climate Anomaly. *Science, 326* (5957), 1256–1260. http://dx.doi.org/10.1126/science.1177303

Mayshar, J., Moav, O., & Pascali, L. (2022). The origin of the state: Land productivity or appropriability? *Journal of Political Economy, 130* (4), 1091–1144. http://dx.doi.org/10.1086/718372

Mokyr, J., Sarid, A., & Van Der Beek, K. (2022). The Wheels of Change: Technology Adoption, Millwrights and the Persistence in Britain's Industrialisation. *The Economic Journal, 132* (645), 1894–1926. https://doi.org/10.1093/ej/ueab102

Murdock, G. (1967). *Ethnographic Atlas*. University of Pittsburgh Press.

Natkhov, T. V., & Polishchuk, L. I. (2017). Political Economy of Institutions and Development: The Importance of Being Inclusive Reflection on "Why Nations Fail" by D. Acemoglu and J. Robinson Part I. Institutions and Economic Development.Institutional Choice. *Zhournal Novoi Ekonomicheskoi Associacii [Journal of the New Economic Association],* (2), 12–38. (In Russ.)

North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge university press.

North, D. C., Wallis, J. J., & Weingast, B. R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History.* Cambridge University Press.

Nunn, N. (2020). The historical roots of economic development. *Science, 367* (6485), eaaz9986. https://doi.org/10.1126/science.aaz9986

Nunn, N. (2021). History as evolution. In *The handbook of historical economics* (pp. 41–91). Academic Press.

Ogilvie, S., & Carus, A. W. (2014). Institutions and economic growth in historical perspective. *Handbook of economic growth, 2,* 403–513. https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00008-3

Polterovich, V. M. (2018). Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions, or culture? *Voprosy ekonomiki,* (11), 5–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-5-26 (In Russ.)

Puga, D., & Trefler, D. (2014). International trade and institutional change: Medieval Venice's response to globalization. *The Quarterly Journal of Economics, 129* (2), 753–821. http://dx.doi.org/10.1093/qje/qju006

Scott, J. C. (2017). *Against the grain: A deep history of the earliest states*. Yale University Press.

Smirnov, I. O. (2023). Exploring the Three Factors of Economic Development and Their Role in the Emergence of the Great Divergence and Little Divergence. *AlterEconomics, 20* (2), 291–308. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-2.1 (In Russ.)

Veselov, D. A. (2015). Political Regimes, Redistribution and the Formation of the Open Access Society. *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [HSE Economic Journal], 19* (4), 576–608. (In Russ.)

Veselov, D. A., & Yarkin, A. M. (2022). Institutional changes, inequality and long-run economic development: Theory and empirics. *Voprosy Ekonomiki,* (1), 47–71. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-47-71 (In Russ.)

Veselov, D., & Yarkin, A. (2024). Lobbying for industrialization: Theory and evidence (No. 260). *EHES Working Paper*.

Информация об авторе

Веселов Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доктор экономики университета Париж-1 Пантеон Сорбонна, доцент департамента теоретической экономики, старший научный сотрудник, Международная лаборатория макроэкономического анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; https://orcid.org/0000-0001-6634-2159 (Российская Федерация, 109028, г. Москва, Покровский бульвар, 11; e-mail: dveselov@hse.ru).

About the author

Dmitry A. Veselov — Cand. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Econ.) of Paris-1 Panthéon-Sorbonne University, Associate Professor of Department of Theoretical Economics, Senior Research Associate of International Laboratory for Macroeconomic Analysis, National Research University “Higher School of Economics”; https://orcid.org/0000-0001-6634-2159 (11, Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russian Federation; e-mail: dveselov@hse.ru).

Дата поступления рукописи: 11.12.2024.
Прошла рецензирование: 18.12.2024.
Принято решение о публикации: 28.01.2025.
Received: 11 Dec 2024.
Reviewed: 18 Dec 2024.
Accepted: 28 Jan 2025.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.8
УДК 330.3, 330.8, 336.7
JEL G2 O16 P16

BY 4.0
OPEN ACCESS

Политическая экономия финансового развития[1]

Константин В. КРИНИЧАНСКИЙ
Финансовый университет, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Криничанский, К. В. (2025). Политическая экономия финансового развития. *AlterEconomics, 22*(1), 103–120. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.8

Аннотация. Развитие финансовых секторов большого числа стран рассматривается в последние десятилетия как существенный фактор динамики их экономического развития. В то же время это недостаточно мотивирует власти повышать уровень финансового развития, который сильно различается в глобальном разрезе. Очевидность преимуществ, которые дает лучшее развитие финансов в стране, сталкивается с проблемой понимания, от чего зависит успех в этом вопросе. Этот важный фокус исследований является предметом данной работы. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы осветить ракурс финансового развития, раскрываемый посредством политэкономического анализа, а также обобщить результаты отдельных исследований финансового развития, помещая их в политэкономическую рамку. В этой части показано, что результаты, отраженные в работах направления «финансы — рост», могут быть интерпретированы в политэкономическом ключе, например, когда они обнаруживают нелинейность изучаемой взаимосвязи и различную чувствительность экономического роста к индикаторам финансовой глубины для разных групп стран. Также проведенный анализ позволил обнаружить, что группы специальных интересов сдерживают развитие отдельных секторов финансового рынка, в особенности сильно затрагивая финансовую инклюзию. В России это, в частности, относится к рынку коллективных инвестиций, определяя не только недостаточную финансовую доступность финансовых услуг, но и кардинальное отставание глубины рынка в сравнении с другими странами БРИКС. Показано, что финансовая доступность может быть повышена за счет развития технологий и более глубокой международной интеграции. Вместе с тем здесь также имеются ограничения, касающиеся на уровне отдельных граждан проблемы цифрового неравенства, возможностей конструирования непрозрачных финансовых контрактов; на уровне стран — невозможности извлечения равных выгод от глобализации для стран с разным уровнем финансового развития. Данные направления могут быть перспективными для дальнейших исследований.

Ключевые слова: финансовое развитие, финансовая либерализация, финансовые институты, финансовая доступность, политическая экономия, институты, группы специальных интересов

[1] © Криничанский К. В. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Political Economy of Financial Development

Konstantin V. KRINICHANSKY ✉
Financial University, Moscow, Russian Federation

For citation: Krinichansky, K. V. (2025). Political Economy of Financial Development. *AlterEconomics, 22*(1), 103–120. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.8

Abstract. The development of financial sectors in many countries has been recognized as a key factor in their economic growth over recent decades. However, this has not been enough to motivate authorities to advance financial development, which remains uneven across countries. While the advantages of better financial development are clear, understanding the factors behind success remains a challenge. This paper focuses on this issue, aiming to examine financial development through the lens of political economy and summarize findings from related studies within this framework. It shows that research on the "finance-growth nexus" can be interpreted politically, revealing, for example, the non-linearity of the relationship and the varying sensitivity of economic growth to financial depth indicators across countries. The analysis also highlights how special interest groups hinder the development of certain financial market sectors, particularly financial inclusion. In Russia, this situation is evident in the collective investment market, where financial services remain insufficiently accessible, and market depth lags behind other BRICS countries. The study suggests that financial access can be improved through technological development and deeper international integration, though challenges remain, including digital inequality and the construction of opaque financial contracts. Additionally, countries with different levels of financial development may not equally benefit from globalization, posing further constraints. These issues offer promising avenues for future research.

Keywords: financial development, financial liberalization, financial institutions, financial access, political economy, institutions, special interest groups

1. Введение

Историю успехов и неудач, которые различные страны испытывали на протяжении новейшего периода, начиная с эпохи промышленных революций и вплоть до настоящего времени, невозможно осмыслить без глубокого анализа тех процессов, которые охватывали финансовый сектор, публичные финансы, монетарную сферу и валютные рынки. В академической литературе (Arestis et al., 2015), документах международных финансовых организаций (Всемирного банка, МВФ), а также публикациях некоторых центральных банков качественные и количественные изменения, затрагивавшие финансовую сферу, выражаются с помощью короткого обобщающего термина «финансовое развитие», а теоретическая область, посвященная соответствующим вопросам, получила название теории финансового развития.

Разработка этой теоретической области в настоящее время охватывает огромный круг вопросов и задействует широкий методологический аппарат. Доминирование неоклассического направления в экономических исследованиях повлекло образование некоторого уклона в исследованиях в сторону изучения финансового развития как потенциального фактора экономического развития и роста. Это сформировало такие крупные направления исследований, как «связь финансов и роста» (Beck, 2020), «связь финансов и неравенства» (Brei et al., 2018), «связь финансов и инноваций» (Hsu et al., 2014) и др. Несмотря на то, что в рамках этих исследований обсуждались различные конфигурации причинно-следственных связей, а эмпирические изыскания с использованием эконометрических техник могли не только подтверждать, но и опровергать базовые предпо-

ложения относительно положительного влияния развития финансовых секторов на экономику и благосостояние (Arcand et al., 2015), всё же нельзя не заметить некоторую стилизацию общих выводов и подходов, которая могла бы быть выражена тремя тезисами:

— финансовое развитие происходит в странах с рыночной экономикой в режиме, близком автоматическому;

— финансовое развитие благоприятствует экономическому росту, может сглаживать неравенство и способствовать преодолению бедности;

— власти и регуляторы способны содействовать финансовому развитию, формируя соответствующее законодательство, добиваясь макроэкономической стабилизации, обеспечивая создание инфраструктуры финансового сектора и пр.

На наш взгляд, подобная стилизация недостаточна, поскольку неверно ориентирует общество и технических управленцев, реализующих экономическую политику. Во-первых, такая стилизация подпитывает ложный вывод, что финансовое развитие должно рассматриваться в логике общей закономерности, так что опыт одних стран может быть свободно и без издержек распространен на другие. Во-вторых, она не обнаруживает того полезного релятивизма, который подсказывает, что успех одних экономик не гарантирует успеха других, и многое зависит от условий конкретных стран (Deidda, 2006). В-третьих, она оставляет за пределами внимания процессы, протекающие в поле общественных взаимодействий, конкуренции за ренту и влияние, которые могут значительно усложнять взаимосвязи, вводить трение в механизмы принятия решений, касающихся финансового развития[1], препятствовать трансмиссии финансового развития в рост или снижение неравенства. Наконец, мы констатируем, что такие процессы традиционно являются одним из предметов политико-экономических исследований, а поэтому именно поворот в пользу использования политэкономического ракурса может способствовать достижению более глубокого понимания работы социально-экономических механизмов, определяющих связь финансов с экономической и социальной динамиками внутри стран.

Таким образом, целью настоящего исследования является критический пересмотр некоторых положений и ряда выводов теории финансового развития с учетом того, что они помещаются в призму политэкономического анализа.

2. Ключевые направления и основной предмет теории финансового развития

Теория финансового развития начала формироваться в 1970-е гг. Ее становление было мотивировано как процессами, протекавшими в крупнейших экономиках, в которых рост благосостояния среднего класса вызывал серьезные изменения в части усложнения сберегательной системы, появления новых финансовых инструментов и продуктов и в конечном счете трансформации структуры финансовой системы, постепенного усиления институтов рынка капитала, так и событиями, затрагивавшими мир формирующихся экономик и развивающихся стран, а несколько позднее — стран с экономикой в стадии транзита. Концептуальное ядро теории финансового развития складывалось как своеобразный синтез таких научных направлений, как финансы, теория финансового посредничества, теория экономического роста, теория социально-экономиче-

[1] Здесь мы не говорим о роли уровня развития институтов, которая довольно глубоко изучена авторами. См., например: (Ehigiamusoe & Samsurijan, 2021).

ских реформ. Так, в широко известной публикации Р. Ливайна (Levine, 1997), содержащей оригинальную функциональную концепцию зависимости экономического роста от финансового развития, есть обзор литературы, в котором обсуждаются микрооснования связи финансов и роста (на уровне фирм), анализ связи финансовой структуры[1] и экономического роста, результаты эмпирических работ, оценивающих параметры регрессий различных индикаторов финансового развития на рост, и, наконец, труды с множеством «кейс-стади», которые показывают, как на уровне отдельных стран (Аргентина, Бразилия, Индонезия, Мексика, Германия, Тайвань, Чили, Южная Корея, США и пр.) та или иная политика в области развития финансового сектора воплощалась в экономическое процветание или, напротив, заканчивалась неудачей.

Следует дополнительно заметить, что работы, относящиеся к проблематике теории реформ, в частности, поднимавшие вопросы последствий финансовой либерализации для различных стран (Ang, 2011), в общем потоке работ по финансовому развитию оказывались своего рода второстепенной ветвью, тогда как своеобразный «мейнстрим» образовывали работы, содержащие эконометрический анализ связи финансового развития (отслеживаемого с помощью некоторого набора прокси-индикаторов), с одной стороны, и экономического роста, роста производительности, сокращения неравенства и т. д. — с другой. Таким образом, можно заметить, что основной предмет исследований в области финансового развития смещался в сторону взаимосвязи финансового развития и экономического роста или иных показателей социо-экономической динамики.

Не умаляя значения и вклада работ в данном направлении (которое постепенно все больше становилось некоторой ветвью макроэконометрики) для понимания закономерностей финансового развития в его соотношении с экономической динамикой, всё же можно подумать, что авторы множества десятков статей ходят если не по замкнутому кругу, то по циклу, обсуждая проблемы эндогенности (Beck, 2008), направленности причинно-следственных связей (Peia & Roszbach, 2015), нелинейности связи финансов и роста (Arcand et al., 2015; Agiropoulos et al., 2019). Очень немногим авторам удается преодолеть этот цикл, выходя в область условий реализации политики финансового развития в конкретных странах (Ono 2017; Guo et al., 2023), экономической политики, учитывающей выводы эмпирических работ в области связи финансов и роста (Song & Thakor, 2013; Popov, 2017). Наконец, совсем малочисленный круг авторов предлагает политическую экономию в качестве методологии исследования проблем финансового развития и его связи с экономическим ростом или другими характеристиками экономического развития. Вместе с тем, смещая предмет исследований теории финансового развития в политэкономическую область, можно было бы разрешить ряд сложных вопросов данной теории, переосмыслить ряд уже полученных ранее результатов, получить более реалистичную картину происходящего в финансовом секторе. В завершении данного пункта заметим, что, по выражению Дж. Асемоглу (Acemoglu, 2010), соображения политической экономии должны быть центральными в исследовании проблем развития, а выводы, которые игнорируют политическую экономию, рискуют оказаться неверными. В этой связи мы далее намерены показать, как политэкономи-

[1] Под финансовой структурой в данной литературе подразумевается соотношение в экономике следующих институциональных секторов — банковского сектора и сектора, представляющего ликвидный рынок ценных бумаг, деривативов и пр.

ческий контекст влияет на имеющиеся результаты в области теории финансового развития и какие новые выводы он может дать относительно некоторых вопросов, например, касающихся цифровизации финансового сектора.

3. Политэкономические аспекты современного финансового развития

Современная литература по финансовому развитию рассматривает этот процесс и его проявления в нескольких преломлениях. Чаще всего различают такие его составляющие, как финансовая доступность (инклюзия)[1], финансовая глубина, финансовая стабильность и эффективность (Криничанский, Анненская, 2022). В каждом случае можно обнаружить различные формы проявления политэкономического контекста в части обнаруживаемых характеристик финансового развития. Пожалуй, наиболее рано и ярко в литературе было подсвечено то, как политэкономический контекст может сказываться на характеристиках финансовой инклюзии. Так, Л. Зингалес и Р. Раджан (2004) нашли важным, что «влиятельные круги способны блокировать развитие институтов, необходимых для функционирования финансовой системы». Так было, например, в случае с имевшим место на протяжении целых десятилетий в США запрета для банков открывать филиалы в других штатах (Kroszner & Strahan, 1999). Этот запрет был выгоден банковскому лобби, поскольку защищал их бизнес, позволял поддерживать выгодные условия по депозитам и кредитным операциям. Одновременно с этим он ограничивал конкуренцию между банками, вредил развитию бизнеса (в особенности мелкого и среднего), доступность которого к кредитным ресурсам была недостаточной.

Еще один пример подобного рода имел место в Японии, где до середины 1980-х гг. банки сдерживали развитие рынка облигаций, получив в свой контроль Комиссию по облигациям. Вместо того, чтобы обеспечивать качество новых эмиссий облигаций, комиссия препятствовала тому, чтобы бизнес получал финансирование посредством такой эмиссии, канализируя спрос на фондирование в рынок банковского кредита. Лишь после того, как произошло открытие еврорынка и были устранены барьеры для проникновения иностранного капитала в Японию, корпорации начали более свободно заимствовать на долговом рынке в обход банков, и внутренний рынок облигаций Японии значительно развился.

Обширная литература показывает, что влиятельные группы могут стоять на страже законов, сохраняющих государственную собственность на банки и иные финансовые институты, извлекая при этом значительные ренты (Sapienza, 2004; Dinç, 2005; Khwaja & Mian, 2005; Cole, 2009). Обратной стороной такого положения вещей является низкая финансовая инклюзия, отставание в росте активов финансовой системы в сравнении с другими странами, стагнация иных индикаторов финансовой глубины (в частности, относящихся к глубине развития рынка капитала), тогда как желаемая финансовая стабильность и тем более эффективность в такой структуре финансового сектора отнюдь не гарантированы.

Более общий взгляд на оптимальные границы государства и условия их достижения в контексте создания условий для формирования конкурентной финансовой

[1] Уместно различать эти родственные в содержательном плане понятия. Если финансовая доступность — это, скорее, о готовности финансовой системы предоставлять кредит, создавать востребованные финансовые продукты и услуги для населения и бизнеса, то финансовая инклюзия — о том, как реально обстоит дело с использованием населением и бизнесом финансовых услуг, инструментов, продуктов.

среды исходит из необходимости развития политических институтов для ограничения волюнтаристских действий представителей власти. Необходимы не только определенные правовые институты, но и культура, в рамках которой должны быть исключены практики отказа правительства от исполнения условий собственных долговых обязательств, действий, имеющих характер экспроприации (включая неправомерное наложение ареста на активы или организации), судебное исполнение контрактов в пользу определенных групп, проявления иных форм конфликта интересов (Cortes Conde, 1999; Норт и др., 2011).

Ряд работ (Glaeser et al., 2004; Stulz, 2005; Jensen, 2008; Jensen & Johnston, 2011; Boubakri et al., 2013) интересен тем, что в них изложен политико-экономический взгляд на проблему финансовой инклюзии, касающуюся не бизнеса или не только бизнеса, но и домохозяйств. Авторы показали, как политики, действующие в логике поиска ренты, стремились экспроприировать богатство домохозяйств для достижения своих собственных интересов, в результате чего домохозяйствам становилось доступно меньше дискреционных денег. В итоге в разных исследуемых странах спрос на финансовые услуги падал, а уровень финансовой инклюзии если не снижался, но и не рос. Общими выводами работ является то, что финансовая доступность формируется в условиях лучшей защиты политических прав, поощрения общественного контроля, свободы политической конкуренции, сдерживания коррупции (Зингалес, Раджан, 2004; Haber & Perotti, 2008; Ma et al., 2024).

Продолжая ту же логику применительно к российскому рынку, можно проанализировать, например, в какой модели в стране до сих пор развивался сегмент сбережений. Здесь прежде всего мы концентрируем внимание на банковских депозитах и участии частных лиц в паевых инвестиционных фондах, НПФ, покупках полисов страхования жизни. Тогда как в развитых странах практически повсеместно верх одержала модель «открытой архитектуры» дистрибуции продуктов и инструментов, в которых сбережения граждан оказываются в руках управляющих активами (Абрамов и др., 2015), в России (несмотря на отсутствие каких-либо правовых препятствий) действует модель «закрытой архитектуры». Для российских граждан это по факту означает невозможность совершения операций с широким набором инструментов с единого счета, т. е. будучи клиентом одного *sell-side* игрока. Эти игроки — банки, крупные инвестиционные холдинги (компании с лицензиями брокеров, дилеров и доверительных управляющих на рынке ценных бумаг) — предпочитают создавать собственные линейки продуктов и удерживать внутри себя все клиентские покупки и операции. На выходе рынок оказывается малоликвидным, узким, дорогим для потребителя, а инвестиционные продукты низкодоходными или вовсе приносящими отрицательный реальный эффект своим держателям. Это сказывается и на показателе глубины рынка. Так, по данным Всемирного банка, индикатор «Активы инвестиционных фондов к ВВП» России на конец 2020 г. составлял всего 4,61 %, тогда как в Индии он находился на уровне 15,84 %, в КНР — 18,03 %, в ЮАР — 61,54 %, в Бразилии — 79,91 %[1].

Расширяя этот анализ, следует указать на то, что как для России, так и других стран с формирующимися рынками в той или иной степени характерны проблемы чрезмерно высокой концентрации в основных сегментах финансовых рынков

[1] World Bank. (2019). Global financial development report 2019/2020: Bank regulation and supervision a decade after the global financial crisis. *The World Bank*. https://www.worldbank.org/en/publication/gfdr/data/global-financial-development-database (дата обращения: 12.12.2024).

(главным образом на рынке банковских услуг), использования выборочного непрозрачного принципа в назначении налоговых льгот, преференций эмитентам, неселективного использования субсидирования процентных ставок в интересах определенных групп бизнеса (таков, например, случай субсидирования процентной ставки в рамках программы льготной ипотеки в России), закрытости информации об эмитентах (что имеет критически важное значение для принятия взвешенных инвестиционных решений на фондовом рынке). Эти практики нарушают баланс равновесия на рынках, искажают равновесную цену финансовых инструментов, создают прямые и транзакционные издержки и изменяют стоимость продуктов для большинства потребителей, сдерживая тем самым финансовое развитие и ослабляя его положительные эффекты для экономической динамики.

Можно показать, что технологии помогают отчасти преодолевать проблемы ограничений финансовой доступности, заставляя одновременно влиятельные политические силы отступать от своих позиций, ограждающих их доходы и ренты от конкуренции (Beck et al., 2007; Sarma & Pais, 2011). В особенности значимым является современный рывок в технологиях цифровизации, который значительно упростил и удешевил доступность финансовых услуг для большой массы пользователей (Криничанский, Зеленева, 2024). Здесь уместно показать, что согласование интересов узкого круга элит и широкой массы населения, а также других участников осуществляется в порядке предельно открытых возможностей для продвижения инноваций. Анализируя множество документов национальных финансовых регуляторов (включая Банк России), можно заметить, что они придерживаются подхода, согласно которому всемерно поощряется внедрение инноваций в сфере цифровизации финансового сектора[1]. Исключения касаются лишь тех случаев, когда затрагивается монополия центральных банков на эмиссию (ограничения, касающиеся криптовалют)[2], жесткости соблюдения требований «антиотмывочного» законодательства[3], практик, которые могли бы оказать серьезное негативное воздействие на финансовую стабильность. Реализация такого подхода большим числом стран обусловлена, на наш взгляд, высочайшей конкуренцией в данной сфере и соответствующими рисками технологического отставания в случае наложения избыточных запретов на инноваторов. Сегодняшний период в определенном смысле сравним с периодом, известным в истории финансового развития как период «свободного банковского дела» в США (Economopoulos & O'Neill, 1995; Moss & Brennan, 2004), сложившийся во многом благодаря конкуренции между штатами и по итогу принесшей внушительные выигрыши США, расширив доступ к рынку, способствовав быстрому росту кредитования и в конечном счете росту

[1] Центральный банк Российской Федерации. (2024). *Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 годов*. Москва: Банк России. http://www.cbr.ru/Content/Document/File/166399/onfintech_2025-27.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

[2] Центральный банк Российской Федерации. (2022). *Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций*. Москва: Банк России. http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

[3] Центральный банк Российской Федерации. (2024). *Становление и развитие механизмов удаленной идентификации в российской системе противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Доклад для общественных консультаций*. Москва: Банк России. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/166305/Consultation_Paper_09102024.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

как в аграрном, так и в промышленном секторах, позволившему США уже в конце XIX в. опередить по размеру экономики Великобританию.

Одновременно можно сказать, что новейшие технологии в финансовой сфере создают также и предпосылки для сохранения неравенства, дисбалансов и требуют дальнейшего углубленного анализа через призму политэкономических вопросов. В частности, поскольку доступность к определенным группам и типам продуктов формируется исключительно посредством цифровых каналов, обращает на себя внимание фактор цифрового неравенства, который создает основу для иных форм неравенства (по доходам, богатству) и создания дополнительной зоны социальной напряженности. Также отметим, что ряд продуктов и инструментов, появляющихся в связи с проникновением цифровизации, предусматривают опцию закрытости в смысле параметров финансового контракта и отражения факта его существования в каких-либо информационных системах. Такая возможность в 2024 г. появилась применительно к использованию цифровых финансовых активов в России[1]. Это также может формировать неравные условия для разных групп экономических агентов, поддерживать возможности определенных групп на сохранение имеющихся у них рент и привилегий.

Возвращаясь к анализу возможных путей преодоления проблемы ограничений финансовой доступности, отметим, что этот эффект может достигаться в ходе проведения политики финансовой либерализации и открытия национального финансового рынка для иностранных игроков. Однако политика финансовой либерализации оказалась де факто сложно реализуемой для многих стран с формирующимися рынками. Угроза финансовой стабильности, которая возникала при проведении политики открытости счета движения капитала, во множестве эпизодов реализовавшаяся в виде валютных кризисов, банковских кризисов и обвалов фондового рынка, стала восприниматься как ограничитель для проведения глубоких реформ. Мы замечаем, что отставание менее развитых стран по уровню индекса финансовой либерализации в сравнении с более развитыми за последние 50 лет совершенно не сократилось (рис.).

Как отмечается в работе (Mendoza et al., 2009), «финансовая интеграция была глобальным явлением, а финансовое развитие — нет». Реформы, которые интегрировали мировые рынки капитала, начатые в 1980-х гг., основывались на идеях концепции глобализации — преимуществах глобальных рынков для эффективного распределения ресурсов и распределения рисков между странами. Однако эти идеи реализовывались, игнорируя тот факт, что внутренние финансовые системы стран существенно различались по уровню развития. Причем, несмотря на определенные успехи стран в построении инфраструктуры, совершенствования законодательства, а в последние годы — цифровизации, эти различия сохраняются сегодня, препятствуя извлечению максимальной и справедливой выгоды от глобализации мировой экономики и рынков капитала для значительного числа стран.

Анализируя данные процессы, можно заметить, что политэкономический аспект может помогать в том числе лучшему пониманию процессов экономического взаимодействия стран, а также находить объяснение случаям, когда отдельные страны испытывают сложности в финансовом развитии. Политика финансо-

[1] См. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 09.12.2024).

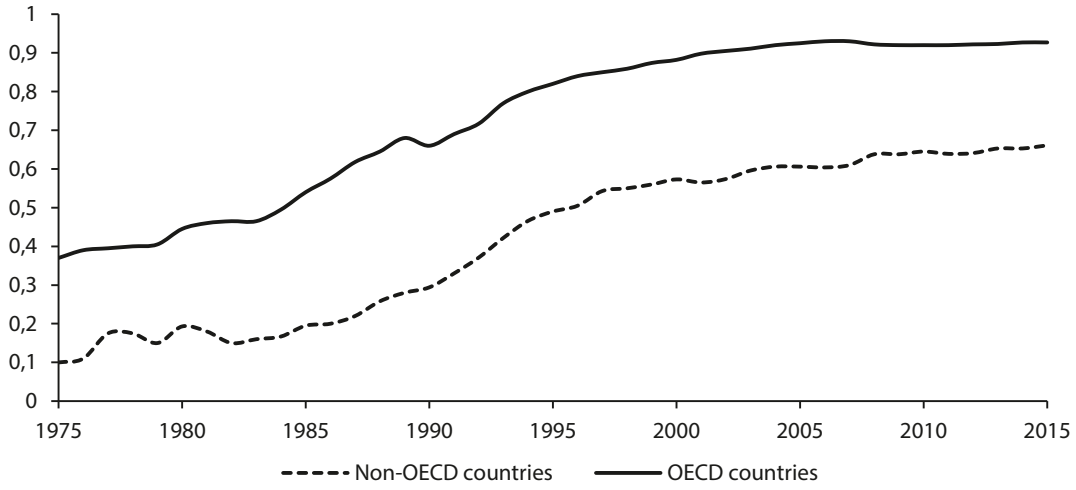

Рис. *История агрегированного индекса финансовой либерализации (источник: (Denk & Gomes, 2017))*
Fig. *The History of the Aggregated Financial Liberalization Index*

вой либерализации и открытости могла проводиться как компромисс части внутренних элит с зарубежными группами интересов, способствуя развитию национальных рынков многих стран[1]. В случае с Россией это реализовывалось по целому ряду направлений в части финансового сектора: развитие рынка еврооблигаций, значительные по объему заимствования крупнейших игроков на офшорных для России рынках, проведение IPO на зарубежных площадках, котирование акций российских эмитентов (или их «двойников» с офшорной регистрацией) на крупнейших мировых биржах, страхование внешней торговли, судоходства, своп-линии и т. д. Открытость фондового рынка для иностранных игроков не только обеспечивала мощную и эффективную конкуренцию (снижая издержки потребителей финансовых услуг), но и формировала более глубокий и профессиональный подход к экспертизе (оценке активов), в которой были заинтересованы крупнейшие мировые игроки, реализующие длинные стратегии с широкой международной диверсификацией активов. В настоящих условиях Россия вынуждена решать проблемы редомицилляции отечественных компаний, замещения иностранных участников, ушедших с отечественного рынка, испытывая сложности в части наполнения рынков ликвидностью, достижения должной глубины (в т. ч. в контексте связи глубины рынков с их устойчивостью, способностью сохранять стабильность в условиях повышенной волатильности и т. д.), обеспечения должной экспертизы.

4. Политико-экономическое преломление результатов финансового развития

Наконец, перейдем к рассмотрению наиболее обсуждаемой темы теории финансового развития, намечая в ней политэкономические аспекты и мотивы. Собственно, долгое время своеобразным камертоном «мейнстрима» теории фи-

[1] Альтернативная стратегия описывается в литературе следующим образом: носители глубинного государства и коалиция основных групп интересов отдают предпочтение подходу, при котором финансовую структуру формируют интересы резидентов — внутреннего капитала и рабочей силы, а не интересы широкого круга инвесторов и потребителей (включая зарубежные страны, корпорации и инвесторы - нерезиденты) (Pagano & Volpin, 2005; Perotti & von Thadden, 2006).

нансового развития является утверждение, что финансовое развитие способствует экономическому росту. Это утверждение и подкрепляющие его доказательства четко прозвучали еще в работах первой половины 1990-х гг. Так, статьи, построенные на анализе математических моделей, рассматривающие влияние финансового сектора как экзогенное (Romer, 1986; Lucas, 1988; Rebelo, 1991)[1], обнаруживают, что финансовая система обусловливает экономический рост, «влияя на норму капиталообразования, поскольку от уровня ее развития и проводимой посредством нее политики зависят норма сбережений и аллокация капитала среди технологий с разной производительностью» (Криничанский, 2023). В работах, построенных на шумпетерианской модели технологического прогресса (Romer, 1990; Grossman & Helpman, 1991; Aghion & Howitt, 1992; King & Levine, 1993), базирующихся на посыле о критически важной роли технологий и инноваций, финансовая система (ее эффективность) также оказывается важна в той мере, в которой она влияет на аллокацию капитала и норму технологических инноваций (Eschenbach, 2004). В других моделях (Bencivenga & Smith, 1991; Saint-Paul, 1992) авторам удается проследить значимость финансовых посредников, благодаря деятельности которых структура активов в экономике сдвигается в сторону более рискованной, но обеспечивающей при этом более высокие темпы экономического роста, а также значимость как финансовых посредников, так и ликвидных фондовых рынков, способствующих тому, что национальный портфель активов включает рисковые долгосрочные проекты с высокой рентабельностью (Bencivenga et al., 1995).

Огромное число работ, содержащих эмпирический анализ на панельных данных или временных рядах для отдельных стран, а в дополнение, на отраслевых данных, также в той или иной степени подтверждают вывод о наличии положительного направленного влияния финансового развития на экономический рост (Čihák et al., 2013; Demetriades & Rewilak, 2020; Cho et al., 2022), внедрение инноваций и повышение производительности (Aghion et al., 2018; Hsu et al., 2014), снижение бедности (Hasan et al., 2020).

В то же время, несмотря на то, что в подобных работах нет явной отсылки к политэкономическим аспектам, они могут содержать косвенные свидетельства значимости таких аспектов. Прежде всего это находит отражение в острых дискуссиях относительно возможной эндогенности моделей, споре о причинно-следственной связи, попытках объяснить связь финансов и роста, прибегая к анализу дополнительных значимых факторов, среди которых находится место политическому устройству, качеству институтов, правовой традиции, влиянию религиозных норм, языка и т. д. По выражению, прозвучавшему в работе (Haber & Perotti, 2008), большинство результатов эмпирических работ «не подтверждают, что финансы являются независимым источником роста». Также подчеркнем, что финансовый форсаж (Миркин, 2017) и финансиализация (Верников, Курышева, 2024) могут рассматриваться авторами в критическом ключе, высвечивая отрицательные экстерналии углубления кредитования, роста левериджа, роста капитализации рынков акций, способствующих углублению неравенства доходов (Mayer & Schnabl, 2021).

Кроме того, свидетельства значимости аспектов, относящихся к политэкономической сфере, обнаруживаются в том, что связь финансов и роста имеет разные ха-

[1] В моделях, используемых данными авторами, производство основано на технологии с постоянной отдачей от масштаба, а экономический рост обязан накоплению капитала и внешним эффектам капитала.

рактеристики в разных группах стран. Так, в работе (Rioja & Valev, 2004) показано, что в странах с низким доходом связь между финансовыми переменными[1] и экономическим ростом преимущественно проходит через канал накопления капитала. Напротив, в странах со средним и особенно высоким доходом экономическое развитие повышает рост производительности. Таким образом, сильный вклад финансового развития в рост производительности не происходит, пока страна не достигнет определенного уровня дохода.

Данный результат может быть истолкован так, что независимо от распространенного мнения о нежелательности централизованного вмешательства в процесс расширения кредитования на практике инструменты стимулирования в определенных (приоритетных) секторах применительно к странам с низким доходом могут быть полезны, поскольку, несмотря на отдельные неудачи, новые инвестиции все же имеют шанс положительно отразиться на темпах экономического роста. Также, возможно, в случае с такими странами вопрос доступности кредита мелким предприятиям может оказаться вторичен относительно вопроса доступности (и расширения) кредита как такового. В то же время, если речь идет об экономиках с высоким доходом, где более важен канал производительности, вмешательство в распределение кредита было бы нежелательным.

5. Выводы

Огромное внимание к финансовым рынкам и финансовому сектору в целом, объясняемое значительной ролью этого сектора в современной экономике, определяет столь же значительный интерес к нему со стороны исследователей. Однако, как показано в настоящей работе, обширная литература, сложившаяся вокруг темы финансового развития, в большей своей части посвящена узкому предмету, а именно изучению взаимосвязи финансового развития (представленного ограниченным набором метрик), с одной стороны, и экономического роста или иных характеристик социо-экономической динамики (промышленное производство, общая факторная производительность, инновации, неравенство и др.), с другой. Можно заметить, что эта литература часто больше смещается в сторону проблем макроэконометрики, нежели экономической теории или экономической политики.

В настоящей работе этот недостаток предлагается компенсировать помещением рассматриваемых взаимосвязей в рамку политэкономического дискурса. В результате мы приходим к нескольким выводам. Во-первых, ряд имеющихся результатов, полученных авторами, касающихся в частности различий реакции экономики на изменения финансовых переменных (например, кредитной глубины или степени участия центрального банка в финансировании экономики) в разрезе групп экономик (развитые, развивающиеся; с высоким, средним или низким уровнем дохода или финансового развития и пр.) может быть по-новому осмыслен, учитывая политэкономическую компоненту и реализм проводимой политики. Во-вторых, мы показали, что политэкономический контекст может хорошо объяснять ряд складывающихся структурных недостатков финансовых секторов, определяющих глубину отдельных секторов финансовых рынков в определенных странах.

[1] На практике это три индикатора — отношение кредита, предоставленного частному сектору, к ВВП; отношение активов банковского сектора к сумме активов коммерческих банков и центрального банка; отношение суммы ликвидных обязательств банков и иных финансовых институтов (наличных, вкладов до востребования и срочных процентных вкладов) к ВВП.

Это, в частности, относится к случаю серьезного отставания российского рынка по уровню развития сектора коллективных инвестиций. Мы показали, что группы специальных интересов, представляющих банковское лобби вместе с лобби крупнейших инвестиционных компаний, сдерживают развитие данного сектора, сохраняя доминирование действующей модели «закрытой» архитектуры дистрибуции продуктов и услуг. Наконец, в-третьих, мы показали, что в тех странах, где существуют препятствия для повышения уровня финансовой инклюзии, они могут смягчаться благодаря технологическим инновациям, а также проведению политики открытости. Вместе с тем в обоих способах существуют препятствия для того, чтобы желаемое повышение финансовой доступности оказалось реальностью. В случае с технологиями речь идет о проблеме цифрового неравенства, а также о том, что группы интересов могут использовать технологии, чтобы формировать нишевые рынки, сохраняя через них свои привилегии и ренты (это, в частности, может осуществляться в настоящее время с помощью инновационного для России рынка цифровых финансовых активов). В случае с международной открытостью, страны сталкиваются с другими проблемами, в частности описываемыми в литературе термином «асимметричная взаимозависимость» финансовых рынков.

В целом более широкое использование политэкономического дискурса в теории финансового развития может позволить находить более точные ответы на поставленные вопросы, в т. ч. объясняя нелинейность связи финансов и роста, финансов и неравенства, открывая возможности более точной интерпретации результатов, учитывая различающиеся мотивации и стимулы общественных групп. Одновременно мы находим перспективным развивать политэкономическую рамку анализа в вопросах, касающихся структурных проблем российского финансового сектора (а также анализа финансовых секторов других стран), что может позволить не только более трезво взглянуть на ожидания относительно положительных эффектов финансового развития для роста, преодоления проблем неравенства и т. п., но и найти действенные шаги экономической политики.

Список источников

Абрамов, А. Е. Акшенцева, К. С., Чернова, А. (2015). *Экономика инвестиционных фондов*. Москва: Дело АНХ, 720.

Верников, А. В., Курышева, А. А. (2024). Теоретические подходы к изучению финансиализации экономики. *AlterEconomics, 21* (2), 179–203. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.2

Зингалес, Л., Раджан, Р. (2004). *Спасение капитализма от капиталистов: Скрытые силы финансовых рынков — создание богатства и расширение возможностей*. Москва: Институт комплексных стратегических исследований; ТЕИС, 492.

Криничанский, К. В. (Ред.) (2023). *Современные концепции финансового развития: теория и методология:* монография. Москва: КНОРУС, 252.

Криничанский, К. В., Анненская, Н. Е. (2022). Понятие и перспективы финансового развития. *Вопросы экономики,* (10), 20–36. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-10-20-36

Криничанский, К. В., Зеленева, Е. С. (2024). Финтех-сектор в контексте финансового развития и проблем его измерения. *Финансы: теория и практика, 28* (5), 121–132. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-5-121-132

Миркин, Я. М. (2018). Финансовый форсаж. *Банковские услуги,* (10), 2–7.

Норт, Д. К., Уоллис, Дж., Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Москва: Издательство Института Гайдара, 480.

Acemoglu, D. (2010). Theory, General Equilibrium, and Political Economy in Development Economics. In *Journal of Economic Perspectives, 24* (3), 17–32. https://doi.org/10.1257/jep.24.3.17

Aghion, L., Howitt P., & Levine, R. (2018). Financial development and innovation-led growth. In *Handbook of Finance and Development* (pp. 3–30). Edward Elgar Publishing.

Aghion, P., & Howitt, P. (1992). A Model of Growth Through Creative Destruction. *Econometrica, 60* (2), 323–351. https://doi.org/10.2307/2951599

Agiropoulos, C., Karkalakos, S., & Polemis, M. L. (2019). Revisiting the finance-growth nexus: A socioeconomic approach. *MPRA Paper,* (95209). https://mpra.ub.uni-muenchen.de/95209/ (дата обращения: 20.09.2024).

Ang, J. B. (2011). Financial development, liberalization and technological deepening. *European Economic Review, 55* (5), 688–701. https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2010.09.004

Arcand, J. L., Berkes, E., & Panizza, U. (2015). Too much finance? *Journal of Economic Growth, 20* (2), 105–148. https://doi.org/10.1007/s10887-015-9115-2

Arestis, P., Chortareas, G., & Magkonis, G. (2015). The Financial Development and Growth Nexus: A Meta-Analysis. *Journal of Economic Surveys, 29* (3), 549–565. https://doi.org/10.1111/joes.12086

Beck, T. (2008). The Econometrics of Finance and Growth. *Policy Research Working Paper,* (4608). World Bank, Washington, DC. https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/6703 (дата обращения: 20.09.2024).

Beck, T. (2020). Finance, Institutions, and Development: Literature Survey and Research Agenda. In J. Baland, F. Bourguignon, J. Platteau & T. Verdier (Eds.), *The Handbook of Economic Development and Institutions* (pp. 218–252). Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9780691192017-009

Beck, T., Demirgüç-Kunt, A., & Levine, R. (2007). Finance, inequality and the poor. *Journal of Economic Growth, 12,* 27–49. https://doi.org/10.1007/s10887-007-9010-6

Bencivenga, V. R., & Smith, B. D. (1991). Financial Intermediation and Endogenous Growth. *The Review of Economic Studies, 58* (2), 195–209. https://doi.org/10.2307/2297964

Bencivenga, V. R., Smith, B. D., & Starr, R. M. (1995). Transactions Costs, Technological Choice, and Endogenous Growth. *Journal of Economic Theory, 67* (1), 153–177. https://doi.org/10.1006/jeth.1995.1069

Boubakri, N., Mansi, S. A., & Saffar, W. (2013). Political institutions, connectedness, and corporate risk-taking. *Journal of International Business Studies, 44,* 195–215. https://doi.org/10.1057/jibs.2013.2

Brei, M., Ferri, G., & Gambacorta, L. (2018). Financial structure and income inequality. *BIS Working Papers,* (756). https://doi.org/10.13140/RG.2.2.14133.32487

Cho, R., Desbordes, R., & Eberhardt, M. (2022). Too Much Finance... For Whom? The Causal Effects of the Two Faces of Financial Development. *CEPR Discussion Papers,* (17022). https://ideas.repec.org/p/cpr/ceprdp/17022.html (дата обращения: 20.09.2024).

Čihák, M., Demirgüç-Kunt, A., Feyen, E., & Levine, R. (2013). Financial development in 205 economies, 1960 to 2010. *Journal of Financial Perspectives, 1* (2), 17–36. https://ssrn.com/abstract=3076895 (дата обращения: 20.09.2024).

Cole, S. (2009). Fixing market failures or fixing elections? Agricultural credit in India. *American Economic Journal: Applied Economics, 1* (1), 219–250. https://doi.org/10.1257/app.1.1.219

Cortes Conde, R. (1999). The Origins of Banking in Argentina. In R. Sylla, R. Tilly & G. Tortella (Eds.), *The State, the Financial System, and Economic Modernization* (pp. 224–248). Cambridge University Press.

Deidda, L. G. (2006). Interaction between economic and financial development. *Journal of Monetary Economics, 53* (2), 233–248. https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2005.03.007

Demetriades, P. O., & Rewilak, J. M. (2020). Recovering the finance-growth nexus. *Economics Letters, 196,* 109563. https://doi.org/10.1016/j.econlet.2020.109563

Denk, O., & Gomes, G. (2017). Financial re-regulation since the global crisis?: An index-based assessment. *OECD Economics Department Working Papers,* (1396). https://doi.org/10.1787/0f865772-en

Dinç, I. S. (2005). Politicians and banks: political influences on government-owned banks in emerging markets. *Journal of Financial Economics, 77* (2), 453–479. https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2004.06.011

Economopoulos, A., & O'Neill, H. (1995). Bank entry during the Antebellum Period. *Journal of Money, Credit, and Banking, 27* (4), 1071–1085.

Ehigiamusoe, K. U., & Samsurijan, M. S. (2021). What matters for finance-growth nexus? A critical survey of macroeconomic stability, institutions, financial and economic development. *International Journal of Finance & Economics, 26* (4), 5302–5320. https://doi.org/10.1002/ijfe.2066

Eschenbach, F. (2004). Finance and Growth: A Survey of the Theoretical and Empirical Literature. *Tinbergen Institute Discussion Paper,* (TI 2004-039/2). https://doi.org/10.2139/ssrn.530123

Glaeser, E. L., La Porta, R., Lopez-De-Silanes, F., & Shleifer, A. (2004). Do institutions cause growth? *Journal of Economic Growth, 9,* 271–303. https://doi.org/10.1023/B:JOEG.0000038933.16398.ed

Grossman, G. M., & Helpman, E. (1991). Quality Ladders in the Theory of Growth. *The Review of Economic Studies, 58* (1), 43–61. https://doi.org/10.2307/2298044

Guo, F. He, S., & Lin, Z. (2023). Truths and Myths About the Finance-Growth Nexus in China: A Meta-Analysis. *Emerging markets finance and trade, 59* (5), 1408–1425. https://doi.org/10.1080/1540496X.2022.2136940

Haber, S., & Perotti, E. (2008). The Political Economy of Financial Systems. *Tinbergen Institute Discussion Paper,* (TI 2008-045/2).

Hasan, I., Horvath, R., & Mares, J. (2020). Finance and wealth inequality. *Journal of International Money and Finance, 108,* 102161. https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2020.102161

Hsu, P.-H., Tian, X., & Xu, Y. (2014). Financial development and innovation: Cross-country evidence. *Journal of Financial Economics, 112* (1), 116–135. https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2013.12.002

Jensen, N. (2008). Political risk, democratic institutions, and foreign direct investment. *The Journal of Politics, 70* (4), 1040–1052. https://doi.org/10.1017/S0022381608081048

Jensen, N. M., & Johnston, N. P. (2011). Political risk, reputation, and the resource curse. *Comparative Political Studies, 44,* 662–688. https://doi.org/10.1177/0010414011401208

Khwaja, A. I., & Mian, A. R. (2005). Do lenders favor politically connected firms? Rent provision in an emerging financial market. *Quarterly Journal of Economics, 120,* 1371–1411. https://doi.org/10.2139/ssrn.631703

King, R. G., & Levine, R. (1993). Finance, entrepreneurship, and growth: theory and evidence. *Journal of Monetary Economics, 32* (3), 513–542.

Kroszner, R. S., & Strahan, P. E. (1999). What drives deregulation? Economics and politics of the relaxation of bank branching restrictions. The *Quarterly Journal of Economics, 114* (4), 1437–1467. https://doi.org/10.1162/003355399556223

Levine, R. (1997). Financial Development and Economic Growth: Views and Agenda. *Journal of Economic Literature, 35* (2), 688–726.

Lucas, Jr. R. E. (1988). On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics, 22* (1), 3–42. https://doi.org/10.1016/0304-3932(88)90168-7

Ma, Y., Ding, Y., Bu, Z., & Li, S. (2024). Political freedom and financial inclusion: Unraveling social trust and political rent-seeking. *Journal of economic behavior & organization, 220,* 46–65. https://doi.org/10.1016/j.jebo.2024.01.024

Mayer, T., & Schnabl, G. (2021). Reasons for the Demise of Interest: Savings Glut and Secular Stagnation or Central Bank Policy? *The Quarterly Journal of Austrian economics, 24* (1), 3–40. https://doi.org/10.35297/qjae.010085

Mendoza, E. G., Quadrini, V., & Ríos-Rull, J.-V. (2009). Financial Integration, Financial Development, and Global Imbalances. *Journal of Political Economy, 117* (3), 371–416.

Moss, D. A., & Brennan, S. (2004). Regulation and Reaction: The Other Side of Free Banking in Antebellum. New York. *Harvard Business School Working Paper,* (04-038).

Ono, S. (2017). Financial development and economic growth nexus in Russia. *Russian Journal of Economics, 3* (3), 321–332. https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.09.006

Pagano, M., & Volpin, P. F. (2005). The Political Economy of Corporate Governance. *American Economic Review, 95* (4), 1005–1030. https://doi.org/10.1257/0002828054825646

Peia, O., & Roszbach, K. (2015). Finance and growth: Time series evidence on causality. *Journal of Financial Stability, 19,* 105–118. https://doi.org/10.1016/j.jfs.2014.11.005

Perotti, E. C., & von Thadden, E.-L. (2006). The Political Economy of Corporate Control and Labor Rents. *Journal of Political Economy, 114* (1), 145–174. https://doi.org/10.1086/500278

Popov, A. A. (2017). Evidence on Finance and Economic Growth. *ECB Working Paper,* (2115). http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3083917

Rebelo, S. (1991). Long-Run Policy Analysis and Long-Run Growth. *Journal of Political Economy, 99* (3), 500–521. https://doi.org/10.1086/261764

Rioja, F., & Valev, N. (2004). Finance and the Sources of Growth at various stages of Economic Development. *Economic Inquiry, 42* (1), 127–140. http://dx.doi.org/10.1093/ei/cbh049

Romer, P. M. (1986). Increasing Returns and Long-Run Growth. *Journal of Political Economy, 94* (5), 1002–1037. https://doi.org/10.1086/261420

Romer, P. M. (1990). Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy, 98* (5), 71–102. https://doi.org/10.1086/261725

Saint-Paul, G. (1992). Technological Choice, Financial Markets and Economic Development. *European Economic Review, 36* (4), 763–781. https://doi.org/10.1016/0014-2921(92)90056-3

Sapienza, P. (2004). The effects of government ownership on bank lending. *Journal of Financial Economics, 72* (2), 357–384. https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2002.10.002

Sarma, M., & Pais, J. (2011). Financial inclusion and development. *Journal of International Development, 23* (5), 613–628. https://doi.org/10.1002/jid.1698

Song, F., & Thakor, A. V. (2013). Notes on Financial System Development and Political Intervention. *The World Bank Economic Review, 27* (3), 491–513.

Stulz, R. M. (2005). The limits of financial globalization. *The Journal of Finance, 60* (4), 1595–1638. https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.2005.00775.x

References

Abramov, A. E. Akshenceva, K. S., & Chernova, A. (2015). *Ekonomika investicionnyh fondov [Economics of investment funds]*. Moscow: Delo Publ. (In Russ.)

Acemoglu, D. (2010). Theory, General Equilibrium, and Political Economy in Development Economics. *Journal of Economic Perspectives, 24* (3), 17–32. https://doi.org/10.1257/jep.24.3.17

Aghion, L., Howitt P., & Levine, R. (2018). Financial development and innovation-led growth. In *Handbook of Finance and Development* (pp. 3–30). Edward Elgar Publishing.

Aghion, P., & Howitt, P. (1992). A Model of Growth Through Creative Destruction. *Econometrica, 60* (2), 323–351. https://doi.org/10.2307/2951599

Agiropoulos, C., Karkalakos, S., & Polemis, M. L. (2019). Revisiting the finance-growth nexus: A socioeconomic approach. *MPRA Paper,* (95209). https://mpra.ub.uni-muenchen.de/95209/ (Date of access: 20.09.2024).

Ang, J. B. (2011). Financial development, liberalization and technological deepening. *European Economic Review, 55* (5), 688–701. https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2010.09.004

Arcand, J. L., Berkes, E., & Panizza, U. (2015). Too much finance? *Journal of Economic Growth, 20* (2), 105–148. https://doi.org/10.1007/s10887-015-9115-2

Arestis, P., Chortareas, G., & Magkonis, G. (2015). The Financial Development and Growth Nexus: A Meta-Analysis. *Journal of Economic Surveys, 29* (3), 549–565. https://doi.org/10.1111/joes.12086

Beck, T. (2008). The Econometrics of Finance and Growth. *Policy Research Working Paper,* (4608). World Bank, Washington, DC. https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/6703 (Date of access: 20.09.2024).

Beck, T. (2020). Finance, Institutions, and Development: Literature Survey and Research Agenda. In J. Baland, F. Bourguignon, J. Platteau & T. Verdier (Eds.), *The Handbook of Economic Development and Institutions* (pp. 218–252). Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9780691192017-009

Beck, T., Demirgüç-Kunt, A., & Levine, R. (2007). Finance, inequality and the poor. *Journal of Economic Growth, 12,* 27–49. https://doi.org/10.1007/s10887-007-9010-6

Bencivenga, V. R., & Smith, B. D. (1991). Financial Intermediation and Endogenous Growth. *The Review of Economic Studies, 58* (2), 195–209. https://doi.org/10.2307/2297964

Bencivenga, V. R., Smith, B. D., & Starr, R. M. (1995). Transactions Costs, Technological Choice, and Endogenous Growth. *Journal of Economic Theory, 67* (1), 153–177. https://doi.org/10.1006/jeth.1995.1069

Boubakri, N., Mansi, S. A., & Saffar, W. (2013). Political institutions, connectedness, and corporate risk-taking. *Journal of International Business Studies, 44,* 195–215. https://doi.org/10.1057/jibs.2013.2

Brei, M., Ferri, G., & Gambacorta, L. (2018). Financial structure and income inequality. *BIS Working Papers,* (756). https://doi.org/10.13140/RG.2.2.14133.32487

Cho, R., Desbordes, R., & Eberhardt, M. (2022). Too Much Finance... For Whom? The Causal Effects of the Two Faces of Financial Development. *CEPR Discussion Papers,* (17022). https://ideas.repec.org/p/cpr/ceprdp/17022.html (Date of access: 20.09.2024).

Čihák, M., Demirgüç-Kunt, A., Feyen, E., & Levine, R. (2013). Financial development in 205 economies, 1960 to 2010. *Journal of Financial Perspectives, 1* (2), 17–36. https://ssrn.com/abstract=3076895 (Date of access: 20.09.2024).

Cole, S. (2009). Fixing market failures or fixing elections? Agricultural credit in India. *American Economic Journal: Applied Economics, 1* (1), 219–250. https://doi.org/10.1257/app.1.1.219

Cortes Conde, R. (1999). The Origins of Banking in Argentina. In R. Sylla, R. Tilly & G. Tortella (Eds.), *The State, the Financial System, and Economic Modernization* (pp. 224–248). Cambridge University Press.

Deidda, L. G. (2006). Interaction between economic and financial development. *Journal of Monetary Economics, 53* (2), 233–248. https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2005.03.007

Demetriades, P. O., & Rewilak, J. M. (2020). Recovering the finance-growth nexus. *Economics Letters, 196,* 109563. https://doi.org/10.1016/j.econlet.2020.109563

Denk, O., & Gomes, G. (2017). Financial re-regulation since the global crisis?: An index-based assessment. *OECD Economics Department Working Papers,* (1396). https://doi.org/10.1787/0f865772-en

Dinç, I. S. (2005). Politicians and banks: political influences on government-owned banks in emerging markets. *Journal of Financial Economics, 77* (2), 453–479. https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2004.06.011

Economopoulos, A., & O'Neill, H. (1995). Bank entry during the Antebellum Period. *Journal of Money, Credit, and Banking, 27* (4), 1071–1085.

Ehigiamusoe, K. U., & Samsurijan, M. S. (2021). What matters for finance-growth nexus? A critical survey of macroeconomic stability, institutions, financial and economic development. *International Journal of Finance & Economics, 26* (4), 5302–5320. https://doi.org/10.1002/ijfe.2066

Eschenbach, F. (2004). Finance and Growth: A Survey of the Theoretical and Empirical Literature. *Tinbergen Institute Discussion Paper,* (TI 2004-039/2). https://doi.org/10.2139/ssrn.530123

Glaeser, E.L., La Porta, R., Lopez-De-Silanes, F., & Shleifer, A. (2004). Do institutions cause growth? *Journal of Economic Growth, 9,* 271–303. https://doi.org/10.1023/B:JOEG.0000038933.16398.ed

Grossman, G. M., & Helpman, E. (1991). Quality Ladders in the Theory of Growth. *The Review of Economic Studies, 58* (1), 43–61. https://doi.org/10.2307/2298044

Guo, F. He, S., & Lin, Z. (2023). Truths and Myths About the Finance-Growth Nexus in China: A Meta-Analysis. *Emerging markets finance and trade, 59* (5), 1408–1425. https://doi.org/10.1080/1540496X.2022.2136940

Haber, S., & Perotti, E. (2008). The Political Economy of Financial Systems. *Tinbergen Institute Discussion Paper,* (TI 2008-045/2).

Hasan, I., Horvath, R., & Mares, J. (2020). Finance and wealth inequality. *Journal of International Money and Finance, 108,* 102161. https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2020.102161

Hsu, P.-H., Tian, X., & Xu, Y. (2014). Financial development and innovation: Cross-country evidence. *Journal of Financial Economics, 112* (1), 116–135. https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2013.12.002

Jensen, N. (2008). Political risk, democratic institutions, and foreign direct investment. *The Journal of Politics, 70* (4), 1040–1052. https://doi.org/10.1017/S0022381608081048

Jensen, N. M., & Johnston, N. P. (2011). Political risk, reputation, and the resource curse. *Comparative Political Studies, 44,* 662–688. https://doi.org/10.1177/0010414011401208

Khwaja, A. I., & Mian, A. R. (2005). Do lenders favor politically connected firms? Rent provision in an emerging financial market. *Quarterly Journal of Economics, 120,* 1371–1411. https://doi.org/10.2139/ssrn.631703

King, R. G., & Levine, R. (1993). Finance, entrepreneurship, and growth: theory and evidence. *Journal of Monetary Economics, 32* (3), 513–542.

Krinichansky, K. V. (Eds.). (2023). *Sovremennye koncepcii finansovogo razvitiya: teoriya i metodologiya [Modern concepts of financial development: theory and methodology]*. Moscow: KnoRus Publ. (In Russ.)

Krinichansky, K. V., & Annenskaya, N. E. (2022). Financial development: The concept and prospects. *Voprosy Ekonomiki,* (10), 20–36. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-10-20-36 (In Russ.)

Krinichansky, K. V., & Zeleneva, E. S. (2024). Fintech Sector in the Context of Financial Development and Problems of its Measurement. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice], 28* (5), 121–132. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-5-121-132 (In Russ.)

Kroszner, R. S., & Strahan, P. E. (1999). What drives deregulation? Economics and politics of the relaxation of bank branching restrictions. *The Quarterly Journal of Economics, 114* (4), 1437–1467. https://doi.org/10.1162/003355399556223

Levine, R. (1997). Financial Development and Economic Growth: Views and Agenda. *Journal of Economic Literature, 35* (2), 688–726.

Lucas, Jr. R. E. (1988). On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics, 22* (1), 3–42. https://doi.org/10.1016/0304-3932(88)90168-7

Ma, Y., Ding, Y., Bu, Z., & Li, S. (2024). Political freedom and financial inclusion: Unraveling social trust and political rent-seeking. *Journal of economic behavior & organization, 220,* 46–65. https://doi.org/10.1016/j.jebo.2024.01.024

Mayer, T., & Schnabl, G. (2021). Reasons for the Demise of Interest: Savings Glut and Secular Stagnation or Central Bank Policy? *The Quarterly Journal of Austrian economics, 24* (1), 3–40. https://doi.org/10.35297/qjae.010085

Mendoza, E. G., Quadrini, V., & Ríos-Rull, J.-V. (2009). Financial Integration, Financial Development, and Global Imbalances. *Journal of Political Economy, 117* (3), 371–416.

Mirkin, Ya. M. (2018). Financial "afterburner". *Bankovskie uslugi [Banking services],* (10), 2–7. (In Russ.)

Moss, D. A., & Brennan, S. (2004). Regulation and Reaction: The Other Side of Free Banking in Antebellum. New York. *Harvard Business School Working Paper,* (04-038).

North, D. C., Wallis, J. J., & Weingast, B. R. (2011). *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva [Violence and social order. A conceptual framework for interpreting recorded human history]*. Moscow: Gaidar Institute Publishing. (In Russ.)

Ono, S. (2017). Financial development and economic growth nexus in Russia. *Russian Journal of Economics, 3* (3), 321–332. https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.09.006

Pagano, M., & Volpin, P. F. (2005). The Political Economy of Corporate Governance. *American Economic Review, 95* (4), 1005–1030. https://doi.org/10.1257/0002828054825646

Peia, O., & Roszbach, K. (2015). Finance and growth: Time series evidence on causality. *Journal of Financial Stability, 19,* 105–118. https://doi.org/10.1016/j.jfs.2014.11.005

Perotti, E. C., & von Thadden, E.-L. (2006). The Political Economy of Corporate Control and Labor Rents. *Journal of Political Economy, 114* (1), 145–174. https://doi.org/10.1086/500278

Popov, A. A. (2017). Evidence on Finance and Economic Growth. *ECB Working Paper,* (2115). http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3083917

Rebelo, S. (1991). Long-Run Policy Analysis and Long-Run Growth. *Journal of Political Economy, 99* (3), 500–521. https://doi.org/10.1086/261764

Rioja, F., & Valev, N. (2004). Finance and the Sources of Growth at various stages of Economic Development. *Economic Inquiry, 42* (1), 127–140. http://dx.doi.org/10.1093/ei/cbh049

Romer, P. M. (1986). Increasing Returns and Long-Run Growth. *Journal of Political Economy, 94* (5), 1002–1037. https://doi.org/10.1086/261420

Romer, P. M. (1990). Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy, 98* (5), 71–102. https://doi.org/10.1086/261725

Saint-Paul, G. (1992). Technological Choice, Financial Markets and Economic Development. *European Economic Review, 36* (4), 763–781. https://doi.org/10.1016/0014-2921(92)90056-3

Sapienza, P. (2004). The effects of government ownership on bank lending. *Journal of Financial Economics, 72* (2), 357–384. https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2002.10.002

Sarma, M., & Pais, J. (2011). Financial inclusion and development. *Journal of International Development, 23* (5), 613–628. https://doi.org/10.1002/jid.1698

Song, F., & Thakor, A. V. (2013). Notes on Financial System Development and Political Intervention. *The World Bank Economic Review, 27* (3), 491–513.

Stulz, R. M. (2005). The limits of financial globalization. *The Journal of Finance, 60* (4), 1595–1638. https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.2005.00775.x

Vernikov, A. V., & Kurysheva, A. A. (2024). Theoretical Perspectives on the Financialization of the Economy. *AlterEconomics, 21* (2), 179–203. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.2 (In Russ.)

Zingales, L., & Rajan, R. (2004). *Spasenie kapitalizma ot kapitalistov: Skrytye sily finansovykh rynkov — sozdanie bogatstva i rasshirenie vozmozhnostey [Saving Capitalism from the Capitalists: Unleashing the Power of Financial Markets to Create Wealth and Spread Opportunity]*. Moscow: Institute of integrated strategic studies; TEIS. (In Russ.)

Информация об авторе

Криничанский Константин Владимирович — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансовых рынков и финансового инжиниринга, Финансовый университет; https://orcid.org/0000-0002-1225-7263 (Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский пр., 49/2; e-mail: kkrin@ya.ru).

About the author

Konstantin K. Krinichansky — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the of Financial Markets and Financial Engineering Department, Financial University; https://orcid.org/0000-0002-1225-7263 (49/2, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russian Federation; e-mail: kkrin@ya.ru).

Дата поступления рукописи: 12.12.2024.
Прошла рецензирование: 19.12.2024.
Принято решение о публикации: 28.01.2025.
Received: 12 Dec 2024.
Reviewed: 19 Dec 2024.
Accepted: 28 Jan 2025.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.9
УДК 330.101, 378.1
JEL A22, B41, I23

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Экономическая теория: новые пути развития экономического образования в эпоху цифровой экономики[1]

Ольга Н. БУЧИНСКАЯ ✉
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Для цитирования: Бучинская, О. Н. (2025). Экономическая теория: новые пути развития экономического образования в эпоху цифровой экономики. *AlterEconomics, 22*(1), 121–140. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.9

Аннотация. Данное исследование направлено на изучение влияния цифровизации на экономическую теорию как науку и систему образования в целом. Предметом исследования является экономическая теория в двух своих ипостасях: как наука о взаимодействии экономических агентов и как дисциплина, преподаваемая в высших учебных заведениях. Целью исследования является выявление путей поднятия престижа экономической теории как в научных исследованиях, так и в сфере образования, а также поиск направлений улучшения качества высшего образования. Методология исследования включала анализ научной и учебной литературы по вопросам влияния положений цифровой экономики на основополагающие вопросы экономической теории, рабочих программ по экономической теории и цифровой экономике, а также исследований, посвященных изменениям в сфере образования, происходящим в процессе его цифровизации. Результатом исследования стало выявление качественных изменений в экономических отношениях. Тенденции монополизации, появление барьеров и ограничений в распространении информации и цифровых технологий, новые свойства цифровых товаров и услуг, нарушающие принятые в мейнстриме базовые понятия, требуют разработки новых подходов к анализу экономической реальности, однако в современной научной и учебной литературе данные положения раскрываются редко и фрагментарно. Соответственно, требуется модернизация российского экономического образования, где экономическая теория преподается в неизменном со времен неоклассического синтеза виде. Это снижает как эффективность получаемых студентами знаний, так и привлекательность экономической теории как науки. Выявлены практические проблемы образования, вызываемые процессами цифровизации, которые снижают качество обучения. Для преодоления выявленных проблем предлагается: актуализация экономической теории как науки и учебной дисциплины и решение ключевых проблем образования, связанных с политикой в отношении преподавательского состава, студенческого контингента и управление вузами. В основе новой системы образования должны лежать цифровые технологии, создаваемые совместно вузами, работодателями и отечественными цифровыми компаниями.

Ключевые слова: экономическая теория, методология экономического анализа, цифровизация, высшее образование

[1] © Бучинская О. Н. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Economic Theory: New Paths for the Development of Economic Education in the Digital Economy Era

Olga N. BUCHINSKAIA ✉
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation

For citation: Buchinskaia, O. N. (2025). Economic Theory: New Paths for the Development of Economic Education in the Digital Economy Era. *AlterEconomics, 22*(1), 121–140.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.9

Abstract. This study examines the impact of digitalization on economic theory and the education system, given the growing influence of digital processes on society. It focuses on economic theory in two contexts: as a science that analyzes the interaction of economic agents and as a discipline taught in higher education. The study aims to identify ways to enhance the prestige of economic theory both in research and education while improving the quality of higher education. The research method involved analyzing scientific and educational literature on the digital economy's effect on economic theory, course materials in economic theory and digital economics, and research on changes in education due to digitalization. The study identifies qualitative shifts in economic relations, such as monopolization, barriers in information and technology flows, and new characteristics of digital goods and services that challenge the mainstream economic concepts. These changes call for new approaches to analyzing economic reality. However, these issues are rarely addressed in current academic and educational literature. Consequently, there is a need to modernize Russian economic education, where economic theory has been taught in the same form since the neoclassical synthesis, reducing both the effectiveness of students' learning and the appeal of economic theory as a discipline. The study also highlights practical educational challenges posed by digitalization, which affect education quality. To address these, the author proposes revitalizing economic theory as both a science and an academic subject and tackling key educational issues related to faculty, students, and university management. The proposed education system should leverage digital technologies developed collaboratively by universities, employers, and Russian digital companies.

Keywords: economic theory, methodology of economic analysis, digitalisation, high education

1. Введение

Поступательное развитие научно-технического прогресса влияет не только на прикладные науки, но и на всё человеческое общество, воздействуя таким образом и на комплекс общественных наук. При этом меняются не только подходы к сбору и анализу информации, но также на основе использования новых технологий возрастает роль информации, меняются институциональные нормы взаимодействия между экономическими агентами, возникают новые формы доступа к информации и ее защиты. Возникновение Интернета в целом и Интернета вещей в частности способствует удаленным обмену информацией и управлению аппаратурой. Всё это влияет на экономику, внося новые факторы в спектр устоявшихся экономических отношений. П. Илиев (Iliev, 2022) относительно роли цифровизации в экономики выделяет три направления исследований:

1) экономика цифровизации — это научная область, которая использует инструментарий и методы экономической науки для изучения цифровой трансформации;

2) цифровая экономика (*digital economics*) — экономические отношения, в которых используется цифровая трансформация, цифровые модели и концепции для внедрения технологического элемента в анализ экономических систем или поведения;

3) цифровая экономика (*digital economy*), представляющая собой высокотехнологическую отрасль, основанную на цифровых технологиях.

Настоящее исследование имеет в фокусе первые два из перечисленных выше направлений. В первой части мы проанализируем, каким образом развитие цифровой экономики влияет на экономическую теорию как на науку, являющуюся базовой для развития более прикладных экономических дисциплин, и на набор инструментов экономического анализа. Во второй части рассмотрим влияние цифровой экономики на сферу образования с точки зрения того, какие проблемы необходимо решить для повышения качества российского высшего образования в целом и экономического образования в частности.

2. Литературный обзор

Как и любая другая наука, экономика подвержена эволюционному развитию. В большинстве работ по цифровизации отражается влияние цифровизации на деятельность предприятий (Прохоренков и др., 2021), экономику отдельных отраслей (Колбанев и др., 2020) и стран (Садыков, 2017). Среди наиболее актуальных трендов развития экономической теории О.В. Евграфова и соавторы выделяют бихевиористическое и цифровое направления как наиболее актуальные в современной научной реальности (Evgrafova et al., 2023). При этом оба этих направления могут сочетаться, как это показывает А. Малковска, иллюстрируя процесс ценообразования на рынке гиг-экономики (Małkowska, 2022). С другой стороны, З. Лью связывает развитие новых направлений экономического развития, включая цифровизацию, с развитием теорий нелинейного развития, в т. ч. теорию хаоса И. Пригожина, синергетику Г. Хакена и теорию гиперциклов М. Эйгена, показывая развитие междисциплинарного синтеза в современной экономической теории и использования аналитического инструментария из естественных наук (Liu, 2022a; 2022b).

Меняется и то, что до сих пор считалось положениями мейнстрима экономической теории: Х. Оверби и Дж. Одестад показывают следующие отличия цифровых отношений от традиционной микроэкономики:

1) отсутствие достижения нулевой экономической прибыли в условиях совершенной конкуренции. Вместо того, чтобы снижать цену, как это должно происходить в рамках конкурентной борьбы, компании идут путем индивидуализации предлагаемых товаров и услуг и монополизации определенных ниш на рынке. Таким образом, совершенная конкуренция фактически прекращает свое существование;

2) вместо позитивной и негативной обратной связи, которые влияют на устойчивость системы в условиях мейнстрима, формируется сетевой эффект, связанный с количеством задействованных пользователей, нежели с качеством поставляемой информации. При этом негативная обратная связь фактически обрубается самими сетевыми компаниями, что говорит о незаинтересованности бизнеса в мониторинге отрицательной связи, главным становится вовлечение все большего количества участников;

3) отвергается концепция статичного равновесия. Новая концепция равновесия воспринимается как динамика равновесных состояний, определяемая зависимостью от предшествующего развития (Overby & Audestad, 2018). При этом существует многообразие траекторий развития экономики с выбором направлений развития в точках бифуркации, как это показано в теории хаоса;

4) основными типами фирм на цифровом рынке становятся монополии и олигополии (Overby & Audestad, 2021).

Таким образом, значительно меняются условия взаимодействия экономических агентов и их мотивация. Однако эти изменения являются только частью трансформации экономических отношений, которые затрагивают более глубокие уровни экономического мировоззрения.

С точки зрения Ч. Эки и М. Оси, в цифровой экономике меняется сама концепция времени — если в «традиционной» экономике время линейно, то в цифровой реальности можно ожидать экспоненциального ускорения производственных процессов, поддерживаемых Интернетом (Eke & Osi, 2023).

Во многом специфика цифровой экономики основана на исследовании вопроса издержек. С точки зрения А. Голдфарба и К. Такер, отличие цифровой экономики от традиционных положений экономической теории заключается в том, что «цифровая экономика исследует, как меняются стандартные экономические модели, когда определенные издержки существенно снижаются и, возможно, приближаются к нулю» (Goldfarb & Tucker, 2019). И. Гуерон рассматривает особое свойство цифровых товаров не уменьшаться в количестве или качестве в процессе потребления и анализирует двойственный характер защиты интеллектуальных прав относительно данных товаров, с одной стороны, стимулирующих инновации и дающих собственникам прав монопольные преимущества; с другой стороны, сдерживающих технический прогресс и блокирующих новые исследования, построенные на запатентованных результатах (что, правда, не касается свободных лицензий) (Guéron, 2020). П. Илиев показывает тенденцию сервитизации товаров, т. е. приобретение последними свойств услуг, и по завершении этого процесса считает вероятным полное исчезновение частной собственности потребителей на продукты (Iliev, 2022). Эти положения показывают, что цифровая экономика приобретает новые свойства, противоречащие концепции экономического мейнстрима, основанной на незыблемости частной собственности, свободы потоков ресурсов и маржинальном анализе. Соответственно, изменения в экономических отношениях затрагивают не только периферию, но и ядро экономической теории.

Дж. Дотш поднимает комплекс проблем цифровых данных как особого товара в цифровой экономике: с одной стороны, всё еще не определены вопросы собственности на персональные данные, проблематика их отчуждения и издержки защиты. С другой стороны, автор привлекает внимание к растущей асимметрии информации относительно данных и возникающим в связи с этим провалам рынка (Dötsch, 2024). Вопросы формы собственности в цифровой экономике и возможность исключения государства из субъектов регулирования правовых отношений рассматривают С. Бортников и Г. Пракко (Bortnikov & Pracko, 2021).

Меняется и восприятие экономистами человека: Дж. Торрент-Селлерс рассматривает переход от Человека Разумного к Человеку Цифровому (*Homo Digitalis*), который включает в свои интересы такие цели, как социальное обеспечение и экологическая устойчивость, и существует во множественном мире, состоящем из биологических, социальных и виртуальных идентичностей (Torrent-Sellens, 2024). Несмотря на то, что термин «Человек Цифровой» появился еще в конце 1990-х гг. (Terceiro Lomba, 1996; Yepes, 1998), интерес к данному термину возрос у экономистов сравнительно недавно благодаря ускоряющемуся развитию цифровой технологий и неизбежно меняющемуся образу жизни. Д. Дас рассматривает основные

приоритеты Человека Цифрового как нацеленные на образование, здравоохранение и развлечение, предрекая развитие нового этапа капитализма, основанного на доминировании платформенных приложений (*appitalism*). При этом развитие дистанционного и платформенного образования, получившего серьезный толчок к этому в период пандемии COVID-19, рассматривается автором как угроза, поскольку открывает путь к частному рынку образования с неконтролируемым ценообразованием, приводит к сокращению количества учителей и образовательной инфраструктуры, что может снизить качество образования и больше расслоить уровни развития человеческого капитала (Das, 2023).

3. Экономическая теория и экономика цифровизации: необходимость модернизации подхода

Исходя из литературного обзора, можно констатировать, что в процессе цифровой трансформации экономические отношения приобретают новые черты, которые уже недостаточно укладываются в концепцию экономического мейнстрима. Меняется природа товара, отношения собственности, трудовые отношения и даже концепция человека. В результате, развитие Индустрии 5.0 создает комплекс вызовов, которые необходимо рассмотреть с позиции не только производственной практики, но и экономической теории (Buchinskaia, 2024).

Это все подразумевает необходимость модернизации экономической теории и прежде всего методологии экономического анализа, однако методология экономики цифровизации на данный момент не получает должного развития. Из работ, где рассматривается изменение методологии экономического анализа, можно выделить монографию З. Лью, который подходит к анализу методологии цифровой экономики с позиций австрийской школы и рассматривает особенности цифровой экономики как новый способ достижения консенсуса и эволюцию институциональных правил, анализирует важность экосистемы, создаваемой вокруг предприятия, приводит новую концепцию создания стоимости, отмечая, что ее источником в цифровой экономике являются не труд или капитал, а капитал и взаимная выгода (Liu, 2022b, p. 60). Однако необходимо отметить, что автор очень многие свои выводы делает на абсолютизации принципов блокчейна и доверия, основанного на консенсусе. Однако современный мир крайне далек от консенсуса, особенно в вопросах распределения ресурсов, что говорит о том, что влияние принципов блокчейна на экономические законы пока еще имеет достаточно отдаленные перспективы.

В более ранней работе, представляющей собой учебные материалы по цифровой экономике, Х. Оверби и Дж. Одестад разъясняют понятие цифрового товара и услуги, подчеркивая их специфику нулевых предельных издержек и высоких фиксированных издержек, показывают возможности продажи нишевых товаров с «длинным хвостом» в цифровой экономике, раскрывают категорию среднего дохода на пользователя, описывают специфику производства цифровых товаров и возможности долевого финансирования с использованием цифровых платформ. Кроме традиционной цепочки создания стоимости, они раскрывают такие варианты, как «магазин создания ценности» (*Value shop*), специфика которого заключается не в производстве, а в предоставлении консалтинговых и исследовательских услуг, и «сетевое создание ценности» (*Value network*), спецификой которой является то, что такая сеть сама по себе создает ценность для предприятий,

контролирующих или эксплуатирующих ее. Х. Оверби и Дж. Одестад приводят схему расчета издержек, специфических для сетевой деятельности, рассматривают влияние сетевых эффектов, показывают инструменты, применяемые фирмами, чтобы задержать клиентов от перехода к конкурентам (*lock-in*), и издержки «переманивания» клиентов от конкурентов (*switching costs*). В работе описывается формирование монополий в цифровой экономике. Подобные элементы, в принципе, возможно вписать в мейнстрим при некоторой его корректировке. Есть, однако, в данном пособии и достаточно спорные концепции, в частности «сетевая нейтральность», под которой подразумевается отсутствие дискриминации в отношении данных на основе отправляющих / получающих пользователей, контента или приложений (Overby & Audestad, 2018b, p.114). Это положение отражает дух современного экономического мейнстрима с его опорой на свободное перетекание ресурсов на основе совершенной конкуренции. Однако современные реалии ограничения доступа к информации, связанные с финансовыми, экономическими или геополитическими причинами, включая цифровую колонизацию, непосредственно связанную с неравным положением стран в плане технологического и информационного пространства (Бучинская, 2024, с. 86–87), показывают, что, как и совершенная конкуренция, сетевая нейтральность остается понятием идеальным, не имеющим воплощения на реальном рынке цифровых товаров и услуг. Ограничение доступа к технологиям и отсутствие доверия подрывают ключевые принципы цифровой экономики, описываемые М. Дудиным (2019). Соответственно, требуется разработка нового подхода к цифровой экономике, основанного на современных экономических и геополитических реалиях.

В России учебная литература по цифровой экономике пока достаточно ограничена. В частности, часто рекомендуется учебник Л.И. Сергеева и соавторов[1], однако теоретическая составляющая в данном труде ограничивается первыми двумя главами, в которых рассматривается в основном специфика платформенного бизнеса, являющаяся лишь частью цифровой экономики; в пособии также приводится сравнение аналоговой и цифровой экономик. В работе затрагивается, хотя и не раскрывается, дискуссионный вопрос по информационной теории стоимости, которая развивается с середины XX в. (Howard, 1966), однако фактически имеет под собой комплекс различных воплощений: с одной стороны, это развитие трудовой теории стоимости, представленное работами Е.В. Луценко и Н.С. Головнина (2024), на которые ссылается автор учебника. В другой интерпретации информационная теория стоимости понимается как источник внутренней полезности, воплощенной в товарах, обеспечивающих антиэнтропийный эффект для потребителей (Rodríguez & Cáceres-Hernández, 2018). Третье направление подразумевает теорию информационной ценности как попытку количественной оценки информации, являющуюся частью теории принятия решений, основанной на Байесовских методах оценки (Thöns et al., 2025). Основная же часть учебника посвящена практикоориентированным вопросам цифровой экономки.

Аналогичная ситуация наблюдается и с учебником «Основы цифровой экономики» под редакцией М.Н. Конягиной[2], где вопросам экономической теории по-

[1] Сергеев, Л. И., Сергеев, Д. Л., Юданова, А. Л. (2024). *Цифровая экономика*: учебник для вузов. Москва: Юрайт. 437.

[2] Конягина, М. Н., Багоян, Е. Г., Демьянец, М. В., Десятиченко, Д. Ю., Десятиченко, О. Ю., Казанская, Н. Н., Кириллова, А. В., Конникова, О. А., Конников, Е. А., Костромин, К. А., Усачева, Е. А. (2024). *Основы цифровой экономики*: учебник и практикум для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 235.

священа вторая глава издания. В данной главе рассматривается роль государства и фирмы в цифровой трансформации, перечисляются риски цифровизации. Рассматривая микроэкономическую теорию в условиях цифровой экономики, авторы рассказывают о использовании фирмами цифровых двойников, необходимости использования фирмами новых бизнес-моделей, включая применение искусственного интеллекта, цифровизации каналов и механизмов взаимодействия экономических агентов. К сожалению, данная тематика является более практикоориентированной. С теоретической стороны авторы достаточно хорошо раскрывают смещение отдельных элементов пучка прав собственности в сторону использования благ и выбора потребителя в пользу пользования объектами чужой собственности вместо приобретения собственных благ. В параграфе, посвященном изменениям в макроэкономической составляющей экономической теории, говорится о возможности роста структурной безработицы из-за процессов автоматизации, повышении роли государства в управлении цифровой экономикой, в т. ч. для обеспечения приемлемого уровня асимметрии информации, которой пытаются воспользоваться в своих интересах крупные компании. Авторы учебника говорят о расширении возможностей проведения ценовой дискриминации, упоминается возможность получения рентного дохода фирмами и государствами – цифровыми лидерами. Однако при этом допускается предположение, что «макроэкономическое регулирование масштабов и пропорций внедрения IT будет основываться на принципах микроэкономического анализа, в частности на «золотом правиле равенства предельного дохода предельным издержкам»[1]. Это равенство, справедливое для аналоговых благ, может не соблюдаться в цифровой экономике, в которой предельные издержки на производство цифровых товаров и услуг стремятся к нулю, а предельный доход от присоединения нового пользователя не уменьшается.

Соответственно, без развитой методологии исследования и при дефиците учебной литературы формируются и преподаваемые курсы. В частности, можно отметить курс «Принципы цифровой экономики» НИУ ВШЭ[2], в качестве основной литературы к которому предусмотрены сборники кейсов (Knapp et al., 2016; Urbach & Röglinger, 2019), что может быть полезно при решении прикладных задач, но не позволяет оценить принципы цифровой экономики и новые экономические закономерности, формируемые в межагентских отношениях цифровизацией. Похожая ситуация с прикладной направленностью дисциплины наблюдается и в других рабочих программах, в частности Казанского Федерального университета[3].

Таким образом, в современном научно-образовательном пространстве обнаруживается крайне малое количество литературы, посвященной методологии изучения новых экономических реалий, направленных на модернизацию экономической теории. В то же время те материалы, которые нашли свое отражение в научной и учебной литературе, охватывают малое количество тех изменений, которые

[1] Конягина, М. Н., Багоян, Е. Г., Демьянец, М. В., Десятиченко, Д. Ю., Десятиченко, О. Ю., Казанская, Н. Н., Кириллова, А. В., Конникова, О. А., Конников, Е. А., Костромин, К. А., Усачева, Е. А. (2024). *Основы цифровой экономики*: учебник и практикум для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 235.

[2] Principles of Digital Economics Elective course. https://www.hse.ru/en/edu/courses/646530715#library (дата обращения: 15.12.2024).

[3] Программа дисциплины «Основы цифровой экономики». https://kpfu.ru/pdf/portal/oop/281480.pdf (дата обращения: 15.12.2024); Программа дисциплины «Введение в цифровую экономику». https://kpfu.ru/pdf/portal/oop/266910.pdf (дата обращения: 15.12.2024).

произошли в теоретической экономике под воздействием цифровой трансформации общества, или дают достаточно расплывчатое представление о происходящих процессах. Но должны ли знания о базовых теоретических положениях в экономике даваться на курсах, ориентированных на достижение прикладных компетенций? Или эта задача базового курса, который дает представление об основах функционирования экономических систем?

Поскольку фактором успешного распространения экономических концепций является их релевантность институционально-групповому дискурсу (Кирдина-Чендлер, 2022), а экономическая теория в ее текущем состоянии очевидно перестает ему соответствовать, данное научное направление находится в очевидном кризисе. Это иллюстрируется и снижением количества научных статей, посвященных именно теоретическим проблемам в экономике (рис. 1) и уходом экономической теории из учебных планов неэкономических направлений обучения. На экономических направлениях ситуация несколько лучше за счет расширенных курсов микро-и макроэкономики, однако основу рабочих программ все также составляют принципы неоклассического синтеза, и развитие курсов идет не за счет учета изменений в экономических процессах, а через усложнение теоретических моделей, рассматриваемых на курсах, оставляя принципы мейнстрима неизменными.

Исходя из этого, очевидна необходимость пересмотра курсов экономической теории с учетом тех изменений, которые привносят с собой цифровая экономика и экономические реалии современного мира. К ключевым темам, которые требуют своего пересмотра, следует отнести:

— понятие товаров, услуг и их свойств: необходимо определить различие между «традиционными» товарами и услугами и их цифровыми аналогами, учитывая особенности их производства, распределения и потребления;

— понятие собственности с учетом анализа особенностей расщепления пучка прав собственности в цифровую эпоху;

— понятие издержек, которое должно включать новые типы издержек, формирующиеся в условиях цифровой экономики. Это касается не только трансакционных издержек (Пигорев, 2018), которые, по сути, присутствуют и на нециф-

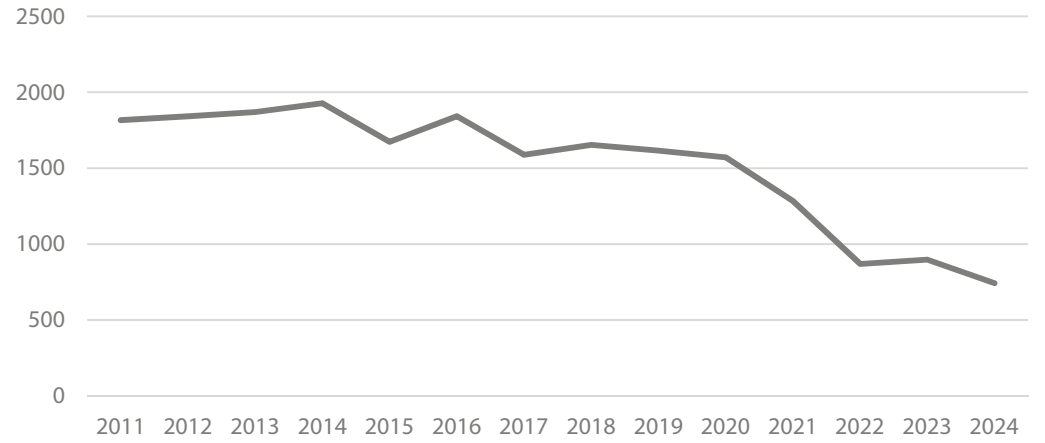

Рис. 1. *Статистика публикаций по запросу «Economic theory» в базе данных Semantic Scholar (источник: Semantic Scholar: сайт. https://www.semanticscholar.org/ (дата обращения: 15.12.2024))*
Fig. 1. *Publication Statistics for "Economic Theory" in the Semantic Scholar Database*

ровом рынке и, как правило, изучаются на курсе институциональной экономике, но также и новых типов издержек, упоминаемых у Х. Оверби и Дж. Одестад (Overby & Audestad, 2018b), включая невозвратные издержки, издержки, направленные на сохранение клиентуры и т. д., а также отражать специфику динамики издержек у цифровых благ, которые первоначально велики за счет необходимости построения специфической инфраструктуры, но по мере развития производства имеют тенденцию к снижению благодаря околонулевым предельным издержкам;

— необходим отказ от рассмотрения совершенной конкуренции и свободного передвижения ресурсов как краеугольного камня современной экономической теории, поскольку данная концепция отражает идеальную картину, фактически не встречающуюся в современных реалиях. Вместо этого в учебных курсах желательно сосредоточиться на анализе рынков несовершенной конкуренции, оставив понятие совершенной конкуренции как некого идеального, но малодостижимого результата действия рыночных сил.

Важным изменением в программах экономической теории должна стать и модификация тем касающихся рынков ресурсов: помимо модификации темы рынка труда, отражающего в т. ч. специфику занятости в области цифровой экономики, включая гиг-экономику, глоботику и их опасности для национального рынка труда; специфику цифрового рынка труда, включая платформы, аккумулирующие трудовые ресурсы в цифровой экономике и специфику платформенного ценообразования относительно рынка труда. Важным вопросом в условиях цифровой экономики остается и защита прав работников, поскольку информационные технологии не только облегчают труд, но могут и усиливать эксплуатацию работника (Lata et al., 2023; Лобачева и др., 2023; Арзамасова, 2024). Крайне желательно ввести в рассмотрение рынок информации как разновидность рынка ресурсов, поскольку информация является особого рода ресурсом, в котором спрос и предложение достаточно специфичны (Вартанова, 2007), а ограничения свободного перетока информации (и высокотехнологических продуктов) являются одной из причин углубляющегося социально-экономического разрыва между странами.

Подобная модернизация имеет под собой несколько целей:

1) придание нового импульса к развитию экономической теории как учебной дисциплины, сделав ее актуальной не только для экономистов, но и для неэкономических специальностей;

2) развитие у студентов экономического мышления, основанного на существующих экономических реалиях и понимании актуальных экономических процессов;

3) снижение влияния экономического мейнстрима, теряющего связь с экономическими реалиями;

4) повышение интереса к экономической теории как к науке и стимулирование исследований в этой области.

Таким образом, возможно добиться восстановления роли экономической теории как базовой дисциплины, изучение которой необходимо для формирования адекватного восприятия реальности и углубленного изучения экономических дисциплин, что повысит качество российского образования.

4. Цифровая экономика в образовании

Крайне неоднозначно цифровизация влияет на процессы образования, причем не только экономического, но и образования вообще. С одной стороны, кажется,

что распространение технологий, доступность информации, создание дистанционных курсов, сетевых курсов повышения квалификации, доступность учиться у лучших представителей профессии должно улучшить качество образования, однако фактически общество сталкивается с усилением поляризации высшего образования, нежели с тенденцией выравнивания качества обучения в сторону его повышения. Л. Робинсон и другие эксперты в области изучения цифрового неравенства отмечают, что учащиеся, не имеющие достаточного доступа к цифровым ресурсам, с меньшей вероятностью получат более высокие оценки. Кроме того, молодежь с низким доходом теоретически может повысить свое благосостояние, выбрав прибыльные профессии в области науки, технологии, инженерии и математики (STEM), однако на практике у них часто меньше шансов получить образование в этой области (Robinson et al., 2020). А. Михайлов и соавторы показывают, что пандемия COVID-19, придавшая существенный импульс цифровизации образовательных процессов, увеличила и цифровое неравенство в этой сфере, что, в итоге, приводит к снижению конкурентоспособности национальных экономик (Mikhailov et al., 2024).

Л. Черниевиц при анализе онлайн-курсов показывает три источника цифрового неравенства в сфере образования:

1) жизненное неравенство — доступность качественного высшего образования населению;

2) неравенство в ресурсах, учитывающее разную обеспеченность техническими средствами и софтом, необходимыми для обучения (что касается как студентов, так и вузов в целом), цифровыми навыками;

3) экзистенциальное неравенство, когда целью университета становится не качество образования, а выход на мировые рынки, и в результате порождается деление на «топовые» университеты и остальные, статус которых существенно занижается. На международном уровне это приводить к превалированию университетов и курсов «Глобального Севера» (Czerniewicz, 2018).

Рост значения экзистенциального неравенства в сфере образования усиливается: все большее значение имеет пиар высших учебных заведений для попадания в различного рода рейтинги и создание себе имиджа «Университета мирового уровня», на что руководством образовательных заведений тратятся значительные суммы. Однако сами рейтинги достаточно непрозрачны, слабо сопоставимы и зачастую основываются на субъективной оценке различного рода экспертов. В результате, как отмечает Е.В. Балацкий: «Рейтинги университетов настроены не столько на реальные экономические и технологические успехи, сколько на информационные и теоретические проявления исследовательской деятельности» (Balatsky & Ekimova, 2022, p. 56).

Более связанной с реальностью предполагается предлагаемая авторами модель «Университета высшего класса», подразумевающего тесную связь образовательного процесса с высокотехнологичными секторами национальной экономики посредством участия в НИОКР передовых национальных компаний (Балацкий, Екимова, 2022, с. 9), однако для становления университетов подобного типа необходимы серьезные реформы сферы образования, чтобы в обеспечивать реальное, а не только декларируемое взаимодействие производства и образования. Кроме того, возникает вопрос о повышении качества образовательного процесса в тех направлениях обучения, в которых достаточно сложно установить связь производ-

ственного процесса с высокотехнологичными производствами: прежде всего это касается гуманитарных и социальных направлений, включая экономические.

К подобным шагам, направленным на повышение качества образования, следует отнести политику в отношении профессионально-педагогического состава (ППС), политику в отношении студенческого состава и политику в отношении управления вузом, как это представлено на рисунке 2. В отношении ППС необходимо пересмотреть критерии оценки, используемые для продления контрактов. На текущий момент это критерии количественные, что принуждает преподавателей отвлекаться от преподавательской деятельности ради написания большого количества научных работ без углубления в тематику исследований и создания массы электронных курсов для продления контракта. Вместо этого рекомендуется оценивать качественные показатели по выпускаемым курсам и пособиям. Нежелательным также является увлечение внешними показателями, такими как публикация в зарубежных журналах, поскольку данная мера стимулирует преподавателей к публикации в сомнительных платных изданиях и утечке научных достижений, которые могут быть оперативно освоены за рубежом до того, как найдут свое применение в отечественной практике, что может существенно снизить конкурентные преимущества страны. Для того чтобы обеспечить реальную продуктивную научную и методологическую деятельность преподавателей, необходимо снижение учебной нагрузки, что противоречит существующим трендам на ее увеличение. В текущих условиях преподаватель должен проверять и пе-

Рис. 2. *Пути повышения эффективности высшего образования (источник: сост. автором)*
Fig. 2. *Strategies for Improving Higher Education Efficiency*

репроверять всё большее количество домашних заданий, курсовых и т. д., которые студентами фактически не выполняются и получаются путем генерирования в больших языковых моделях или продажи на сетевых площадках, в т. ч. и за авторством других преподавателей (Чепуренко, Чернышева, 2024). Подобная бесполезная, по сути, работа отнимает время, которое продуктивно могло бы быть использовано для совершенствования учебных курсов или проведения научных исследований. Соответственно, актуальным должно стать создание новых видов проверки получаемых студентами компетенций, в частности через различного рода симуляторы. Третьей составляющей должна быть система повышения квалификации преподавателей для освоения ими новых навыков и тенденций в преподаваемых ими дисциплинах. И вот тут очень полезными будут сетевые курсы ведущих мировых и российских вузов, опыт которых будет эффективно распространяться на региональные учебные заведения.

Политика относительно студенческого состава должна обязательно включать прекращение практики контингентосбережения, когда студентов фактически «дотягивают» до диплома, закрывая глаза на большое количество академических задолженностей. Для достижения «мирового» уровня вуз должен жестко карать студентов за выявленный плагиат, вплоть до отчисления. Несмотря на то, что данные меры противодействия плагиату часто прописаны в кодексах этики как российских, так и зарубежных вузов, на практике ввиду тенденции к сохранению контингента они не выполняются (Ефимова, 2013). Кроме того, в настоящее время студентам предоставлена возможность участия в различных видах внеучебной активности в стенах вуза, которая фактически заменяет собой учебу, что отрицательно влияет на мотивацию студента к образованию. Необходимо вместо этого вовлекать студентов в научно-исследовательскую деятельность, прививая им опыт реальной работы и участия в исследованиях и одновременно компенсируя цифровыми навыками студентов менее развитые цифровые навыки ППС старшего возраста. К сожалению, на данный момент эта практика получает мало развития.

Относительно политики управления вузом также необходимо менять KPI. На данный момент широкую практику получают такие показатели, как процент иностранных студентов и преподавателей, однако это выливается в прием и сохранение в вузах низкокачественного контингента иностранных обучающихся, что оказывает демотивирующее влияние как на преподавателей, которые фактически вытесняются иностранными специалистами, так и на студентов, которые видят, что значительная часть иностранных обучающихся имеет достаточно низкую мотивацию и успехи в учебной деятельности, но при этом их стараются сохранить. Недопустимо злоупотреблять и развитием электронных курсов — это было необходимо в период пандемии, однако в настоящий момент применение электронных курсов зачастую снижает контакт между преподавателем и студентом. Еще больший ущерб сфере образования приносит практика закупки региональными вузами электронных курсов ведущих вузов — это сокращает контингент и качество региональных преподавателей, которых становится легко заменить именитыми профессорами, читающими курсы фактически без контакта с аудиторией, а обратная связь обеспечивается менее квалифицированными преподавателями семинарских занятий. Применение вузовских электронных курсов целесообразно ограничить применением для закрытия академической разницы или повторным прослушиванием отстающими студентами, а также сбором курсовых и практи-

ческих работ (при разработке эффективной системы противодействия плагиату и «покупным» работам).

Необходимо отказаться от практики получения вузами различных рейтингов как самоцели и направлять освободившиеся ресурсы на обеспечение технической оснащенности учебного процесса, использование интернет-тренажеров и симуляторов, облегчающих наглядность обучения. К созданию подобных симуляторов, по сути, являющихся цифровыми двойниками изучаемых процессов, необходимо, кроме преподавателей вузов, привлекать высокотехнологичные отечественные фирмы, специализирующиеся на производстве программного обеспечения, и предприятия-партнеры, которые заинтересованы в выпускниках данных учебных заведений.

Последний фактор, на который необходимо обратить внимание в политике управления вузом, — это соответствие и актуальность рабочих программ современным тенденциям в производственной практике и науке. В этом случае важным является сотрудничество между вузами, предприятиями-работодателями и научно-исследовательскими институтами, на основе которого должны подготавливаться и проходить экспертизу рабочие программы дисциплин.

Кроме вышеперечисленных аспектов, востребованных в большинстве направлений высшего образования, необходимо затронуть и ту специфику, с которой сталкивается экономическое образование в период цифровизации. В первую очередь это превалирование прикладных дисциплин над теоретическими, усиление роли эконометрики и математико-экономического анализа. Это естественно в цифровую эпоху, однако зачастую при проведении корректного математического анализа у студентов и выпускников отсутствуют навыки правильной интерпретации полученных данных, что получается, когда имеется недостаток теоретической подготовки специалистов. Из-за этого эффективность получаемых студентами практических навыков существенно снижается.

Второй проблемой современного экономического образования является его оторванность от объективной реальности и явлений цифровой экономики, определяющих текущие взаимоотношения между экономическими агентами, что уже рассматривалось нами в первой части данного исследования. Для решения необходима переработка образовательных программ с целью приведения их в соответствие с современными реалиями.

Третья проблема экономического образования истекает из последствий принятия Россией болонской системы: последствием разделения на бакалавриат и магистратуру стало не только сокращение часов на отдельные дисциплины (и прежде всего на экономическую теорию), но и непонятный статус экономической магистратуры: поскольку поступление в магистратуру по экономике выпускников бакалавриата неэкономических специальностей разрешалось и даже приветствовалось, первый курс магистратуры фактически был «выравнивающим», когда выпускники неэкономических направлений подготовки получали базовые знания по экономике, соответственно, для выпускников экономических направлений в это время нового материала фактически не было. Таким образом, первые из описанной группы студентов получали скорее диплом, нежели знания и навыки, поскольку за 2 года маловероятно «дотянуть» студента без начальной подготовки даже до уровня бакалавра, а вторая группа получала минимальный прирост знаний и навыков. Выход России из болонской системы дарит надежду на прекращение

подобных практик и возврат к единому непрерывному циклу подготовки специалистов в области экономики или хотя бы ограничение на поступление в магистратуру по экономике выпускников неэкономических направлений бакалавриата.

5. Заключение

В настоящее время экономическая теория как область познания столкнулась с серьезным кризисом. Он связан не только со снижением интереса к данной области знаний среди исследователей, но и с уменьшением часов, выделяемых на изучение данного предмета в высших учебных заведениях, а также замещением теоретического поиска инструментальными методами исследования. Это все влияет и на состояние качества экономического образования, и на снижение роли экономической теории как науки. Оторванность экономической теории от реального мира приводит к тому, что экономическое образование, даваемое университетами в духе мейнстрима, начинает восприниматься как ложное (Weeks, 2014; Кирдина-Чэндлер, 2017). Одна из причин такого падения интереса к данной области научного знания связана с тем, что сложившийся подход к содержанию экономической теории основан на положениях мейнстрима и фактически не отражает тех изменений в социально-экономических механизмах взаимодействия экономических агентов, которые сложились в настоящий момент под воздействием цифровизации.

Соответственно, требуется пересмотр действующих положений экономической теории и приведение их в соответствие с текущими экономическими реалиями взаимодействия традиционной и цифровой составляющих экономики, что должно стать первостепенной задачей ученых, специализирующихся в области теоретической экономики. По итогам данного научного дискуса необходимо сформировать те положения обновленной экономической теории, которые станут основой рабочих программ по экономической теории для высших учебных заведений. Это огромный объем исследовательской и методической работы, который должен возродить интерес к экономической теории со стороны научного сообщества.

Пересмотр положений экономической теории является не единственной проблемой российского образования, включая экономическое. Необходимо сменить понимание успешности вузов и отказаться от гонки за рейтингами. Вместо этого нужно сосредоточиться на повышении качества образования и устранении неравенства в сфере образования, которые порождаются тенденциями его цифровизации. Следует учитывать и то отрицательное влияние на качество обучения, которое оказывают цифровые сервисы, прямо или косвенно влияющие на сферу образования. Это требует новых подходов к организации учебного процесса. Для повышения эффективности российского образования следует решить ряд проблем, касающихся политики в отношении ППС, студенческого состава и управления вузами в целом. Использование цифровых технологий должно быть рациональным и полезным для сферы образования, в его основе должно лежать не умножение электронных курсов, а реализация образовательных проектов в сотрудничестве вузов, промышленных предприятий и отечественных производителей высокотехнологичных цифровых продуктов.

Список источников

Арзамасова, Е. Л. (2024). Влияние цифровизации и автоматизации на рынок труда и занятость в различных отраслях экономики. *Человек. Общество. Инклюзия, 15*(2), 37–45. https://doi.org/10.24412/2412-8139-2024-2-37-45

Балацкий, Е. В., Екимова, Н. А. (2022). Концепция университетов мирового класса: время радикального пересмотра. *Социальное пространство, 8*(3). https://doi.org/10.15838/sa.2022.3.35.3

Бучинская, О. Н. (2024). Цифровая колонизация — новое явление мировой экономики. *Экономическая наука современной России,* (3), 78–92. https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-3(106)-78-92

Вартанова, Э. Р. (2007). Спрос и предложение на информационный продукт. *Terra Economicus, 5*(2–2), 43–49.

Дудин, М. Н. (2019). Политическая экономия в эпоху цифровой революции: устойчивость и гибкость объекта, предмета и метода К. Маркса. *Экономика и социум: современные модели развития, 9*(2), 205–218.

Ефимова, Г. З. (2013). Анализ основных стратегий борьбы с проявлениями недобросовестности в науке и образовании. *Russian Journal of Education and Psychology,* (2(22)). http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-2-15

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2017). Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований), 9*(4), 6–15. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.4.006-015

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2022). Экономическая теория, идеология и экономический интерес. *AlterEconomics, 19*(1), 71–92. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.5

Колбанёв, М. О., Верзун, Н. А., Нестеренко, Е. С. (2020). Применение и влияние цифровых технологий в экономической деятельности. В *Информационные системы и технологии в экономической деятельности: Сборник статей* (с. 27–32). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Лобачева, Е. Н., Погребинская, Е. А. Рыбина, Г. А. (2023). Проблема субъектности человека в интеллектуальной экономике. В *Интеллектуальная инженерная экономика и индустрия 5.0 (ЭКОПРОМ): Сборник трудов Международной научно-практической конференции* (с. 487–490). Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС.

Луценко, Е. В., Головин, Н. С. (2024). *Системы*. Краснодар: КубГАУ, 518. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.22863.09123

Пигорев, Д. П. (2018). Трансакционные издержки в цифровой экономике. Под ред. д-ра экон. наук И. Н. Щепиной, *Системное моделирование социально-экономических процессов: аннотации к докладам 41-ой Международной научной школы-семинара, г. Нижний Новгород, 30 сентября — 4 октября 2018 г.* (с. 129). Воронеж: Истоки.

Прохоренков, П. А., Комаров, П. И., Хроменкова, Г. А., Тищенкова, Г. З. (2021). Экспертная оценка влияния цифровизации компаний на экономические и финансовые показатели. *Фундаментальные исследования,* (8), 56–64. https://doi.org/10.17513/fr.43082

Садыков, Т. У. (2017). Методологические вопросы цифровой экономики. *Философия хозяйства. Специальный выпуск,* 121–128.

Чепуренко, А. Ю., Чернышева, М. В. (2024). Рынок академических текстов в России (по данным экспертного опроса). *Социологические исследования,* (3), 44–56. https://doi.org/10.31857/S0132162524030047

Balatsky, E. V., & Ekimova, N. A. (2022). World-class universities and technological development: Unanswered questions. *Journal of new economy, 23*(3), 43–61. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2022-23-3-3

Bortnikov, S. P., & Pracko, G. S. (2021). Law Of The Digital Economy: Law Corpus Vs Economics Animus. In S. I. Ashmarina, V. V. Mantulenko, M. I. Inozemtsev, & E. L. Sidorenko (Eds.), *Global Challenges and Prospects of The Modern Economic Development, 106. European Proceedings of*

Social and Behavioural Sciences (pp. 1686–1697). European Publisher. https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.04.02.201

Buchinskaia, O. (2024). Industry 5.0: Quo Vadis? Challenges and Concerns for Future Development. *Lecture Notes in Information Systems and Organisation, 70,* 39–53. https://doi.org/10.1007/978-3-031-66801-2_4

Czerniewicz, L. (2018). Inequality as higher education goes online. In N. Bonderup Dohn, S. Cranmer, JA. Sime, M. de Laat, T. Ryberg (Eds.), *Networked learning: Reflections and challenges* (pp. 95–106). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-74857-3_6

Das, D. (2023). Homo Sapiens to Homo Digitalis. Understanding the Economy of NEP 2020. *Economic & Political Weekly, 58* (24), 13.

Dötsch, J. J. (2024). *Economic Policy in the Digital Age. Contributions to Economics.* Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-53047-0

Eke, C. I., & Osi, M. U. (2023). The Gathering Clouds: The Case of Time and Digital Economics. *East African Journal of Business and Economics, 6* (1), 226–232. https://doi.org/10.37284/eajbe.6.1.1310

Evgrafova, O. V., Bondarenko, A. V., Vasilyuk, T. N., & Kozlovskaya, E. A. (2023). Human Capital in the "Behavioral-Digital" Economics. In E. I. Lazareva, A. D. Murzin, B. A. Rivza, V. N. Ostrovskaya (Eds.), *Innovative Trends in International Business and Sustainable Management. Approaches to Global Sustainability, Markets, and Governance* (pp. 241–248). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-19-4005-7_27

Goldfarb, A., & Tucker, C. (2019). Digital Economics. *Journal of Economic Literature, 57* (1), 3–43. https://doi.org/10.1257/jel.20171452

Guéron, Y. (2020). Digital Economics. 경제논집, *59* (1), 3–52. https://hdl.handle.net/10371/168577 (дата обращения: 11.12.2024).

Howard, R. A. (1966). Information value theory. *IEEE Transactions on systems science and cybernetics, 2* (1), 22–26. https://doi.org/10.1109/TSSC.1966.300074

Iliev, P. (2022). The digital economy, as part of the general economic theory (economics of digitization/digitization). *Scientific Conference of the Department of General Economic Theory* (pp. 267–272). University of Economics-Varna.

Knapp, J., Zeratsky, J., & Kowitz, B. (2016). *Sprint: How to solve big problems and test new ideas in just five days.* Simon and Schuster.

Lata, L. N., Burdon, J., & Reddel, T. (2023). New tech, old exploitation: Gig economy, algorithmic control and migrant labour. *Sociology Compass, 17* (1), e13028. https://doi.org/10.1111/soc4.13028

Liu, Z. (2022a). Ecological Vision of Digital Economy Evolution. *The Power of Ideas: A History of Technological Thoughts on Digital Economics* (pp. 19–36). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-19-4574-8_2

Liu, Z. (2022b). *Principles of Digital Economics. Innovation Theory in the Age of Intelligence.* Springer Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9020-4

Małkowska, A. (2022). Behavioural economics and the digital economy. In *The Digital Economy and the European Labour Market* (pp. 89–104). Routledge.

Mikhailov, A., Tikhonov, A., & Fedulov, V. (2024). Digital inequality in education: Features of manifestation and types of discrimination during COVID-19 pandemic. *Education and Information Technologies, 29,* 20493–20504. https://doi.org/10.1007/s10639-024-12640-z

Overby, H., & Audestad, J. A. (2018a). *Digital Economics.* Norway: Norwegian University of Science and Technology.

Overby, H., & Audestad, J. A. (2018b). *Digital economics: How information and communication technology is shaping markets, businesses, and innovation.* CreateSpace Independent Publishing Platform.

Overby, H., & Audestad, J. A. (2021). Digital Monopolies and Oligopolies. In *Introduction to Digital Economics: Foundations, Business Models and Case Studies* (pp. 193–206). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-78237-5_13

Robinson L., Schulz, J., Blank, G., Ragnedda, M., Ono, H., Hogan B., Mesch, G. S., Cotton, S. R., Kretchmer, S. B., Hale, T. M., Drabowicz, T., Yan, P., Wellman, B., Harper, M.-G., Quan-Haase, A., Dunn, H. S., Casilli, A. A., Tubaro, P. Carveth, R., Chen, W., Wiest, J. B., Dodel, M., Stern, M. J., Ball, C., Huang, K.-T., & Khilnani, A. (2020). Digital inequalities 2.0: Legacy inequalities in the information age. *First Monday, 25* (7). http://dx.doi.org/10.5210/fm.v25i7.10842

Rodríguez, R. A., & Cáceres-Hernández, J. J. (2018). Information, entropy, value, and price formation: An econophysical perspective. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications, 512,* 74–85. https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.08.005

Terceiro Lomba, J. B. (1996). *Sociedad digital: Del homo sapiens al homo digitalis.* Alianza Editorial.

Thöns, S., Caprani, C., Havbro Faber, M., Frangopol, D. M., Gardoni, P., Giordano, P. F., Honfi, D., Iannacone, L., Shihabuddin Khan, M., Köhler, J., Kim, S., de Koker, N., Limongelli, M. P., Miraglia, S., Nielsen, J. S., Pandey, M., & Viljoen, C. (2025). On information value and decision analyses. *Structural Safety, 113,* 102481. https://doi.org/10.1016/j.strusafe.2024.102481

Torrent-Sellens, J. (2024). Homo digitalis: narrative for a new political economy of digital transformation and transition. *New Political Economy, 29* (1), 125–143. https://doi.org/10.1080/13563467.2023.2227577

Urbach, N., & Röglinger, M. (2019). *Digitalization Cases: How Organizations Rethink Their Business for the Digital Age.* Springer.

Weeks, J. (2014). *Economics of the 1 %: How Mainstream Economics Serves the Reach, Obscures Reality and Distorts Policy.* Anthem Press.

Yepes, J. L. (1998). Hombre y documento: del homo sapiens al homo documentator. *Scire: Representación Y organización Del Conocimiento, 4* (2), 11–22. https://doi.org/10.54886/scire.v4i2.1094

References

Arzamasova, E. L. (2024). The impact of digitalization and automation on the labor market and employment in various sectors of the economy. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya [Human. Society. Inclusion], 15* (2), 37–45. https://doi.org/10.24412/2412-8139-2024-2-37-45 (In Russ.)

Balatsky, E. V., & Ekimova, N. A. (2022). World-class universities and technological development: Unanswered questions. *Journal of new economy, 23* (3), 43–61. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2022-23-3-3

Balatsky, E. V., & Ekimova, N. A. (2022). The Concept of World-Class Universities: Time for Radical Revision. *Sotsial'noe prostranstvo [Social area], 8* (3). https://doi.org/10.15838/sa.2022.3.35.3 (In Russ.)

Bortnikov, S. P., & Pracko, G. S. (2021). Law Of The Digital Economy: Law Corpus Vs Economics Animus. In S. I. Ashmarina, V. V. Mantulenko, M. I. Inozemtsev, & E. L. Sidorenko (Eds.), *Global Challenges and Prospects of The Modern Economic Development, 106. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (pp. 1686–1697). European Publisher. https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.04.02.201

Buchinskaia, O. (2024). Industry 5.0: Quo Vadis? Challenges and Concerns for Future Development. *Lecture Notes in Information Systems and Organisation, 70,* 39–53. https://doi.org/10.1007/978-3-031-66801-2_4

Buchinskaia, O. N. (2024). Digital Colonization — a New Phenomenon of the World Economy. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia],* ((3), 78–92. https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-3(106)-78-92 (In Russ.)

Chepurenko, A. Yu., & Chernysheva, M. V. (2024). The Market of Academic Texts in Russia (according to a qualitative survey). *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies],* (3), 44–56. https://doi.org/10.31857/S0132162524030047 (In Russ.)

Czerniewicz, L. (2018). Inequality as higher education goes online. In N. Bonderup Dohn, S. Cranmer, JA. Sime, M. de Laat, T. Ryberg (Eds.), *Networked learning: Reflections and challenges* (pp. 95–106). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-74857-3_6

Das, D. (2023). Homo Sapiens to Homo Digitalis. Understanding the Economy of NEP 2020. *Economic & Political Weekly, 58* (24), 13.

Dötsch, J. J. (2024). *Economic Policy in the Digital Age. Contributions to Economics*. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-53047-0

Dudin, M. N. (2019). Political economy in the era of the digital revolution: the stability and flexibility of the object, object and method of K. Marx. *Ekonomika i sotsium: sovremennye modeli razvitiya [Economics and Society: Contemporary Models of Development], 9*(2), 205–218. (In Russ.)

Efimova, G. Z. (2013). The analysis of crucial ways of struggle against the display of dishonesty in the field of science and education. *Russian Journal of Education and Psychology,* (2(22)). http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-2-15 (In Russ.)

Eke, C. I., & Osi, M. U. (2023). The Gathering Clouds: The Case of Time and Digital Economics. *East African Journal of Business and Economics, 6*(1), 226–232. https://doi.org/10.37284/eajbe.6.1.1310

Evgrafova, O. V., Bondarenko, A. V., Vasilyuk, T. N., & Kozlovskaya, E. A. (2023). Human Capital in the "Behavioral-Digital" Economics. In E. I. Lazareva, A. D. Murzin, B. A. Rivza, V. N. Ostrovskaya (Eds.), *Innovative Trends in International Business and Sustainable Management. Approaches to Global Sustainability, Markets, and Governance* (pp. 241–248). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-19-4005-7_27

Goldfarb, A., & Tucker, C. (2019). Digital Economics. *Journal of Economic Literature, 57*(1), 3–43. https://doi.org/10.1257/jel.20171452

Guéron, Y. (2020). Digital Economics. 경제논집, *59*(1), 3–52. https://hdl.handle.net/10371/168577 (Date of access: 11.12.2024).

Howard, R. A. (1966). Information value theory. *IEEE Transactions on systems science and cybernetics, 2*(1), 22–26. https://doi.org/10.1109/TSSC.1966.300074

Iliev, P. (2022). The digital economy, as part of the general economic theory (economics of digitization/digitization). *Scientific Conference of the Department of General Economic Theory* (pp. 267–272). University of Economics-Varna.

Kirdina-Chandler, S. G. (2017). Radical Institutional Economics and Fakery for the 21st Century. *Journal of Institutional Studies, 9*(4), 6–15. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.4.006-015 (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G. (2022). Economic theory, ideology, and economic interests. *AlterEconomics, 19*(1), 71–92. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.5 (In Russ.)

Knapp, J., Zeratsky, J., & Kowitz, B. (2016). *Sprint: How to solve big problems and test new ideas in just five days*. Simon and Schuster.

Kolbanev, M. O., Verzun, N. A., & Nesterenko, E. S. (2020). The application and impact of digital technologies in economic activity. In *Informatsionnye sistemy i tekhnologii v ekonomicheskoy deyatel'nosti: Sbornik statey [Information systems and technologies in economic activity: Collected works]* (pp. 27–32). St. Petersburg: Saint Petersburg state University of Economics. (In Russ.)

Lata, L. N., Burdon, J., & Reddel, T. (2023). New tech, old exploitation: Gig economy, algorithmic control and migrant labour. *Sociology Compass, 17*(1), e13028. https://doi.org/10.1111/soc4.13028

Liu, Z. (2022a). Ecological Vision of Digital Economy Evolution. *The Power of Ideas: A History of Technological Thoughts on Digital Economics* (pp. 19–36). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-19-4574-8_2

Liu, Z. (2022b). *Principles of Digital Economics. Innovation Theory in the Age of Intelligence*. Springer Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9020-4

Lobacheva, E. N., Pogrebinskaya, E. A., & Rybina, G. A. (2023). The problem of human subjectivity in the knowledge economy. In *Intellektual'naya inzhenernaya ekonomika i industriya 5.0 (EKOPROM): Sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Intellectual Engineering Economics and Industry 5.0 (IEEI_5.0_ECOPROM): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]* (pp. 487–490). St Petersburg: Polytech Press Publ. (In Russ.)

Lutsenko, E. V., & Golovin, N. S. (2024). *Sistemy [Systems]*. Krasnodar: KubSAU. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.22863.09123 (In Russ.)

Małkowska, A. (2022). Behavioural economics and the digital economy. In *The Digital Economy and the European Labour Market* (pp. 89–104). Routledge.

Mikhailov, A., Tikhonov, A., & Fedulov, V. (2024). Digital inequality in education: Features of manifestation and types of discrimination during COVID-19 pandemic. *Education and Information Technologies, 29,* 20493–20504. https://doi.org/10.1007/s10639-024-12640-z

Overby, H., & Audestad, J. A. (2018a). *Digital Economics*. Norway: Norwegian University of Science and Technology.

Overby, H., & Audestad, J. A. (2018b). *Digital economics: How information and communication technology is shaping markets, businesses, and innovation.* CreateSpace Independent Publishing Platform.

Overby, H., & Audestad, J. A. (2021). Digital Monopolies and Oligopolies. In *Introduction to Digital Economics: Foundations, Business Models and Case Studies* (pp. 193–206). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-78237-5_13

Pigorev, D. P. (2018). Transaction costs in digital economy. In V. G. Grebennikov, I. N. Shchepina (Eds.), *Sistemnoe modelirovanie sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov: annotatsii k dokladam 41-oy Mezhdunarodnoy nauchnoy shkoly-seminara, g. Nizhniy Novgorod, 30 sentyabrya — 4 oktyabrya 2018 g., pod red. d-ra ekon. nauk I. N. Shchepinoy [System modeling of social-economic processes: The Abstracts of 41-th International scientific school-seminar],* (p. 129). Voronezh: Istoki. (In Russ.)

Prokhorenkov, P. A., Komarov, P. I., Khromenkova, G. A., & Tischenkova, G. Z. (2021). Expert assessment of the influence of digitalization of companies on economic and financial performance. *Fundamental'nye issledovaniya [Fundamental Research],* (8), 56–64. https://doi.org/10.17513/fr.43082 (In Russ.)

Robinson L., Schulz, J., Blank, G., Ragnedda, M., Ono, H., Hogan B., Mesch, G. S., Cotton, S. R., Kretchmer, S. B., Hale, T. M., Drabowicz, T., Yan, P., Wellman, B., Harper, M.-G., Quan-Haase, A., Dunn, H. S., Casilli, A. A., Tubaro, P. Carveth, R., Chen, W., Wiest, J. B., Dodel, M., Stern, M. J., Ball, C., Huang, K.-T., & Khilnani, A. (2020). Digital inequalities 2.0: Legacy inequalities in the information age. *First Monday, 25* (7). http://dx.doi.org/10.5210/fm.v25i7.10842

Rodríguez, R. A., & Cáceres-Hernández, J. J. (2018). Information, entropy, value, and price formation: An econophysical perspective. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications, 512,* 74–85. https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.08.005

Sadykov, T. U. (2017). Methodological questions of digital economy. *Filosofiya khozyaystva, Spetsial'nyy vypusk [Philosophy of Economy, Special Issue],* 121–128. (In Russ.)

Terceiro Lomba, J. B. (1996). *Sociedad digital: Del homo sapiens al homo digitalis*. Alianza Editorial.

Thöns, S., Caprani, C., Havbro Faber, M., Frangopol, D. M., Gardoni, P., Giordano, P. F., Honfi, D., Iannacone, L., Shihabuddin Khan, M., Köhler, J., Kim, S., de Koker, N., Limongelli, M. P., Miraglia, S., Nielsen, J. S., Pandey, M., & Viljoen, C. (2025). On information value and decision analyses. *Structural Safety, 113,* 102481. https://doi.org/10.1016/j.strusafe.2024.102481

Torrent-Sellens, J. (2024). Homo digitalis: narrative for a new political economy of digital transformation and transition. *New Political Economy, 29* (1), 125–143. https://doi.org/10.1080/13563467.2023.2227577

Urbach, N., & Röglinger, M. (2019). *Digitalization Cases: How Organizations Rethink Their Business for the Digital Age*. Springer.

Vartanova, E. R. (2007). Supply and demand for an information product. *Terra Economicus, 5* (2–2), 43–49. (In Russ.)

Weeks, J. (2014). *Economics of the 1 %: How Mainstream Economics Serves the Reach, Obscures Reality and Distorts Policy.* Anthem Press.

Yepes, J. L. (1998). Hombre y documento: del homo sapiens al homo documentator. *Scire: Representación Y organización Del Conocimiento, 4* (2), 11–22. https://doi.org/10.54886/scire.v4i2.1094

Информация об авторе

Бучинская Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр экономической теории, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-

5421-2522 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: buchinskaia.on@uiec.ru).

About the author

Olga N. Buchinskaia — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Center for Economic Theory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-5421-2522 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: buchinskaia.on@uiec.ru).

Дата поступления рукописи: 04.12.2024.
Прошла рецензирование: 13.12.2024.
Принято решение о публикации: 28.01.2025.
Received: 04 Dec 2024.
Reviewed: 13 Dec 2024.
Accepted: 28 Jan 2025.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.10
УДК 330.88
JEL B31 B41

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Экономисты русского авангарда[1]

Светлана Г. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация
Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2025). Экономисты русского авангарда. *AlterEconomics, 22*(1), 141–160. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.10

Аннотация. В статье обращено внимание на вклад в экономическую науку некоторых российских экономистов начала XX века, опередивших свое время. Мы назвали их «экономистами русского авангарда» и рассматриваем «экономический авангард» как часть известного явления культуры — русского авангарда, представляющего собой пример творческого новаторства в исследовании мира во времена социальных потрясений в связи с резко возрастающей сложностью. Такие периоды называют системными кризисами, и их исследование как в искусстве, так и в науке предполагает выход за пределы известного знания. К русскому экономическому авангарду в первую очередь мы относим таких оригинальных социальных экономистов, как Пётр Кропоткин (1842–1921), Александр Богданов (1873–1928) и Николай Кондратьев (1892–1938). В исследовании продемонстрирована контекстуальная общность складывания русского творческого авангарда как в искусстве, так и в экономической науке, а также обращается внимание на персональную «мультидисплинарность» их лидеров. Выявлена общность диалектики авангарда в русском искусстве и русской социально-экономической науке начала XX века. Она состоит в том, что, с одной стороны, представители авангарда заходят «слишком далеко» на пути разрушения принятых норм (или смены парадигмы). С другой стороны, они делают своего рода «шаг назад», возвращаясь к более традиционным для российской культуры представлениям и структурно более ясным формам и инструментам. На этой основе для творческого восприятия становится возможным вновь охватить целостность сложного, казалось бы, распадающегося во времена потрясений окружающего мира. В начале XX века это выразилось в череде европейских революций и трансформации общественных структур, которые уже не справлялись с возросшей индустриальной и социально-экономической сложностью. В этих условиях представители русского авангарда в искусстве и науке предъявили своих художественные системы и научные теории. Обращено внимание на параллели между вызовами начала XX века и современными вызовами начала XXI века, что формирует аналогичную тенденцию в теоретизировании нынешних российских экономистов. Это служит дополнительным обоснованием возвращения имен экономистов российского авангарда в экономику как образовательную дисциплину.

Ключевые слова: экономисты русского авангарда, Пётр Кропоткин, Александр Богданов, Николай Кондратьев, методология экономической науки, история экономической мысли России

[1] © Кирдина-Чэндлер С. Г. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Economists of the Russian Avant-Garde

Svetlana G. KIRDINA-CHANDLER ✉
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Kirdina-Chandler, S. G. (2025). Economists of the Russian Avant-Garde. *AlterEconomics, 22*(1), 141–160. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.10

Abstract. The paper highlights the contributions of early 20th-century Russian economists who were ahead of their time. Referred to as the "economists of the Russian avant-garde," they are considered part of the broader Russian avant-garde movement — a cultural phenomenon associated with creative innovation in times of social upheaval and increasing complexity. Such periods, known as systemic crises, necessitate going beyond established knowledge in both art and science. Key figures in the Russian economic avant-garde include Pyotr Kropotkin (1842–1921), Alexander Bogdanov (1873–1928), and Nikolai Kondratiev (1892–1938). The paper demonstrates the contextual commonality between the emergence of the Russian avant-garde in art and economic thought, emphasizing the multidisciplinary nature of its leading figures. It also explores the dialectical dynamic of the avant-garde in Russian art and socio-economic science: on the one hand, its representatives push beyond accepted norms, challenging prevailing paradigms; on the other, they take a reflective step back, re-engaging with traditional Russian cultural ideas and structurally clearer forms. This interplay enables creative perception to restore a sense of coherence in a world fragmented by upheaval. In the early 20th century, this dynamic unfolded against the backdrop of European revolutions and the transformation of social structures struggling to manage increasing industrial and socio-economic complexity. In response, Russian avant-garde artists and economists introduced new artistic systems and scientific theories. The paper also draws parallels between the challenges of the early 20th century and those of the early 21st century, highlighting a similar trend in contemporary Russian economic thought. This underscores the need to reintroduce the Russian avant-garde economists into economics as an academic discipline.

Keywords: Russian economic avant-garde, Peter Kropotkin, Alexander Bogdanov, Nikolai Kondratiev, methodology of science, history of economic thought in Russia

1. Введение

Один из вопросов настоящего тематического выпуска был сформулирован так: «Успевает ли экономическая теория осмысливать меняющийся порядок вещей?». Такая постановка связана с тем, что общественная теория зачастую представляет собой обобщенный практический опыт прошлого, структурированный в логических и модельных схемах. Поэтому польза теорий зависит от характера происходящих в экономике изменений, от того, насколько они постепенны или стремительны, с одной стороны, и от того, насколько соответствующие теории готовы к анализу таких изменений, с другой.

Опираясь на понимание экономики как информационной системы, т. е. как иерархии диалектически связанных процессов и структур (DeMarco, 1979, p. 23, 39; Mathiassen, 1999, p. 127), можно выделить три основных типа изменений. Они отличаются характером процессов, происходящих со структурами, и могут быть названы перманентными изменениями, трансформационными и трансцендентными[1]. Первый тип не предполагает существенных изменений и означает для си-

[1] В англоязычных работах в оригинале "the permanent processes of change, transformation and transcendence" (Israel, 1979, p. 116; Mathiassen, 1999, p. 139).

стемы воспроизводство неизменных структур с некоторыми улучшениями[1]. Такой тип изменений предсказуем и предопределен предыдущими знаниями, институтами и технологиями. Второй тип изменений, которые названы трансформационными, предполагает не только обновление структур за счет более современных элементов, но и возникновение новых структур[2]. В таком случае можно говорить о трансформации системы. Предсказывать такие изменения гораздо сложнее. При третьем типе изменений не только возникают новые структуры, но меняются (или появляются новые) отношения и связи между ними; таким образом система изменяется весьма существенно или даже тотально, и тогда можно говорить о трансцендентных изменениях — трансцендентных в смысле «выходящих за рамки» известного, обычного опыта, а зачастую и за пределы понимания при использовании известных инструментов познания[3]. С точки зрения синергетического подхода результатом трансцендентных изменений в ходе процессов системной самоорганизации становится формирование нового порядка в усложнившейся системе, при котором качественно изменяются ее процессуально-структурные характеристики и формируется метаструктура[4], способная справляться с вызовами возросшей сложности. При этом установление нового порядка, как правило, сопровождается периодом турбулентности, что в социальных системах связано с нарастанием внутренних и внешних конфликтов разного рода.

Такая ситуация сложилась на рубеже XIX–XX вв. в Европе, наиболее ярко она проявилась в крупнейшей стране континента — России. Небольшой по протяженности отрезок времени оказался драматически насыщен такими событиями эпохального масштаба, как смена технико-экономической парадигмы, мировая война и череда социальных революций. Интеллигенция России, как и многих других европейских стран, находилась в состоянии переосмысления существующих форм и методов понимания и «предъявления» обновляемого мира.

Если мы обратимся к социально-экономической теории, то парадокс состоит в том, что чем изменения более существенные и новаторские по характеру, чем сильнее они преобразуют будущее, тем более глубокое погружение в историю требуется от исследователя. Это связано с тем, что трансцендентные, эпохальные изменения происходят гораздо реже по сравнению с другими типами изменений, и потому необходимы более широкие исторические горизонты, чтобы найти аналоги и попытаться, например, выстроить классификацию таких периодов (ведь практически любая наука начинается с классификации исследуемых объектов и феноменов!). Неслучайно так популярно выражение, приписываемое У. Черчиллю: «Чем дальше ты заглянешь в историю, тем дальше ты увидишь буду-

[1] Аналогичные по характеру технологические изменения в сфере инноваций называют, например, инкрементальными (incremental), т. е. постепенными, пошаговыми (Freeman & Pérez, 1988, p. 46), или улучшающими, по классификации Г. Менша (Mensch, 1979).

[2] В теории инноваций подобного рода технологические изменения называют базисными, или радикальными (Экономика инноваций, 2016, с. 17–18), которые «модернизируют всю производственную структуру» (Перес, 2011, с. 27). Экономика инноваций. (2016). Учебное пособие. Москва: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 310.

[3] С. Кузнец в своих работах по исследованию инноваций обозначал такие периоды развития технологий как периоды «эпохальных нововведений» (Kuznets, 1966, p. 9). В теории К. Фримена и К. Перес такого рода трансцендентные изменения определяются как смена технико-экономических парадигм в результате технологических революций (Перес, 2011; Freeman & Pérez, 1988).

[4] Метаструктура означает структуру, в которой элементами являются другие структуры.

щее»[1]. Одновременно в такие периоды внешней ломки и хаоса приходится чаще прибегать к неожиданным метафорам и более обобщенным и абстрактным категориям, чтобы соотнести между собой различные периоды и выстроить «мосты понимания» между прошлым и будущим. На наш взгляд, именно этим отличались русский авангард в искусстве и русский авангард в социально-экономической науке[2]. Поскольку о художественном русском авангарде, объединившим литературу, изобразительное искусство, архитектуру, театр, кинематограф, дизайн и музыку написано немало[3], и у большинства читателей наверняка есть о нём и его представителях определенные знания, в данной статье основное внимание будет уделено анализу экономического русского авангарда.

В разделе 2 статьи уточняется социально-экономический контекст, в котором творили представители творческого русского авангарда. Также рассмотрены некоторые общие типические черты, объединяющие лидеров художественного и научного авангарда. В разделе 3 обозначен новаторский характер вкладов П.А. Кропоткина (1842–1921), А.А. Богданова (1873–1928) и Н.Д. Кондратьева (1892–1938) в развитие социально-экономической теории, что дает основания отнести их к представителям русского экономического авангарда. В заключительном разделе обсуждаются как диалектика русского авангарда, характерная для обеих его ветвей — художественной и научной, так и общность судьбы данного направления в нашей стране. Проводятся параллели между вызовами начала XX в. и современными вызовами начала XXI в., что формирует аналогичную тенденцию в теоретизировании нынешних российских экономистов. Также отмечается необходимость «возвращения имен» указанных представителей русского экономического авангарда в экономику как учебную дисциплину, прежде всего в отечественные программы образования.

2. Социально-экономический контекст деятельности представителей русского авангарда и их типические черты

Русский авангард в *искусстве*, в соответствии с общепринятой традицией датируется периодом 1900–1930-х гг. Это время русских революций 1905 и 1917 гг., Первой мировой войны 1914–1918 гг., распада Российской империи и создания первого социалистического государства — Советского союза (с 1922 г.). К этому же периоду мы относим и *экономический* российский авангард.

Это было время огромных социальных потрясений, геополитических подвижек, дестабилизации и частичной хаотизации мировой системы, которые в России получили наиболее драматичное, на наш взгляд, выражение. Неслучайно, например, Русскую революцию 1917 г. историки называют «одним из самых взрывоопасных политических событий XX века»[4]. Сами эти события стали следствием массовых

[1] На англ. языке «The further backward you look, the further forward you can see». Несмотря на то, что даже Ее Величество Королева в Рождественском послании Британскому Содружеству в 1999 г. приписала эту фразу Черчиллю, на самом деле он говорил «The longer you can look back, the farther you can look forward». https://winstonchurchill.org/resources/quotes/quotes-falsely-attributed/ (дата обращения: 12.11. 2024).

[2] Термин «русский» употребляется не в этническом, а в национальном смысле, т. е. относится к деятелям искусства и науки Российского государства.

[3] См., например, книгу (Русский авангард, 2017), а также (The Avant-Garde in Russia…, 1980), отмеченную на Amazon Books как «Выдающаяся академическая книга».

[4] Russian Revolution. (2024). *History.com Editors*. https://www.history.com/topics/european-history/russian-revolution (дата обращения: 12.11.2024).

социальных сдвигов, происходивших в обществах на рубеже веков, и того, что имевшиеся политические структуры не справлялись с управлением новыми процессами. Среди этих сдвигов — рост образования населения и изменение его культурных запросов, в т. ч. и в связи с резким ростом урбанизации, неравномерное вовлечение в экономическую и политическую жизнь различных слоев общества, смена демографических поведенческих стандартов и многое другое. Эта ситуация метко обозначена В.И. Ульяновым-Лениным в его описании революционной ситуации, когда «низы» уже не хотят жить как прежде, а «верхи» уже не могут управлять как прежде[1].

Одновременно в этот же период имеет место кульминация «второй промышленной революции» (технологической революции), когда в промышленности началось массовое внедрение множества «эпохальных» изобретений, сделанных к началу XX в.[2] Ее определяющей чертой считается транспортно-коммуникационная революция (Гловели, 2021, с. 2), сопровождавшаяся развитием сети железных дорог и распространением электричества. На его основе стало возможным приводить в движение не только новые виды транспорта, но и оснастить более мощными двигателями множество индустриальных машин и механизмов, поддержать внедрение новаторских промышленных технологий, прежде всего в сталелитейной и химической промышленности, а также обеспечить развитие проводных форм связи (радио, телеграф, телефон и др.) Технологический прогресс выражался также в развитии фабричного производства в невиданных ранее масштабах и массовой автоматизации хозяйственной деятельности. Как отмечал Н. Винер в своей знаменитой работе «The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society», переведенной в 1958 г. на русский язык, развитие автоматизации, замещающей функции не только механического, но и умственного труда, стало «одним из величайших факторов, обусловливающих социальную и техническую жизнь грядущего века»[3] (Винер, 1958, с. 155). Наряду с ростом масштабов индустриального производства развивались технологии точных измерений, происходила «миниатюризация природных сил, используемых в промышленном производстве» (Мак-Нил, 2004, с. 945). Все эти изменения не только создавали новые возможности и материалы для художественного и промышленного творчества, но также требовали новых систем индустриального и социального управления и их экономического обоснования. В этот период возросших скоростей «стремительно меняется и научно-философская картина мира: то, что вчера было традиционным и неоспоримым, сегодня уже пылится на полке» (Языкова, 2017).

Таким образом, революционные изменения в социально-политической и экономико-технологической сферах сопровождались эрозией прежних и поиском новых управляющих этими процессами структур, как и «структур понимания», которые должны были стать ответом на резкое усложнение сложности в обозначенных сферах. Требовались новые модели и инструменты познания меняющегося

[1] Точное определение, данное Лениным в работе 1913 г. «Маёвка революционного пролетариата», звучит следующим образом: «Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде» (Ленин, 1973, с. 300).

[2] Исследования «второй промышленной революции» получили в нашей стране «второе дыхание». После многих лет фактического игнорирования этой темы, с начала 2020-х гг. ее глубоким изучением, актуализированным параллелями с нынешними процессами, плодотворно занимается Г.Д. Гловели (Гловели, 2021; Гловели и др., 2024).

[3] Речь шла о XX в.

мира. Можно сказать, что социально-экономические условия в России на рубеже XIX–XX вв. сформировали соответствующий запрос к творческой интеллигенции, и в рамках русского авангарда на него были даны ответы.

То, что такие ответы были даны, было связано, на наш взгляд, с некоторыми общими типическими чертами его представителей. Во-первых, отметим высокий уровнем вовлеченности представителей творческого авангарда — как художественного, так и научного, — в социально-политическую жизнь, т. е. отличавший их «деятельностный подход». Творцы авангарда были не просто современниками процессов трансцендентных изменений, они интенсивно в них участвовали. Одним из свидетельств этого является вовлеченность в политику. Для представителей искусства русского авангарда «желание полного разрыва с художественным прошлым сочеталось со стремлением к политической революции» (Parker, 1982), поэтому многие деятели авангарда приветствовали большевистскую революцию 1917 г., видя в ней не только социальный взрыв, но «революцию духа» (Языкова, 2017). Свою политическую программу они выразили, например, в манифесте сообщества ЛЕФ («Левый фронт искусств»), где объединились литераторы, художники и архитекторы. Программа включала не только обоснование коренных изменений в искусстве, но и содержала призыв к радикальным изменениям в обществе и государстве, где искусство должно было стать медиатором «надвигающегося будущего».

В свою очередь вовлеченность экономистов русского авангарда в практику социальных действий выразилась в их членстве в политических партиях и активной работе в составе этих партий, за что они подвергались арестам и политическим ссылкам. Так, П.А. Кропоткин в молодости был членом наиболее значимой из ранних народнических организаций «Большого общества агитации» и инициатором «хождения в народ». Затем, как известно, он стал участником, а потом и международным лидером анархо-коммунизма. За свою революционную деятельность Кропоткин неоднократно был арестован в России и странах Европы. В 1918 г. по возвращении на родину он получил охранное удостоверение как «известнейший русский революционер» (Ленинский сборник, 1980, с. 192), подписанное Председателем Совнаркома В.И. Ульяновым-Лениным. Другой ученый, которого мы также относим к экономистам русского авангарда, А.А. Богданов (Малиновский)[1] был членом Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) и политзаключенным. После раскола партии в 1903 г. он примкнул к радикальному крылу данной партии — большевикам и даже был членом Центрального комитета партии, а впоследствии организатором партийных школ РСДРП. После Октябрьской революции Богданов стал ведущим идеологом и деятелем Пролеткульта[2]. Наконец, еще один представитель русского экономического авангарда Н.Д. Кондратьев с 13 лет был членом Партии социалистов-революционеров («партии эсеров»), за активную деятельность в которой и участие в партийных съездах был дважды арестован царским правительством. В 1917 г. он был членом Временного правительства, воз-

[1] Настоящая фамилия — Малиновский, а Богданов — один из наиболее популярных псевдонимов, под которым он публиковал свои работы.

[2] Пролеткульт (1917–1932) — сокращение от «Пролетарские культурно-просветительные организации», — массовая культурно-просветительская и литературно-художественная организация пролетарской самодеятельности при Наркомате просвещения Советской России, предполагавшая, что на смену «буржуазной культуре» придет культура, созданная силами рабочего класса.

главляемого эсером А.Ф. Керенским (куда отказался войти Кропоткин) и выбранным депутатом Всероссийского Учредительного собрания 1917–1918 гг.

К типическим чертам деятелей русского авангарда мы относим не только их социально-политическую активность и вовлеченность в процесс изменений. Другой их чертой была разносторонность интересов, среди которых особо можно выделить философию в смысле постоянной рефлексии по поводу собственной творческой деятельности[1]. Так, деятели художественного авангарда отличались своими достижениями в разных жанрах. Например, Д. Бурлюк, «отец русского футуризма», был и художником, и литератором, писал стихи и прозу; В. Маяковский, известный прежде всего как поэт, прославился одновременно и своими плакатами, он писал пьесы и сценарии к фильмам; художник В. Кандинский, автор известной «Композиции 8», во время ее создания пишет также свой знаменитый трактат «Точка и линия на плоскости» с изложением своих художественных принципов. А автор знаменитого «Черного квадрата» и основатель супрематизма К. Малевич даже в Википедии представлен не только как художник и педагог, но и как философ. И этот перечень можно продолжать.

Следствием разнообразия интересов мы полагаем определенного рода «мультидисциплинарность» творчества представителей русского авангарда на персональном уровне, когда в ходе своей индивидуальной работы они одновременно опираются на подходы, методы, достижения и модели смежных (и не очень) видов творчества. Неслучайно продукты их творческой деятельности носили порой носили синтетический характер, например, синтез музыкальной и живописной мысли у Кандинского, оптофон[2] В.Д. Баранова-Россине, философия «музыкальности» в живописной работе А.В. Лентулова 1915 г. «Звон (колокольня «Иван Великий») с расходящимися полукружьями, напоминающими звуковые волны, и т. д.

В работах экономистов русского авангарда эта персональная «мультидисциплиарность» также проявилась весьма ярко. При этом мы можем выделить две ее стороны. Когда междисциплинарный (мультидисциплинарный)[3] подход предполагает использование достижений других дисциплин (теорий, методов, стилей мышления) «для получения продуктивного результата в своем виде деятельности, междисциплинарность представляет собой своего рода «средство» (Сыров, 2011, с. 5), которым вольно или невольно постоянно пользовались представители творческого авангарда, в т. ч. относимые к этому направлению российские экономисты. Кропоткин, например, в прославившей его работе 1902 г. «Взаимопомощь: фактор эволюции» опирался не только на факты социально-экономической истории, но также на результаты самостоятельных геологических исследований Сибири и Центральной Азии, этнографические и географические знания, полученные в ходе ряда экспедиций по Восточной Сибири (путевые заметки из которых печатались во многих газетах и журналах того времени), на достижения российской и мировой биологической науки, и не только. В свою очередь автор

[1] «…Старое умерло, распалось в хаос, и в нем еще только проглядывались очертания нового, которые нужно было разглядеть и понять через призму философии. Потому все авангардисты так ею и увлекались» (Языкова, 2017).

[2] Оптофон представлял собой прибор для сочетания визуального и звучащего искусства, что позже нашло отражение в цветомузыке.

[3] О тонкостях различия междисциплинарности и мультидисциплинарности см., например (Орехов, 2018). В контексте данной статьи это несущественно.

«Тектологии» Богданов отмечал в своей автобиографии, что писал труды по пяти направлениям — политической экономии, историческому материализму, философии, «организационной науке» и «пролетарской культуре». Но также он был дипломированным врачом и в последние годы жизни возглавлял первый в мире организованный им Институт переливания крови. Кроме того, известны его литературные романы и стихи. Без сомнения, он был подлинным энциклопедистом (Гловели, 2024). Наконец, Кондратьев, именем которого названы долгие циклы (волны) в экономике, имел юридическое образование, работал на кафедре политической экономии и статистики, занимался социологией, стал известным специалистом по аграрным проблемам и сельскому хозяйству, был известен своей литературной деятельности и даже писал сказки (Кондратьев, 2002).

Однако, как отмечают методологи науки, мультидисциплинарность может быть не только средством, но также явной или неявной целью. Тогда она воплощается через «возникновение нового жанра, который ускользает от дисциплинарных требований уже сложившихся и институционализированных форм знания» (Сыров, 2011, с. 6). Это происходит в ходе радикальных попыток избавиться от академических канонов и предложить новый язык (систему категорий) для описания мира, погружающегося, кажется, в хаос и в то же время обновляемого путем возникновения (или нового обретения) его основополагающих структур. В науке это выражается в создании новых зачастую парадигмальных теорий. Именно такие теории предложили миру творцы русского экономического авангарда.

3. Вклад представителей русского экономического авангарда в мировую социально-экономическую мысль

Хотя мы называем Кропоткина, Богданова и Кондратьева экономистами русского авангарда, но их теории, в силу отмеченного выше мультидисциплинарного стиля мышления, представляют собой не «чисто экономические» теории. Их достижения мы полагаем ценным вкладом в социально-экономическую отечественную и мировую мысль, и это подтверждается использованием концепций указанных авторов не только в экономике, но также в смежных науках — социологии[1], менеджменте (и более широко — в науке управления), инноватике[2] и даже политологии[3]. В чем же мы видим их достижения, опередившие свое время и одновременно продолжающие отечественные культурные и научные традиции?

Начнем с П.А. Кропоткина, известного большинству аудитории в качестве мирового лидера анархизма. К сожалению, лишь небольшой круг специалистов знает его труды как социального экономиста. Эпохальный вклад Кропоткина мы связываем с работой «Взаимная помощь как фактор эволюции», опубликованной в России в 1907 г. Она стала переводом вышедшей первоначально в Лондоне на английском языке его работы «Mutual Aid: A Factor of Evolution», 1902 (Kropotkin, 2006 (1902)). Как «Черный квадрат» Малевича бросил вызов художественным стандартам своего времени, так и работа Кропоткина стала вызовом доминирующему эволюционному подходу в экономической и социальной науке, опиравшемуся на дарвиновские представления о роли конкуренции и естественного отбора в обще-

[1] Например, о Богданове как социологе см. (Гловели, 2023).

[2] О роли открытий Кондратьева в развитии теорий инноваций см. (Акаев, 2022).

[3] Реализация идей Кропоткина, Богданова и Кондратьева в политологических исследованиях представлена в (Умов, Лапкин, 1992; Андрианова, 2012; Ксенофонтов, 2021).

ственном развитии. В своей книге[1] ученый выдвинул и обосновал гипотезу о преимущественном значении взаимопомощи. Он доказывал, что взаимная помощь, обеспечивающая выживание и развитие видов в природе и сообществах людей в социальной жизни, представляет собой более «могучий» фактор эволюции, чем борьба за существование и связанная с этим конкуренция в природе и обществе. С одной стороны, Кропоткин высоко ценил и проявлял непоколебимое и глубокое уважение к идеям Дарвина. Он даже рассматривал теорию естественного отбора как «[…] возможно, самое блестящее научное обобщение [19-го] века» (Avrich, 1988, p. 58). Кроме того, Кропоткин признавал, что борьба за существование играла важную роль в эволюции видов, и он расширил свое мышление еще дальше, утверждая, что жизнь — это борьба, и в этой борьбе действительно выживают наиболее приспособленные. Однако, с другой стороны, он подвергал идеи Дарвина критике за то, что тот рассматривал конкуренцию и борьбу за существование как главный и универсальный закон[2]. В дополнение к нему П.А. Кропоткин сформулировал «закон взаимопомощи» и распространил его логику далеко за пределы растительного и животного царств[3], чтобы рассмотреть человеческие отношения и основы возникновения моральных инстинктов и даже этического поведения (подробнее см. (Hall & Kirdina-Chandler, 2017; Кирдина-Чэндлер, Холл, 2017)).

Кропоткин подчеркивал непрерывную преемственность в человеческом сотрудничестве и с помощью множества примеров и эмпирических доказательств решительно обосновал важность взаимопомощи. Он противопоставлял свое понимание тому, что он считал чрезмерным акцентом на индивидуализме, утверждая, что: «[…] Животные виды, у которых индивидуальная борьба сведена к самым узким пределам, а практика взаимной помощи достигла наибольшего развития, неизменно наиболее многочисленны, наиболее процветают и наиболее открыты для дальнейшего прогресса» (Kropotkin, 2006 (1902), p. 244), и то же справедливо для человеческих обществ. Специалисты полагают, что идеи о взаимопомощи в том смысле, в каком их продвигал Кропоткин, стали настолько широко распространенными, принятыми и одобренными в то время на всей интеллектуальной сцене России, что спекуляции и гипотезы социального дарвинизма так в нашем отечестве и не укоренились (Георгиевский, Хахина, 1996, с. 97). Отметим также, что П.А. Кропоткин, доводя свои идеи до предела, не просто выделял важность взаимопомощи, но подчеркивал ее роль в том, что она приведет наши общества к *loftier evolution* (Kropotkin, 2006 (1902), p. 244), т. е. к «возвышенной эволюции».

Следующий представитель русского экономического авангарда — автор «всеобщей организационной науки» тектологии[4] А.А. Богданов. В его работе

[1] Основные изложенные в ней идеи были представлены Кропоткиным между 1890 и 1896 гг., когда он жил в ссылке в Великобритании, в серии эссе, напечатанных в британском ежемесячном литературном журнале «Nineteenth Century». В своих статьях Кропоткин критиковал то, что он назвал манифестом «борьбы за жизнь», выдвинутым Т. Хаксли в статье 1888 г. «Struggle for Existence and its Bearing upon Man».

[2] Столетие спустя исследования экономического поведения подтверждают справедливость критики Кропоткина. Обзор проводимых экспериментов подтверждает отсутствие преобладающего стремления экономических агентов к индивидуальной выгоде в ходе конкурентной борьбы (Henrich, 2004).

[3] Здесь он опирался на идеи российского биолога К. Кесслера (1880).

[4] В работе (Чуринов, 2006) отмечается, что изначально и эпизодически термин «тектология» в значении «наука о строении организмов» был предложен немецким биологом Э. Геккелем в 1866 г. в его двухтомном труде «Генеральная морфология». Именно оттуда он, скорее всего, был позаимствован Богдановым. Однако Богданов придал ему гораздо более широкий смысл, что и отражено в его теории.

«Тектология — Всеобщая организационная наука», изданной в Берлине и Санкт-Петербурге в 1922 г., по сути, впервые были сформулированы основные положения системного подхода и теории самоорганизации систем. Его работа предвосхитила и в ряде вопросов превзошла широко известные впоследствии кибернетику Н. Винера (Cybernetics: Or the Control and Communication in the Animal and the Machine, 1948) и У. Эшби (An Introduction to Cybernetics, 1956), общую теорию систем Л. фон Берталанфи (General System Theory: Foundations, Development, Applications, 1968) и синергетику И. Пригожина (Order out of Chaos: Man's new dialogue with nature, 1984, в соавторстве с И. Стенгерс).

По «исторической несправедливости», рассмотренной в (Руди, 2012, с. 93), идеи Богданова долгое время не были популярны (да и толком неизвестны) ни в России, ни в мире. Так, у нас в стране его «Тектология…» была переиздана лишь к концу XX в. (Богданов, 1989), что положило начало обсуждению его идей и признанию, наконец, его научных заслуг. «Тектология как таковая, по замыслу ее создателя, — это наука, объединяющая организационный опыт человечества, это теория организационных систем, изучающая каждую из них с точки зрения отношений между ее частями, а также отношения системы как целого с внешней средой. Качественно новым в тектологии является переход от методологии аналогий, широко и плодотворно использовавшихся в науке, к выявлению общих закономерностей становления и функционирования систем. Тектология А. Богданова — прямо или косвенно — во многом определила современный способ научного мышления, что и проявляется в большинстве направлений наук социально-экономического цикла. Неумение мыслить системно, попытки вырвать изучаемые процессы из их связей воспринимаются сегодня не иначе как показатели низкой культуры мышления, непрофессионализма» (Вершков, 2008, с. 40). Аналогично высказывается и один из лидеров системных исследований в экономике Г. Б. Клейнер: «В замысле Богданова заложен гигантский потенциал синтеза двух начал: вещественного и духовного. Он стремился выявить общие принципы познания и управления, ориентируясь на четыре типа мировых явлений: духовного мира (внутренний мир человека); социального мира (внутренняя структура общества); биологического мира (устройство мира живой природы); неорганического мира (артефакты и природные образования). Учение Богданова можно поставить в один ряд с такими произведениями человеческого гения, как труды Аристотеля, достижения И. Ньютона, учение К. Маркса, теория относительности А. Эйнштейна, теоремы К. Геделя, концепция биологического пространства-времени В. Вернадского и др.» (Клейнер, 2023, с. 25).

Итак, Богданов рассматривает все развивающиеся объекты в мире как системы. Система представляет собой комплекс двух и более взаимодействующих элементов в едином процессе для достижения общей цели. Различаются физические, биологические и социальные (с участием человека) системы. В соответствии с фундаментальными предпосылками тектологии, два и более элемента системы, включенные в единый процесс, могут при особой организации превосходить по эффективности функционирование этих же элементов по отдельности (принцип «ингрессии», или «вхождения»), а могут и снижать ее, мешая друг другу (эффект «дезингрессии», или «расхождения»)[1]. По сути, Богданов «ввел в научный оборот системный принцип двойственности в эволюции си-

[1] Также Богдановым рассматривается «нейтральный» тип взаимодействия.

стем, изоморфизм которого в жизни систем показан и развит много позже в работах Л. фон Берталанфи, Г.Б. Клейнера и других ученых» (Никонова, 2019, с. 33). Рассмотрению, анализу и теоретизации фактора организации, при правильном применении которого эффективность элементов, включенных в состав целого, увеличивается, и посвящается «Тектология».

В социуме разумная организация элементов системы обеспечивает ее «динамическое», или «подвижное» равновесие, что поддерживает гармоничную эволюционную устойчивость системы. Также А.А. Богданов исследовал случаи и факторы, которые, напротив, ведут к системным противоречиям. Последствия их накопления могут быть преодолены сознательным путем, что приводит к преобразованию системы; если же этого не происходит, освобождение от накопившихся системных противоречий происходит в ходе разрушения, распада системы (Богданов, 1921). Признавая вклад Богданова, нельзя не согласиться с академиком Н.Н. Моисеевым в том, что «имя А.А. Богданова как автора тектологии, незаслуженно у нас и в мире надолго забытое, должно стоять в одном ряду с именами таких всемирно известных российских ученых, как создатель периодической системы элементов Д.И. Менделеев и создатель биогеохимии В.И. Вернадский» (Моисеев, 1984, с. 43).

Наконец, представим вклад в мировую экономическую мысль еще одного представителя русского экономического авангарда Н.Д. Кондратьева. В отличие от Кропоткина и Богданова, он гораздо более известен в мировой науке — открытые им долгие циклы конъюнктуры известны как «долгие волны (циклы) Кондратьева». Значительную роль в этом сыграл интерес к его трудам выдающегося экономиста Шумпетера, который опирался на идеи Кондратьева при разработке своей эволюционной теории экономического развития — фактически он представил идеи Кондратьева европейским и американским ученым, и именно он с 1939 г. активно использовал термин «кондратьевские волны».

Как и труды других представителей русского экономического авангарда, исследования Кондратьева выходили за пределы экономики как таковой. Еще в одной из первых своих работ «Основные учения о закономерностях развития общественной жизни» (Кондратьев, 1914) 22-летний ученый начал реализацию своего замысла по созданию «синтетической теории социально-экономической генетики» (Гловели, 2002, с. 154). Позже свою научную деятельность Кондратьев сочетал с практической работой. Известно, что он был одним из тех, кто в 1920-е гг. обосновал «новую экономическую политику» (НЭП) в СССР после периода «военного коммунизма». Н.Д. Кондратьев был со-основателем и первым директором Конъюнктурного института при Наркомате финансов Союза ССР (1920–1928), работал в Госплане СССР, где руководил разработкой плана развития сельского и лесного хозяйства РСФСР на 1923–1928 гг. Особенностью его подхода был принцип сочетания плановых и рыночных принципов, вплоть до поддержки «развития русских капиталистических предприятий». Кондратьев был сторонником не директивных планов, которые постепенно становились основным инструментом экономической политики в СССР, но рассматривал план как полезный для управления перспективный прогноз, позволяющий принимать во внимание реальные возможности экономического развития. Его несогласие с «линией партии» в конце концов стоило ему жизни.

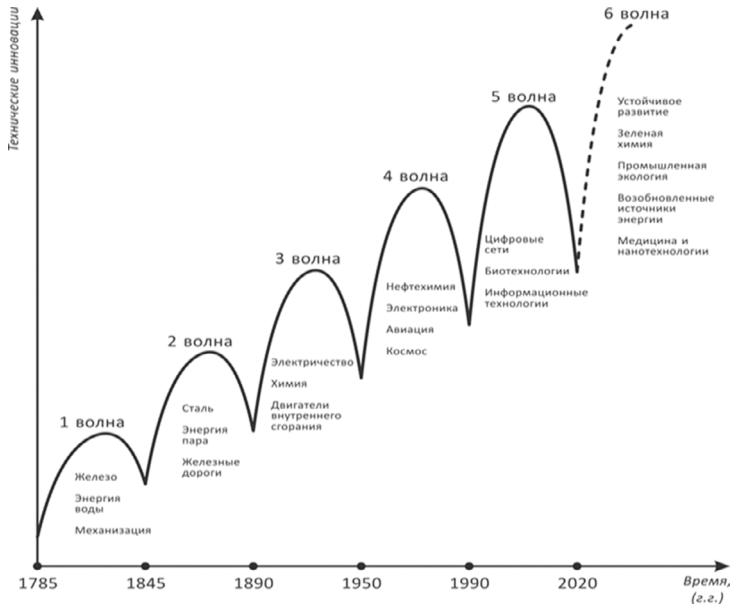

Рис. *Периодизация кондратьевских волн в соответствии с содержанием технологических инноваций (источник: Hargroves & Smith, 2005. https://i.pinimg.com/736x/87/b5/c3/87b5c3f8e02d88b9566d07fb5a771647--design-strategy-paradigm-shift.jpg (дата обращения: 08.11.2024))*
Fig. *Periodization of Kondratiev Waves by Technological Innovations*

Среди трех «эпохальных открытий Кондратьева»[1] выявленные им циклы (волны) полагаются, пожалуй, наиболее важными. Этот результат был опубликован им в работе «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» ((Кондратьев, 1922); см. также (Kondratiev, 1935)), поражающей глубиной и широтой статистических сопоставлений. Хотя на тот период Н.Д. Кондратьев зафиксировал лишь два «больших цикла конъюнктуры» и начало третьего (Кондратьев, 1922, с. 242), дальнейшие события блестяще подтвердили его логику. К настоящему времени говорят уже о 6-й волне, или цикле (рис).

Большое внимание именно к этому открытию Кондратьева связано в т. ч. и с тем, что модель кондратьевских волн становится «исторически и институционально более релевантной для понимания мира и тенденций его развития» (O'Hara, 2022, с. 5). Поэтому ею пользуются не только экономисты, но и географы, социологи, историки и специалисты других смежных областей. «Особым почетом модель «больших циклов» пользуется у создателей современных междисциплинарных обобщений — таких, как миросистемный анализ, геоэкономика, теория цивилизаций. Труды по этим направлениям редко обходятся без ссылок на «респектабельные» (Ф. Бродель) кондратьевские волны» (Гловели, 2002, с. 155).

[1] А. А. Акаев относит к ним «длинные волны в экономическом развитии продолжительностью 40–60 лет, формирующиеся под воздействием мощного кластера инновационных технологий; неравновесие и нестабильность рыночной экономики, получившие объяснение позже (в конце XX века) в синергетической экономике; необходимость активного государственного вмешательства и управления народным хозяйством в кризисных ситуациях с использованием механизма саморегулирования, заложенного в рыночных отношениях» (Акаев, 2022, с. 11)

Подведем некоторые итоги: несмотря на различие новаторских теорий представителей русского экономического авангарда, их объединяют не только мультидисциплинарный характер. Нельзя не отметить, с одной стороны, характерный для них, историцизм, т. е. рассмотрение всех исследуемых объектов и процессов в историческом развитии. С другой стороны, несмотря на обилие используемых ими статистических, эмпирических и научных доказательств, их теории построены как четкие, строгие и понятные схемы. В условиях резко усложнившегося на рубеже веков мира им удалось выделить своего рода неизменные формы и доминанты исторического социально-экономического процесса, которые позволяют этот мир понять, проанализировать и предвидеть его дальнейшее развитие.

4. Вместо заключения: диалектика и судьба русского творческого авангарда

Предложенное название «русский экономический авангард», или «экономисты русского авангарда», является новацией. Приживется ли оно, покажет будущее. Заметим, что термин «русский художественный авангард» в литературе закрепился не сразу. Впервые его употребил А. Бенуа (1870–1960), который весной 1910 г. разделил всех живописцев, участвовавших в выставке Союза русских художников, на авангард, центр и арьергард. «Он иронически назвал авангардом членов художественного объединения „Бубновый валет", слишком далеко, по его мнению, зашедших вперед на пути разрушения принятых норм в искусстве»[1]. Тем не менее в художественной историографии термин «русский авангард» получил распространение лишь в 1950-е гг., сначала преимущественно за рубежом[2]. Насколько справедливо говорить о «русском экономическом авангарде», также покажет время.

В заключительной части еще раз остановимся на диалектике развития русского авангарда[3], объединяющего его художественную и научную ветви. Она состоит в парадоксальном сочетании новаторства и традиции. Стремясь познать и отразить новую усложнившуюся в технологическом и социальном отношении действительность, в которой накапливаемые противоречия грозят разрушению системы (в смысле Богданова), художники и ученые вольно или невольно делают «шаг назад», чтобы посмотреть на этот новый мир через призму уже известных фактов, достижений и знаний. Отсюда проникающий в творчество примитивизм, опирающийся на известные и подтвердившие свою надежность формы и методы отражения действительности, или приоритет какой-либо одной из ее сторон (супрематизм в опоре на цвет у Малевича, линии и точки у Кандинского, структура у Богданова, циклическая кривая у Кондратьева или «основное отношение» у Кропоткина). В то же время, выделяя эти устойчивые в культурном и когнитивном отношении основы, представители авангарда делают «проброс» в иное культурно-научное пространство и тем самым опережают время, которое гораздо более инертно по сравнению со стремительностью творческой мысли и креативно-

[1] Вакар, И. (2017). Первое объединение раннего авангарда. БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ. *Специальный выпуск Журнала «ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ»*. www.tg-m.ru (дата обращения: 11.11.2024).

[2] Яковлева, Е. (2017, 22 июня). Феномен русского авангарда. Будущее 100 лет назад. *Аргументы и факты*. https://aif.ru/culture/art/fenomen_russkogo_avangarda_budushchee_100_let_nazad (дата обращения: 11.11.2024).

[3] Сошлемся на дискуссию Т. Черниговской и К. Анохина «Абстракционизм и авангард», размещенной в интернете 28 апреля 2024 г., которая послужила отправным пунктом для наших размышлений по этому поводу.

сти человека. Их задача состоит в том, чтобы обозначить новые пути, но общество пойдет по ним лишь при условии своих ограничений. Поэтому авангард — это всегда временное явление, «сокращенное пребывание в настоящем» (Люббе, 2016), и его закономерно сменяет период «нормального» развития (нормального с учетом тех ограничений, в которых будоражимое авангардистами общество живет).

Кроме того, зачастую заложенная в авангарде разрушительная сила[1] оборачивается против его представителей, к тому же и общество устает от интеллектуальных инноваций, сконцентрированных в движении авангарда. Если посмотреть на период деятельности «русского авангарда» в искусстве, то официальной датой его окончания принято считать вышедшее в СССР в апреле 1932 г. постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». Оно положило конец вариативности художественной культуры (тот же авангард признали «формалистским») и заменой ее «социалистическим реализмом». Официальное определение соцреализма было дано в уставе Первого съезда союза писателей СССР[2], состоявшегося во исполнение вышеназванного постановления, и «спокойный и понятный» соцреализм был официально объявлен главным направлением в советском искусстве. Так художественное творчество представителей русского авангарда было, по сути, обнулено политикой государственного партийного строительства[3].

Представители русского экономического авангарда также стали жертвой государственной идеологической политики, поскольку «не вписывались» в доминирующую марксистко-ленинскую идеологию нового советского общества. Это произошло примерно в то же самое время — в 1930-е гг., когда происходит отказ от «новой экономической политики (НЭП)», и в экономической теории утверждается «ортодоксальный марксизм». Одной из его задач была «разработка определенного набора методологических установок, позволявших «специалистам по марксизму» выступать в роли идеологических «надсмотрщиков» в области естествознания и гуманитарных наук» (Дудник, Рукавишников, 2013, с. 166). Теории представителей экономического русского авангарда «ортодоксальному марксизму» не соответствовали.

Однако всплеск интереса к идеям русского экономического авангарда начала XX в. вновь возник в нашей стране, когда она стала сталкиваться с похожими проблемами накопления внутренних системных противоречий и внешними вызовами — речь идет о периоде позднего СССР и начавшегося в XXI в. времени глобальной турбулентности. К их работам массово стали обращаться лидеры академической экономической науки России. Так, в свое время академик Л.И. Абалкин способствовал широкой публикации их работ и созданию Международного научного фонда Н.Д. Кондратьева[4], академик С.Ю. Глазьев включил идеи Кондратьева

[1] Авангард «обязывает способствовать ускорению прогресса, в том числе и средствами искусства, и ликвидировать тех, кто его сдерживает» (Люббе, 2016, с. 134).

[2] «Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. Причем правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания в духе социализма» (Википедия. Социалистический реализм).

[3] Тем не менее это движение не умерло, и ряд идей «русского авангарда» нашло отражение в творчестве представителей «социалистического реализма» (Гюнтер, 2000).

[4] С 1992 г. Российской академией наук присуждается премия Кондратьева за выдающиеся достижения в экономической теории.

в свою теорию материально-технологических укладов (см., например, (Глазьев, 2022)), академик В.М. Полтерович опирается на идеи Кропоткина[1] в разрабатываемой им теории сотрудничества (Полтерович, 2020), а член-корр. РАН Г.Б. Клейнер соотносит с тектологией Богданова свои знаменитые тетрады, формирующие системную парадигму в экономике (Клейнер, 2023).

Одновременно начинается возврат имен лидеров российского экономического авангарда в экономику как учебную дисциплину. В ходе реализации масштабного межуниверситетского сотрудничества в рамках Проекта «ДНК России» Министерством науки и высшего образования Российской Федерации в Новосибирске издано учебное пособие по экономике для студентов неэкономических специальностей[2], в котором имена П.А. Кропоткина, А.А. Богданова (Малиновского) и Н.Д. Кондратьева заняли достойное их вкладу место.

В свое время одна из знатоков русского авангарда в искусстве Е. Яковлева обозначила этот феномен как «будущее 100 лет назад»[3]. Полагаем, что и для широкого творческого освоения наследия представителей русского экономического авангарда также пришло время.

Список источников

Акаев, А. А. (2022). Эпохальные открытия Николая Кондратьева и их место в современной экономической науке. *AlterEconomics, 19*(1), 11–39. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.2

Андрианова, Н. Ю. (2012). А. А. Богданов о современных ему социально-экономических и политических реалиях мирового процесса. *Вестник РГГУ,* (19(99)), 230–238.

Богданов, А. А. (1921). *Очерки организационной науки.* Самара: Государственное издательство, 297.

Богданов, А. А. (1989). *Тектология: всеобщая организационная наука.* Отв. ред. Л. И. Абалкин. Москва: Экономика, 304.

Винер, Н. (1958). *Кибернетика и общество.* Москва: Изд-во иностранной литературы, 196.

Георгиевский, А. Б., Хахина, Л. Н. (1996). *Развитие эволюционной теории в России.* Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 238.

Глазьев, С. Ю. (2022). Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов. *AlterEconomics, 19*(1), 93–115. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6

Гловели, Г. Д. (2002). К 110-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева. *Экономическая наука современной России,* (1), 152–155.

Гловели, Г. Д. (2021). *Вторая промышленная революция и маржинализм. Препринт.* Москва: Институт экономики РАН.

Гловели, Г. Д. (2023). А. А. Богданов как социолог и утопист: проблема «класса для себя». *Социологические исследования,* (11), 25–37. https://doi.org/10.31857/S013216250028530-6

Гловели, Г. Д. (2024). А. А. Богданов как ученый-энциклопедист. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал, 16*(4), 158–190.

[1] Об актуализации идей Кропоткина см. (Сухих, Важенин, 2023).

[2] Экономика. (2024). Учеб. пособие. Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. Новосибирск: НГУЭУ, 440.

[3] Яковлева, Е. (2017, 22 июня). Феномен русского авангарда. Будущее 100 лет назад. *Аргументы и факты*. https://aif.ru/culture/art/fenomen_russkogo_avangarda_budushchee_100_let_nazad (дата обращения: 11.11.2024).

Гловели, Г. Д., Зайцева, М. С., Минаева, Е. А. (2024). Концепция промышленных революций: вклад Н. Винера и А. И. Анчишкина. *Вопросы теоретической экономики,* (2), 86–102. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_86_102

Гюнтер, Х. (2000). Художественный авангард и социалистический реализм. *Соцреалистический канон* (с. 101–108). Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект».

Дудник, С. И., Рукавишников, А. Б. (2013). Идеологические трансформации марксизма в СССР 20-х гг. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 14* (2), 165–172.

Кесслер, К. (1880). О законе взаимопомощи. *Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, 11,* 124–136.

Кирдина-Чэндлер, С. Г., Холл, Дж. (2017). Кооперация versus конкуренция в трудах российских эволюционистов. *Journal of Institutional Studies, 9* (1), 6–26.

Клейнер, Г. Б. (2023). Системная методология Александра Богданова в контексте современного экономического мировоззрения. *Вопросы экономики,* (3), 24–39. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-3-24-39

Кондратьев, Н. (2002). Необыкновенные приключения Шамми. *Экономические стратегии,* (2), 106–109.

Кондратьев, Н. Д. (1914). Основные учения о закономерностях развития общественной жизни. *Закономерность общественного развития*. Санкт-Петербург: Образование.

Кондратьев, Н. Д. (1922). *Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны*. Вологда: Областное отделение Госиздата, 258.

Ксенофонтов, В. Н. (2021). Взгляды П. А. Кропоткина на государственную власть и ее судьбу (социально-философский анализ). *Социально-политические науки, 11* (5), 79–83. https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-5-79-83

Ленин, В. И. (1973). Маёвка революционного пролетариата. *Полное собрание сочинений. Т. 23* (с. 296–305). Москва: Издательство политической литературы.

Ленинский сборник. (1980). *Т. XXXIX (39)*. Москва: Политиздат, 495.

Люббе, Г. (2016). *В ногу со временем: сокращенное пребывание в настоящем*. Пер. с нем. под науч. ред. Виталия Куренного. Москва: НИУ ВШЭ, 456.

Мак-Нил, У. (2004). *Восхождение Запада. История человеческого сообщества*. Киев: Ника-Центр; Москва: Старклайт, 1066.

Моисеев, Н. Н. (1984). *Люди и кибернетика*. Москва: Молодая гвардия, 224.

Никонова, А. А. (2019). О принципе ингрессии в системном мире А. А. Богданова, или нет пророка в своем отечестве. *Хроноэкономика, 20* (7), 32–40.

Орехов, А. М. (2018). Междисциплинарный синтез и социально-гуманитарные науки: к вопросу о прояснении некоторых концептов и векторов исследования. *Социум и власть,* (3(71)), 91–97.

Перес, К. (2011). *Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания*. Москва: Изд-во «Дело», 232.

Полтерович, В. М. (2020). Петр Кропоткин, философия сотрудничества и цифровая революция. Под ред. В. С. Автономова и А. Я. Рубинштейна, *Экономические теории в пространстве и времени* (с. 244–261). Санкт-Петербург: Издательство Алетейя.

Руди, А. Ш. (2012). Теория равновесия как механизма устойчивости. *ОНВ,* (3(109)), 92–95.

Сухих, В. В. , Важенин, С. Г. (2023). Актуализация экономических идей П.А. Кропоткина в XXI веке. *Историко-экономические исследования, 24* (3), 455–476. https://doi.org/10.17150/2308-2488.2023.24(3).455-476

Сыров, В. Н. (2011). Философия и перспективы междисциплинарных исследований в отечественной науке. *Вестник Волгоградского госуниверситета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии,* (3(15)), 5–14.

Умов, В. И., Лапкин, В. В. (1992). Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ. *Полис. Политические исследования,* (2), 51–63.

Чуринов, Н. М. (2006). *Совершенство и свобода*. Изд. 3-е, доп. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 709.

Языкова, И. (2017, 9 августа). *Русский авангард: все, что нужно знать*. https://www.lavkafoma.ru/product/russkiy-avangard (дата обращения: 12.10.2024).

Avrich, P. (1988). *Anarchist Portraits*. Princeton University Press.

Baron, S., & Tuchman, M. (Eds.) (1980). *The Avant-Garde in Russia, 1910–1930: New Perspectives*. LACMA.

DeMarco, T. (1979). *Structured Analysis and System Specification*. Prentice-Hall, Yourdon Press.

Freeman, Ch., & Pérez, C. (1988). Structural Crises of Adjustment, Business Cycles and Investment Behavior. In G. Dossi, et al. (Eds.), *Technical Change and Economic Theory* (pp. 39–62). Pinter.

Hall, J., & Kirdina-Chandler, S. (2017). Towards an intellectual history of evolutionary economics: competition and struggle versus cooperation and mutual aid. *Revista de Economia Política (Brazilian Journal of Political Economy), 37* (3), 551–564. http://dx.doi.org/10.1590/0101-31572017v37n03a05

Hargroves, K., & Smith, M (Eds.). (2005). *The Natural Advantage of Nations: Business Opportunities, Innovation and Governance for the 21st Century*. Routledge.

Henrich, J. (2004). Cultural Group Selection, Coevolutionary Processes and Large-Scale Cooperation. *Journal of Economic Behaviour and Organization, 53* (1), 3–35.

Israel, J. (1979). *The Language of Dialectics and the Dialectics of Language*. Munksgaard.

Kondratiev, N. D. (1935). The Long Waves in Economic Life. *Review of Economics and Statistics, 17* (7), 105–115.

Kropotkin, P. (1902[2006]). *Mutual Aid: A Factor of Evolution*. Dover Publications, Inc.

Kuznets, S. (1966). *Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread*. Yale University Press.

Mathiassen, L. (1999). *Systems, Processes, and Structures*. https://www.researchgate.net/publication/2501724_Systems_Processes_and_Structures (дата обращения: 16.05.2024).

Mensch, G. (1979). *Stalemate in Technology: Innovations Overcome The Depression*. Ballinger Pub. Co.

O'Hara, P. A. (2022). Advancing Kondratiev Wave Complexity through Bunge's Emergence, Braudel's History, Veblen's Institutions and Polanyi's Double Movement. *AlterEconomics, 19* (1), 51–70. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.4

Parker, C. (1982). The Russian Avant-Garde. A review of The Avant-Garde in Russia, 1910–1930: New Perspectives, edited by Stephanie Baron and Maurice Tuchman. *Claremont Review of Books, I* (3). https://claremontreviewofbooks.com/the-russian-avant-garde/ (дата обращения: 24.10. 2024).

References

Akaev, A. A. (2022). Nikolai Kondratiev's Epoch-Making Discoveries and their Impact on Contemporary Economic Science. *AlterEconomics, 19* (1), 11–39. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.2 (In Russ.)

Andrianova, N. Yu. (2012). Bogdanov A. A. on contemporary social and political actuality of the world wide situation. *Vestnik RGGU [RSUH Bulletin],* (19(99)), 230–238. (In Russ.)

Avrich, P. (1988). *Anarchist Portraits*. Princeton University Press.

Baron, S., & Tuchman, M. (Eds.) (1980). *The Avant-Garde in Russia, 1910–1930: New Perspectives*. LACMA.

Bogdanov, A. A. (1921). *Ocherki organizatsionnoy nauki [Essays on organizational science]*. Samara: State Publishing House. (In Russ.)

Bogdanov, A. A. (1989). *Tektologiya: vseobshchaya organizatsionnaya nauka [Tectology: general organizational science]*. In L. I. Abalkin (Ed.). Moscow: Ekonomika Publ. (In Russ.)

Churinov, N. M. (2006). *Sovershenstvo i svoboda [Perfection and Freedom]*. (3rd ed.). Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

DeMarco, T. (1979). *Structured Analysis and System Specification*. Prentice-Hall, Yourdon Press.

Dudnik, S. I., & Rukavishnikov, A. B. (2013). Ideological transformations of Marxism in the USSR in 20th years. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii [Review of The Russian Christian Academy for the Humanities], 14* (2), 165–172. (In Russ.)

Freeman, Ch., & Pérez, C. (1988). Structural Crises of Adjustment, Business Cycles and Investment Behavior. In G. Dossi, et al. (Eds.), *Technical Change and Economic Theory* (pp. 39–62). Pinter.

Georgievsky, A. B., & Khakhina, L. N. (1996). *Razvitiye evolyutsionnoy teorii v Rossii [Development of Evolutionary Theory in Russia]*. St Peterburg: Politekhnika-servis Publ. (In Russ.)

Glazyev, S. Yu. (2022). Global Transformations from the Perspective of Technological and Economic World Order Change. *AlterEconomics, 19*(1), 93–115. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6 (Russ.)

Gloveli, G. (2021). *Vtoraya promyshlennaya revolyutsiya i marzhinalizm [The Second Industrial Revolution and Marginalism]. Preprint.* Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Gloveli, G. (2023). A. A. Bogdanov as a Sociologist and Utopian: the "Klass für Sich" Problem. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies],* (11), 25–37. https://doi.org/10.31857/S013216250028530-6 (In Russ.)

Gloveli, G. J. (2024). A. A. Bogdanov as an Encyclopedic Scientist. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal [Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal], 16*(4), 158–190. (In Russ.)

Gloveli, G., Zaitseva, M., & Minaeva, E. (2024). The Concept of Industrial Revolutions: the Contribution of N. Wiener and A. I. Anchishkin. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory],* (2), 86–102. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_86_102 (In Russ.)

Glovely, G. D. (2002). On the 110th Anniversary of N. D. Kondratiev's Birth. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia],* (1), 152–155. (In Russ.)

Gunther, H. (2000). Artistic Avant-garde and Social Realism. *Sotsrealisticheskiy kanon [Socialist Realist Canon]* (pp. 101–108). St Petersburg: Gumanitarnoye agentstvo "Akademicheskiy proyekt" Publ. (In Russ.)

Hall, J., & Kirdina-Chandler, S. (2017). Towards an intellectual history of evolutionary economics: competition and struggle versus cooperation and mutual aid. *Revista de Economia Política (Brazilian Journal of Political Economy), 37*(3), 551–564. http://dx.doi.org/10.1590/0101-31572017v37n03a05

Hargroves, K., & Smith, M (Eds.). (2005). *The Natural Advantage of Nations: Business Opportunities, Innovation and Governance for the 21st Century.* Routledge.

Henrich, J. (2004). Cultural Group Selection, Coevolutionary Processes and Large-Scale Cooperation. *Journal of Economic Behaviour and Organization, 53*(1), 3–35.

Israel, J. (1979). *The Language of Dialectics and the Dialectics of Language.* Munksgaard.

Kessler, K. (1880). On the law of mutual aid. *Trudy Sankt-Peterburgskogo obshchestva Estestvoispytatelei [Proceedings of the St. Petersburg Society of Natural Scientists], 11,* 124–136. (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G., & Hall, J. B. (2017). Cooperation Versus Competition in Works of Russian Evolutionists. *Journal of Institutional Studies, 9*(1), 6–26. (In Russ.)

Kleiner, G. B. (2023). Alexander Bogdanov's system methodology from the perspective of the modern economic worldview. *Voprosy Ekonomiki,* (3), 24–39. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-3-24-39 (In Russ.)

Kondratiev, N. (2002). Extraordinary adventures of Shammi. *Ekonomicheskiye strategii [Economic strategies],* (2), 106–109. (In Russ.)

Kondratiev, N. D. (1914). Teachings on the Laws of Development of Social Life. *Zakonomernost' obshchestvennogo razvitiya [The pattern of social development].* St Petersburg: Obrazovaniye. (In Russ.)

Kondratiev, N. D. (1922). *Mirovoe khozyaystvo i ego kon'yunktury vo vremya i posle voyny [The world economy and its conjunctions during and after the war].* Vologda, Russia: Regional branch of the State Publishing House. (In Russ.)

Kondratiev, N. D. (1935). The Long Waves in Economic Life. *Review of Economics and Statistics, 17*(7), 105–115.

Kropotkin, P. (1902[2006]). *Mutual Aid: A Factor of Evolution.* Dover Publications, Inc.

Ksenofontov, V. N. (2021). P. A. Kropotkin's views on State Power and Its Fate (Socio-Philosophical Analysis). *Sotsial'no-politicheskiye nauki [Sociopolitical Sciences], 11*(5), 79–83. https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-5-79-83 (In Russ.)

Kuznets, S. (1966). *Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread.* Yale University Press.

Lenin Collected Works. (1980). *Vol. XXXIX (39).* Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)

Lenin, V. I. (1973). May Day of the Revolutionary Proletariat. *Polnoye sobraniye sochineniy [Collected Works]. Vol. 23.* Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russ.)

Lübbe, H. (2016). *V nogu so vremenem: sokrashchennoe prebyvanie v nastoyashchem [In step with time: The Abridged Presence in the Present].* Translated from German, In V. Kurennoy (Ed.). Moscow: HSE. (In Russ.)

Mathiassen, L. (1999). *Systems, Processes, and Structures*. https://www.researchgate.net/publication/2501724_Systems_Processes_and_Structures (date of access: 16.05.2024).

McNeil, W. (2004). *Voskhozhdenie Zapada. Istoriya chelovecheskogo soobshchestva [The Rise of the West: A History of the Human Community].* Kiev: Nika-Center Publ.; Moscow: Starklayt Publ. (In Russ.)

Mensch, G. (1979). *Stalemate in Technology: Innovations Overcome The Depression.* Ballinger Pub. Co.

Moiseev, N. N. (1984). *Lyudi i kibernetika [People and Cybernetics].* Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russ.)

Nikonova, A. A. (2019). On the Ingression Principle in the System World of A. A. Bogdanov, or No Prophet in His Own Country. *Khronoekonomika [HronoEconomics], 20*(7), 32–40. (In Rus.)

O'Hara, P. A. (2022). Advancing Kondratiev Wave Complexity through Bunge's Emergence, Braudel's History, Veblen's Institutions and Polanyi's Double Movement. *AlterEconomics, 19*(1), 51–70. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.4

Orekhov, A. M. (2018). Interdisciplinary Synthesis and Social-Humanitarian Sciences: On the Question of Clearing Some Concepts and Vectors of Research. *Sotsium i vlast' [Society and Power],* (3(71)), 91–97. (In Russ.)

Parker, C. (1982). The Russian Avant-Garde. A review of The Avant-Garde in Russia, 1910–1930: New Perspectives, edited by Stephanie Baron and Maurice Tuchman. *Claremont Review of Books, I*(3). https://claremontreviewofbooks.com/the-russian-avant-garde/ (Date of access: 24.10. 2024).

Perez, C. (2011). *Tekhnologicheskiye revolyutsii i finansovyy kapital. Dinamika puzyrey i periodov protsvetaniya [Technological revolutions and financial capital. The Dynamics of bubbles and Golden Ages].* Moscow: Delo Publ. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2020). Peter Kropotkin, Philosophy of Collaboration and the Digital Revolution. In V. S. Avtonomov, A. Ya. Rubinshtein (Eds.), *Ekonomicheskiye teorii v prostranstve i vremeni [Economic theories in space and time]* (pp. 244–261). St Petersburg: Aleteyya Publ. (In Russ.)

Rudi, A. Sh. (2012). Equilibrium theory as a mechanism of balance. *ONV [Omsk Scientific Bulletin],* (3(109)), 92–95. (In Russ.)

Sukhikh, V. V., & Vazhenin, S. G. (2023). Actualization of Economic Ideas of P.A. Kropotkin in the 21st Century. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Journal of Economic History & History of Economics], 24*(3), 455–476. https://doi.org/10.17150/2308-2488.2023.24(3).455-476. (In Russ.)

Syrov, V. N. (2011). Philosophy and Prospects of Interdisciplinary Researches Russian Science. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 7: Filosofiia. Sotsiologiia i sotsialnye tekhnologii [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies],* (3(15)), 5–14. (In Russ.)

Umov, V. I., & Lapkin, V. V. (1992). Kondratieff Cycles and Russia: Prognosis of Reforms. *Polis. Politicheskiye issledovaniya [Polis. Political Studies],* (2), 51–63. (In Russ.)

Wiener, N. (1958). *Kibernetika i obshchestvo [Cybernetics and Society].* Moscow: Foreign Languages Publishing House. (In Russ.)

Yazykova, I. (2017, August 9). *Russkiy avangard: vse, chto nuzhno znat' [Russian Avant-garde: Everything You Need to Know].* https://www.lavkafoma.ru/product/russkiy-avangard (Date of access: 12.10.2024). (In Russ.)

Информация об авторе

Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна — доктор социологических наук, Институт экономики РАН; Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-9234-8308 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр., 32; Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: kirdina@inecon.ru).

About the author

Svetlana G. Kirdina-Chandler — Dr. Sci. (Soc.), Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-9234-8308 (32, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117218, Russian Federation; 29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: kirdina@inecon.ru).

Дата поступления рукописи: 20.12.2024.
Прошла рецензирование: 26.12.2024.
Принято решение о публикации: 28.01.2025.
Received: 20 Dec 2024.
Reviewed: 26 Dec 2024.
Accepted: 28 Jan 2025.